

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И АФРИКАНИСТИКА

2022 – 2

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

МОСКВА 2022

DOI: 10.31249/rva/2022.02.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел Азии и Африки

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

*B.C. Мирзеханов – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор,
A.B. Гордон – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редакто-
ра, D.B. Михель – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, ответственный
секретарь, D.M. Бондаренко – д-р ист. наук, член-корреспондент
РАН, ИАфр РАН, T.K. Корагев – канд. ист. наук, ИСАА МГУ,
M.C. Мейер – д-р ист. наук, ИСАА МГУ*

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гумани-
тарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Восто-
коведение и африканистика» // Information and analytical journal «Social
Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 9:
«Oriental and African Studies». До 2021 г. выходил под названием: Рефе-
ративный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и
зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ISSN 2219–8822

© «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная
литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика», научный журнал, 2022

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Михель Д.В. Максим Шугалей о современной Ливии. Рец. на кн. : Триполи как социальный лифт для ИГИЛ (террористическая организация). Коллективная монография по результатам исследований Максима Шугалея	5
К.Б. Демидов. Палестино-израильский конфликт. (Обзор)	15
Норик Б.В. Современное состояние приграничного шахрестана Сараван (по материалам иранской научной периодики и СМИ)	34

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Кудаяров К.А. Внутрирегиональные проблемы безопасности Центральной Азии : на примере Кыргызстана	59
--	----

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Михель И.В. Шившанкар Менон об Индии и изменяющейся азиатской геополитике. Рец. на кн. : Menon S. India and Asian Geopolitics: The Past, Present. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2021	81
Чайников Ю.В. Земля как центр жизненных интересов : экологические и социальные изменения в Индонезии. (Обзор)	94
Мозиас П.М. Китайский рынок недвижимости: динамика развития и макроэкономическая роль. (Обзор)	107
Самсонова В.Г. Республика Корея в борьбе с пандемией COVID-19	147

CONTENTS

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

Mikhel D.V. Maxim Shugaley on Modern Libya. Book Review: Tripoli as a Social Elevator for the ISIS (Terrorist Organization). A Collective Monograph Based on the Results of Max Shugaley's Research	5
Demidov K.B. Palestinian-Israeli Conflict. (Review)	15
Norik B.V. On Actual State of Sarawan Boundary region. (According to Iranian Scientific Periodicals and Mass Media)	34

CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS

Kudayarov K.A. Intraregional Security Problems in Central Asia: The Case of Kyrgyzstan	59
---	----

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

Mikhel I.V. Shivshankar Menon on India and Changing Asian Geopolitics. Book review. Menon S. India and Asian Geopolitics: The Past, Present. Washington, DC : Brookings Institution Press, 2021	81
Chainikov Yu.V. Land as the Center of Vital Issues: Environmental and Social Changes in Indonesia. (Review)	94
Mozias P.M. China's Real Estate Market: Its Dynamics and Macroeconomic Role. (Review)	107
Samsonova V.G. Republic of Korea in the Fight Against the COVID-19 Pandemic	147

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Д.В. МИХЕЛЬ*. МАКСИМ ШУГАЛЕЙ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИВИИ. РЕЦ. НА КН. : ТРИПОЛИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ ДЛЯ ИГИЛ (ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ) : КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ МАКСИМА ШУГАЛЕЯ / М.А. Шугалей, И.С. Бурикова, О.В. Суханов, А.И. Юрьев. – Санкт-Петербург, 2020. – 115 с.

Аннотация. После убийства ливийского лидера М. Каддафи Ливия как государство больше не существует. Страна раскололась на ряд территорий, которыми управляют различные вооруженные группировки. Весной 2019 г. группа российских ученых под руководством М.А. Шугалея провела социологическое исследование на территории Ливии, установив, что бывшая столица страны Триполи превратилась в социальный лифт для террористической организации ИГИЛ. Авторы монографии рассматривают терроризм как войну нервов и следствие неприятия того образа мира, который формируется в рамках процесса глобализации. В настоящее время в истории терроризма наступил этап, когда из инструмента в руках слабых, кто борется с властью, терроризм превратился в инструмент власти предержащей. Инкорпорация террористов во власть, согласно выводам Шугалея, произошла недавно в Триполи, где ведущие позиции в составе Правительства национального согласия заняли представители радикальных исламских группировок и реальные террористы. Полевые исследования, проведенные российскими учеными в Ливии, позволили услышать голоса реальных

* Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

ливийцев – как связанных с официальной властью в Триполи, так и простых жителей, а также выяснить их мнение о современном положении дел в Ливии и судьбе их страны.

Ключевые слова: Ливия; Триполи; терроризм; Максим Шугалей.

MIKHEL D.V. Maxim Shugaley on Modern Libya. Book Review: Tripoli as a Social Elevator for the ISIS (Terrorist Organization). A Collective Monograph Based on the Results of Max Shugaley's Research. Sankt Petersburg, 2020. 115 p.

Abstract. After the assassination of Libyan leader M. Gaddafi, Libya as a state no longer exists. The country split into a few territories ruled by different armed groups. In the spring of 2019, a group of Russian scholars led by Maxim Shugaley conducted a sociological study in Libya, finding that the former capital Tripoli had become a social elevator for the ISIS (terrorist organization). The authors of the monograph see terrorism as a war of nerves and a consequence of the rejection of the image of the world that is being formed as part of the process of globalization. The history of terrorism has now reached a stage where terrorism has turned from a tool in the hands of the weak who are fighting the powers into a tool of the power. The incorporation of terrorists into power, according to Shugaley's findings, has recently occurred in Tripoli, where representatives of radical Islamic groups and actual terrorists have taken leading positions in the Government of National Accord. The field research conducted by Russian scholars in Libya made it possible to hear the voices of real Libyans, both those affiliated with the official authorities in Tripoli and ordinary residents, and to find out their opinions on the current in Libya and the fate of their country.

Keywords: Libya; Tripoli; terrorism; Maxim Shugaley.

Для цитирования: Михель Д.В. Максим Шугалей о современной Ливии [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 2. – С. 5–14. Рец. на кн. : Триполи как социальный лифт для ИГИЛ (террористическая организация) : коллективная монография по результатам исследований Максима Шугалея / М.А. Шугалей, И.С. Бурикова, О.В. Суханов, А.И. Юрьев. – Санкт-Петербург, 2020. – 115 с. DOI: 10.31249/rva/2022.02.01

«Ливийский вопрос» давно уже находится в поле зрения отечественных исследователей. В апреле 2021 г. на базе ИНИОН РАН группа специалистов провела семинар, обсудив перспективы ливийского урегулирования в контексте европейской и международной безопасности [1]. Не менее актуальным остается понимание общей обстановки, которая складывается на территории Ливии в настоящее время. Поскольку по объективным причинам доступ для большинства российских исследователей на территорию этой страны, находящейся под контролем различных групп боевиков, затруднен, особую актуальность имеют исследования, проведенные с помощью полевых методов. Уникальным примером такого исследования стала работа группы из Санкт-Петербурга в составе социологов Максима Шугалея и Александра Прокофьева и переводчика Самера Суэйфана. Их работа в Ливии проходила с 14 марта по 17 мая 2019 г. Прокофьев вернулся в Россию 13 мая, а Шугалей и Суэйфан остались там, но 17 мая были похищены одной из вооруженных группировок и брошены в тюрьму Митига. Переданные в Россию материалы стали основой для публикации, вышедшей в свет в Санкт-Петербурге в том же году. М.А. Шугалей и С. Суэйфан оставались в ливийском заключении более года, и все это время с российской стороны предпринимались попытки по их освобождению [4]. В ходе борьбы за освобождение Шугалея и Суэйфана в России был снят трехсерийный фильм «Шугалей» (2020), он стал мощным информационным фактором для привлечения внимания мировой общественности к происходящим в Ливии событиям. В декабре 2020 г. в результате спецоперации оба российских исследователя были возвращены на родину [2].

Экспедиция группы Шугалея в Ливию происходила в условиях, когда войска маршала Халифа Хафтара начали освобождать юг страны от террористов. «На работу группы возлагались большие надежды, так как это была единственная российская экспертная группа в Ливии, способная предоставить объективную картину происходящих общественно-политических событий. Данные социологических исследований, подкрепленные доказательной базой, должны были стать альтернативой мешанине пропагандистских информационных кампаний, организованных вокруг Ливии другими иностранными державами» (с. 7). Но, как известно, в

начале июня 2020 г. наступление войск Хафтара на Триполи было остановлено, и освобождения ливийской столицы от террористов не произошло [3].

Полученные группой Шугалея материалы, доставленные в Россию, были обработаны его коллегами из Санкт-Петербургского государственного университета – А.И. Юрьевым, И.С. Буриковой и О.В. Сухановым. Итогом этой работы и стала обсуждаемая здесь монография. По своей структуре она включает в себя четыре значимые части. В первой из них обсуждается вопрос о роли российских специалистов в изучении общественной ситуации в Триполи; во второй – анализируется вопрос о терроризме как социальном явлении; в третьей – излагается оригинальная концепция о четырех исторических этапах развития терроризма; в четвертой – основные выводы, касающиеся сложившейся в Триполи ситуации, связанные с инкорпорацией террористов в официальные структуры власти.

В эмпирическом плане наиболее интересной представляется последняя часть монографии, но представленные в ней выводы нельзя в полной мере понять, не ознакомившись с авторскими интерпретациями терроризма как социального явления, изложенными наиболее полно во второй и третьей частях. Подробно рассмотрев классические представления о терроризме, авторы пришли к необходимости толковать терроризм «как социальное явление, маскирующееся под войну» (с. 16). Наиболее полно, по их мнению, это проявилось в эпоху глобализации. Но хотя терроризм и является войной, по сравнению с конвенциональными формами «огневой войны» у терроризма есть собственная специфика. «Инструментом терроризма является психологическое превосходство над противником, который не знает: что, где, когда, как, зачем будет нанесен очередной удар. Терроризм – это война нервов, рас считанная на долгосрочную перспективу и на глобальные масштабы ее осуществления. Терроризм, как и «цивилизованная война», побеждает не на полях сражений, а во внутреннем пространстве психики человека» (с. 19). Террористы заняты устрашением, и их цель – изменить сознание тех, против кого они выступают.

Авторы противопоставляют между собой терроризм и террор. Последнее – это инструмент в руках сильных, тех, у кого в руках власть. Первое – это инструмент в руках слабых, тех, кто

выступает против власти предержащей, против элиты, а в настоящее время – против глобализации и ее приверженцев. По понятным причинам террористы не обязательно прибегают к конвенциальному оружию; в современных условиях в их распоряжении все элементы техносферы. Отсюда и различные методы террористической деятельности – информационный, физико-технический, химический, биологический и др.

По мнению авторов, борьба с терроризмом традиционными военными средствами обречена на неудачу. Для победы над терроризмом необходимо не просто победить террористов, но важно уничтожить сами его условия, которые лежат не столько в сфере социально-экономических отношений, сколько в сфере психологии. Террорист не признает тот мир, в котором живут остальные люди. Для всех остальных жизнь в этом мире имеет смысл, поскольку имеет цель. Если бы цели не было, то жизнь в этом мире была бы наполнена ужасом. Для террориста все ровно наоборот. Этот мир внушает ему ужас. Поэтому террористы готовы разрушить его, не щадя ничьих жизней, в том числе и собственных. Говоря «этот мир», авторы подчеркивают, что речь идет о мире, обустроенным людьми, цивилизованным.

До наступления глобализации терроризм проистекал из мировоззренческой несовместимости, например, из противоречий между религиозными убеждениями. С наступлением глобализации терроризм принял форму «борьбы за место в жизни» (с. 24). Глобализация дала понять человечеству, что существующий миропорядок неэффективен, а многим людям, народам и целым странам – не место в будущем мире. Ответом на это и стали новые формы терроризма. «Глобализация требует от самого человека измениться – изменить свое сознание, т.е. человек должен принять новую Картину Мира, сформировать новое Мировоззрение, занять новую Жизненную Позицию, начать новый Образ Жизни... Вокруг именно этих требований глобализации завязалась борьба, одним из проявлений которой является терроризм... Борьба идет не за территорию, не за ресурсы, не за экономические позиции, а за содержание сознания» (с. 26–27). Противники и сторонники глобализации могли бы вступить между собой диалог, но чаще всего этот способ переустройства сознания отвергается. «Легче применять

оружие для принуждения, чем интеллект для доказательства» (с. 27).

Тerrorизм поднимает голову там, где слабеет общество, где ослабевает доверие к прежним ценностям, а также там, где разрушается государство. Распространение терроризма на современном Ближнем Востоке, особенно в Ливии, является следствием этих тенденций. Целью терроризма, как пишут авторы, является «психологово-политическая дестабилизация общества, приводящая к финансовым коллапсам, сменам правительства, сокращению производства, остановкам транспортных потоков – всего, что материально воплощает отвергнутый терроризмом мир других людей» (с. 41). Тerrorизм выступает нервной реакцией на глобальные изменения в современном мире.

В истории терроризма есть свои закономерности. В монографии они подробно изложены. Схематично в истории терроризма выделяются этапы, когда терроризм был делом одиночек и когда он стал делом целых организаций. В начале XXI в. в истории терроризма произошло качественное изменение: появилось первое террористическое государство – ИГИЛ (запрещено в Российской Федерации). Но военный разгром ИГИЛ силами Сирийской арабской армии и ВКС России поставил террористов перед выбором новой стратегии. К тому же террористическое государство ИГИЛ официально нигде в мире не было признано. В Ливии после уничтожения государства, созданного М. Каддафи, и убийства самого ливийского лидера для дальнейшего развития терроризма сложились удобные условия. Здесь в истории терроризма начался новый этап – «инкорпорация в существующие государственные структуры». «На данном этапе происходит по факту внедрение и захват уже существующих государств, их управлеченческой инфраструктуры. Террористы маскируются за статусами и должностями, оказываются в позиции руководителей признанных государственных образований, с которыми международному сообществу приходится вести диалог» (с. 48). Именно к такому выводу пришел М.А. Шугалей и его коллеги, проанализировав текущую общественно-политическую ситуацию в Ливии.

Перемещение центра терроризма с территорий, прежде контролируемых ИГИЛ в Ираке и Сирии, в Ливию оказалось закономерным процессом. На Африканском континенте много стран со

слабой властью, то и дело вспыхивают гражданские войны, высокий уровень коррупции, континент насыщен оружием, среди населения много приверженцев радикального ислама, миллионы людей недовольны несправедливым распределением государственных доходов от экспорта сырья. Совокупность перечисленных факторов превращает Африку в идеальный плацдарм для создания террористических баз. В 2015 г. в ливийском Сирте была создана крупная база ИГИЛ, которая насчитывала 5 тыс. боевиков (с. 68). В 2016 г. Сирт был формально освобожден от боевиков, но по сути террористическая деятельность там перешла на новый уровень. Многие террористические лидеры выпустили из рук оружие, надели цивильные костюмы и вошли в состав Правительства национального согласия (ПНС).

В монографии приведен целый ряд фактов, подтверждающих этот вывод. Названы имена. Премьер-министр ПНС Файез Саррадж – член радикальной организации «Братья-мусульмане»¹. Министр внутренних дел – Фатхи Башага из бандформирования «Военный совет Мисураты». Часть боевых организаций Мисураты и Триполи вошли в структуру МВД. Главы западного и центрального военных округов, а также военного округа «Триполи» генералы Усама аль-Джулейли, Мохаммед аль-Хаддад и Абдул Бассет Марван тесно связаны с военизованными бандформированиями. Причем данные факты не следует считать открытием только М.А. Шугалея. Летом 2019 г. на закрытом заседании Совета безопасности ООН о тесной связи ПНС с террористами сделал доклад Специальный представитель ООН по Ливии Гасан Саламе [5].

Проникновение террористов в структуры государственной власти современной Ливии, по мнению авторов монографии, становится подтверждением того, что в истории терроризма наступил новый этап. Прежде террористы долго боролись с властью. В Триполи они сами стали властью. «Ливия – это тревожный звоночек, сигнализирующий о том, что терроризм умнеет. Кто даст гарантии, что, проникнув в спинной мозг одного государства, терроризм как рак не даст метастазы в другие, и в результате на geopolитической карте мира не появится, например, террористический конти-

¹ В феврале 2021 г. Ф. Саррадж покинул Ливию, улетев в Италию, – официально для лечения, но, как можно предположить, не выдержав морального прессинга со стороны своего окружения и опасаясь за жизнь [6].

нент (учитывая нескрываемый интерес радикальных исламистских организаций к Африке)?» (с. 72–73).

В финальной части монографии авторы вынуждены констатировать, что Ливия не случайно стала площадкой для современного терроризма. Обладающая огромными запасами нефти, Ливия в период правления М. Каддафи как страна стала настоящим вызовом для Запада. Харизматичный ливийский лидер демонстрировал не только самостоятельность, но фактически стал спонсором многих африканских диктаторов и террористических движений. Пытаясь влиять на мировую политику, Каддафи стал экзистенциальной угрозой для своих оппонентов и был устранен. Переворот, инспирированный из-за рубежа, и убийство ливийского лидера превратили Ливию из процветающего государства в нестабильное образование без прочных институтов. В Ливии после Каддафи власть номинально перешла в руки ПНС, но фактически на местах правят враждующие между собой племена и группировки. В регионе укрепились террористы всех мастей, которых подмял под себя ИГИЛ. Реальностью современной жизни в Ливии стал террор бандформирований, казни, насилие, грабежи, бесконтрольная добыча нефти, доходы от которой идут не только в карман западных компаний, но и прибывающих в Ливию террористов. Почти треть ливийского населения покинула свою родину, поскольку прежней Ливии больше нет.

На территории, формально находящейся под контролем ПНС, присутствуют эмиссары всех крупнейших террористических группировок Африки и Ближнего Востока, включая Боко Харам и Аль-Каиду. В тюрьмах, которые принадлежат лидерам банд, содержатся невинные люди, захваченные в различных частях света. Бандиты по своему произволу могут их либо убить, либо продать тем, кто готов заплатить за их пленников выкуп. По некоторым данным, в лагерях террористов идет подготовка летчиков, и эта информация уже беспокоит компетентные органы некоторых европейских стран (с. 84). Из Ливии террористы координируют всю террористическую деятельность в Старом Свете. В целом страна превратилась в самый большой университет терроризма в мире.

Весьма цennыми иллюстрациями к общей картине трагического положения дел в Ливии являются материалы интервью, собранные группой Шугалея в Ливии. Собеседниками российских

ученых стали две группы людей: во-первых, представители современного ливийского политикума, в той или иной степени способные принимать важные решения, – Председатель Государственно-го совета Халед аль-Мишри, премьер-министр Файез Фаррадж, высокопоставленные чиновники ПНС, президент Палаты представителей Ливии Агила Салех исса, Сейф аль-Ислам Каддафи; во-вторых, люди не облеченные властью – сотрудник Центрально-го банка (имеющий сведения о том, как перемещаются деньги от продажи нефти), директор департамента образования, бывший офицер армии, офицеры полиции, учительница, хозяин бакалейной лавки, адвокат, представители племен, старейшины, ректоры двух университетов из Бенгази – города, объявившего автономию и управляемого Советом Киренаики. В высказываниях представителей второй группы часто звучит горечь из-за разрушения страны и произвола, чинимого террористами. Многие из собеседников признавали, что «единственный эффективный способ решить проблемы Ливии – военно-силовой. Это болезненный путь, но необходимо на него решиться и пройти до конца» (с. 109).

В целом картина современной Ливии, представленная в монографии, выглядит весьма впечатляюще. Читатели найдут в этой книге много актуальной информации, значительная часть которой еще не успела устареть. Особую ценность для неискушенной в ливийском вопросе аудитории будет иметь тот факт, что большая часть материалов для этой книги была получена российскими учеными в условиях, абсолютно несовместимых с условиями для нормальной научной работы.

Список литературы

1. «Ливийский вопрос» : перспективы урегулирования в контексте обеспечения европейской и международной безопасности : обзор / В.С. Мирзеханов, В.А. Кузнецов, А.С. Сидоров, Ф.О. Трунов, П.В. Шлыков // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2021. – № 4. – С. 31–43.
2. Освобожденные в Ливии Шугалей и Суэйфан вернулись в Россию // RT. – 2020. – 11.12. – URL: <https://russian.rt.com/russia/news/811984-liviya-rossiyane-vozvrashenie> (дата обращения: 07.01.2022).
3. Правительство Ливии захватило последний оплот сил Хафтара возле столицы // Lenta.Ru. – 2020. – 5.06. – URL: <https://lenta.ru/news/2020/06/05/tarhouna/> (дата обращения: 07.01.2022).

4. Розова Л. Мы вырвем Максима из рук террористов // Российская газета. – 2020. – 14.08. – URL: <https://rg.ru/2020/08/14/my-vyrvem-maksima-iz-ruk-terroristov.html> (дата обращения: 07.01.2022).
5. Сизов Е. Доклад ООН о преступлениях ПНС вызвал нервную реакцию властей Триполи // Слово и дело. – 2019–17.09. – URL: <https://slovodel.com/538297-doklad-oon-o-prestupleniyakh-pns-vyzval-nervnuyu-reakciyu-vlastei-tripoli> (дата обращения: 09.01.2022).
6. Файез Саррадж покинул пост самолетом : глава Правительства национального согласия улетел из Ливии до передачи полномочий новым властям // Коммерсантъ. – 2021. – 15.02. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4692731> (дата обращения: 09.01.2022).

К.Б. ДЕМИДОВ*. ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ. (Обзор).

Аннотация. На примере Палестины Запад демонстрирует готовность пробовать новые методы, существенно обогащающие арсенал «старого доброго» колониализма. Несмотря на усилия израильской общественности, стремящейся облегчить положение палестинцев, прежнее к ним отношение мало чем отличающееся от расизма, со стороны государственных структур не претерпело изменения. Данная ситуация изначально возникла в силу негласного покровительства, оказанного Еврейскому агентству Великобританией, осуществлявшей мандатные функции и не позволившей палестинцам создать эффективные органы управления.

Ключевые слова: Израиль; Палестина; Великобритания; США; расизм; апарtheid; колониализм.

K.B. DEMIDOV. Palestinian-Israeli Conflict. (Review).

Abstract. Israeli-Palestinian conflict demonstrates that old fashioned colonialism is quite capable of assuming restyled forms of governance. Even though Israeli civil society strives to give voice to Palestinian concerns, still the initial racial contract remains rock-solid. Initial collusion of Jewish Agency with the Mandatory authorities precluded of any constructive development. Palestinians, facing this initial disadvantage and having no representational institutions (due to British efforts to prevent them from political self-determination), had no other choice but armed revolt.

Keywords: Israel; Palestine; Great Britain; United States; racism; apartheid; colonialism.

* Демидов Константин Борисович – ведущий редактор отдела Азии и Африки ИНИОН РАН.

Для цитирования: Демидов К.Б. Палестино-израильский конфликт : обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 2. – С. 15–33. DOI: 10.31249/RVA/2022.02.02

Я. Абу-Лабан (Университет Альберты, Канада) и А.Б. Бакан (Университет Торонто, Канада)¹ [1] рассматривают политику израильских властей по отношению к палестинцам как анахроничное (по видимости) продолжение западной колониальной политики и указывают на поразительное сходство с апарtheidом в том, что касается применяемых методов и практик. Идеология сионизма – подобно идеологии апартеида – была изначально сконструирована как удобная идеологическая ширма, призванная дать населению обоснование проводимой политики; в конечном итоге она позволила политическим верхам отказаться от норм элементарного гуманизма.

Очевидное тому подтверждение – существующая и поныне проблема палестинских беженцев. С самого начала своего существования Израиль практиковал «насильственное перемещение, ссылки и коллективное наказание – наряду с отрицанием какой бы то ни было ответственности израильского государства за возникновение проблемы беженцев» [1, с. 70]. Поведение израильских властей аналогично тому, что происходило в прочих случаях колониальной экспансии: «Сионистская надстройка представляет собой отнюдь не исключительное, но типическое явление – подобные черты можно обнаружить и в прочих случаях колониальной экспансии, осуществляемой поселенческими сообществами» [1, с. 239].

Авторы показывают, что Израиль рассматривается Западом не в последнюю очередь как площадка для апробации новых образцов экспансии. Таким образом, анахронизм израильской внутренней политики лишь кажущийся. Будучи экстраполированной в современность, идеология колониализма приобретает новые формы и обличья, а ее методы некритически усваиваются прочими игроками на мировой политической арене как нечто эффективное, прошедшее испытание временем.

¹ Авторы, активисты post-colonial studies, стремятся придать новые аспекты антиизраильским стереотипам левых политических течений. – Прим. ред.

Авторы отмечают причудливое переплетение между локальной и глобальной проблематикой – многие страны усвоили новые методы и приемы осуществления политики в той стилистике, которая получила наименование постправды: характерным здесь оказывается кричащее расхождение между внутренней и внешней политикой в сочетании с поразительной схожестью применяемых подходов и методов, а также тем, как эта политика преподносится. Симптоматично, что власти склонны использовать прямо противоположные критерии оценки тех или иных явлений (в зависимости от контекста и адресата), демонстрируя своего рода идеологическую «шизофрению»; более того, часто наблюдается циничное «присвоение» тех или иных, выгодных в данный момент, однако в реальности совершенно иррелевантных позиций и особенностей (например, акцентирование чужих невзгод и страданий в своеокрыстных интересах) – в результате получается тот «каскад разнообразных эмоций» [1, с. 263], который преподносится аудитории средствами массовой информации в целях оболванивания данной аудитории и лишения ее ценностных ориентиров.

Данное переплетение проблематик и позиций, используемое властями разных стран для продвижения собственных интересов (причем все чаще личных интересов частных лиц и групп лиц, а не интересов их государств), несет новые угрозы для тех, кто может по каким-либо признакам попасть в категорию «иных» – чем-то отличающихся от большинства, особенно в силу все более открытого применения арсенала средств, характерных для авторитаризма: «Если рассматривать вопрос шире, можно заметить, что поворот к авторитарным методам управления в стиле «пост-правда», наблюдавшийся как в США, так и в других странах, несет с собой новые потенциальные угрозы для иммигрантов, беженцев, темнокожего населения – как жертвы расизма – а также для туземного населения в целом; к этому добавляется и расизм, направленный против евреев» [1, с. 266].

Так, в 2017 г. Шарлотсвилл в Вирджинии стал свидетелем открыто расистских и не получивших должного отпора со стороны властей «выступлений белого большинства, направленных против темнокожих, евреев и мусульман; в 2018 г. нападению с применением огнестрельного оружия подверглась питтсбургская синагога» [там же]. По мнению авторов, налицо намеренное стравливание

различных социальных и этнических групп в стиле «разделяй и властвуй» к вящей славе обновленного, переосмыщенного авторитаризма. Данное переосмысление подразумевает активное использование наработанных во времена колониализма и апартеида методов и практик, причем все это преподносится как обновленная демократия. Начало данному процессу было положено во время беспорядков в Фергюсоне (Миссури) в 2014–2015 гг. Массовые протесты потрясли город после того, как полицейский, совершивший убийство безоружного афроамериканца, был оправдан в суде. Таким образом, беспорядки могут провоцироваться вполне сознательно в целях отвлечения публики от более важных, с точки зрения властей предержащих, проблем.

Тот факт, что в результате притока мигрантов буквально по-всеместно наблюдается феномен социальной гибридизации – утраты прежнего единства местного образа жизни, – лишь усугубляет положение, так как действующие совокупно факторы приводят к причудливому «обогащению» локальной политической повестки проблемами глобального характера. На примере Израиля авторы демонстрируют, насколько «тесным» – в политическом смысле – становится современный мир. Политика израильских властей по отношению к палестинцам – один из примеров упомянутого выше переплетения локальной и глобальной проблематики: «Стремление добиться справедливости в случае, произошедшем в Фергюсоне, оказалось не столь уж иррелевантным по отношению к аналогичным преступным деяниям в Палестине – не в последнюю очередь и в силу ключевой роли в данной ситуации «G4S» – британской мультинациональной охранной организации, которая, вплоть до разоблачений в израильской прессе в декабре 2016 г., осуществляла аресты, пытки и содержание под стражей в Палестине (практика, в последнее время «обогатившаяся» технологиями разобщения, позаимствованными у апартеида). Та же самая организация оказалась незаменимой и в случае американских школ тюремного типа – равно как и на американо-мексиканской границе с ее вновь воздвигаемой стеной» [1, с. 267].

Примечательно применение одной и той же охранной организации в столь разнородных ситуациях – правящие элиты, похоже, тем самым демонстрируют решимость идти на крайние меры, чтобы противостоять «беспорядку» – какие бы обличья последний

не приобретал. На деле, как показывают авторы на примере Израиля, власти – часто вполне осознанно – намеренно «секут хаос», чтобы продемонстрировать собственную решимость с ним бороться. Обращает на себя внимание беззастенчивое использование в столь разных случаях британской охранной организации; хотя в реальности, скорее всего, речь идет об исключительных возможностях данной организации, тем не менее стремление верхов к распространению хаоса и собственному сплочению перед лицом последнего едва ли подлежит сомнению.

Авторы показывают, что Палестина превратилась в арену противостояния не просто международных политических «лагерей»; именно здесь происходит апробация абсолютно несовместимых, а точнее, радикально противоположных подходов к пониманию политического мироустройства. Если политические верхи Израиля опираются на собственную (и весьма вольную) интерпретацию библейской мифологии, подкрепляя ее пропагандой достижений – также во многом мифического свойства, то израильское гражданское общество и палестинцы склонны апеллировать к здравому смыслу и элементарному гуманизму; последний представляется особенно актуальным, поскольку израильские власти, по сути дела, пытаются привить обществу – в скрытой, завуалированной форме – самый настоящий расизм (авторы называют данное явление «расовым контрактом», подразумевая навязывание палестинцам определенного места в израильском социуме).

Власти всячески пытались убедить общество и мировую общественность в справедливости подобного рода действий. Однако расизму в Израиле не было суждено стать неким неоформленным общественным настроением, он был воплощен в деятельности вполне конкретных государственных органов, законодательно закрепивших данное положение вещей: «Законотворческие структуры израильского государства были задействованы для того, чтобы обеспечить евреям – принадлежность к которым определялась чисто этнически – доступ... к высшей экономической, культурной и политической власти в стране» [1, с. 67].

Примечательно целенаправленное построение государственной машины вокруг некоего ядра, четко осознающего, в каком направлении следует двигаться; по образу западного политического устройства при возникновении Израиля было задействовано

своего рода «глубинное государство»: «Руководящая – структура... своего рода надстройка (в данном случае сионистского характера) – не что иное, как типическая черта, свойственная и прочим примерам колониальной экспансии поселенцев» [1, с. 239]. Одним из основных результатов деятельности данной структуры явилось столкновение в сионистском ключе ветхозаветной тематики, продиктованное вполне циническими, политическими соображениями.

Политическое прочтение библейской проблематики – в целях оправдания захвата чужих территорий – своим логическим следствием имело создание образа врага и разделение общества на «своих» и «чужих». Палестинцам стали приписывать свойства, якобы свидетельствовавшие об их исконной неполнценности. Примечательно, что расизм, подкрепленный ссылками на религию и историю, как и в прочих подобных случаях, здесь служит псевдонаучным обоснованием политических притязаний: «Милитаристский и колониальный характер израильской государственности вступает во взаимодействие с религиозным обоснованием прав поселенцев на занимаемые ими земли – обоснованием, которому придан статус закона» [1, с. 185].

Данная идеология заходит столь далеко, что выдвигает притязание своих адептов на то, что именно их следует считать подлинными автохтонами этих территорий: «Сионизм утверждает особые / исключительные права евреев на то, чтобы считаться автохтонами на «древних землях» – подразумевается Палестина, – и это следует понимать как идеологическую конструкцию, необходимую Израилю, чтобы обосновать собственную гегемонию на Ближнем Востоке» [1, с. 140].

Не стоит, однако, считать, что сионизм черпает вдохновение исключительно в еврейской мифологии. Подобно прочим аналогичным историческим явлениям, приведшим к разрушению устойчивого образа жизни и хозяйствования больших сообществ на определенной территории, сионизм опирался на целый ряд факторов и довольно разнородных представлений. Это было убедительно продемонстрировано Д.Ф. Ноблом, который отметил, что сионизм вполне можно рассматривать как своего рода ответвление западной политической мифологии – «британские и североамериканские патроны Израиля задолго до появления этого государства

на карте при помощи подобных рассказней обосновывали права собственных империй» [1, с. 140].

Авторы обращают внимание на то, что подчеркивание статуса жертвы, которым будто бы автоматически наделен Израиль в силу бедственной истории еврейского народа, используется для оправдания законов, ущемляющих права палестинцев арабского происхождения. При помощи акцентирования трагедий прошлого происходит обоснование вопиющего беззакония, царящего в отношениях с палестинцами, равно как и принятие ущемляющих их права законов, якобы направленных на поддержание безопасности Израиля. Авторы указывают на целенаправленное формирование сионистской идеологии как своего рода нарратива (внедряемого в мозги посредством клише и мемов) – вполне определенного способа истолкования реальности, согласно которому палестинцы априори попадают в категорию, объединяющую все то, от чего необходимо отталкиваться и освобождаться, иначе говоря, всего чуждого, неполнценного, недоразвитого.

Таким образом, мы имеем дело с израильской попыткой установить систему управления, мало чем отличающуюся от апартеида: «Сионистский нарратив высовчивает уникальные черты, которые можно признать как специфичные исключительно для израильской версии апартеида. Речь идет об этнических чистках и принуждении к миграции... Все это дает представление о том поселенческом колониализме, который практикуется в Израиле» [там же].

Авторы предлагают рассматривать сионизм в контексте прочих, подобных ему по духу, идеологических построений, которые неизменно стремятся представить себя как некое «новое слово» – передовое, опирающееся на науку учение: «Тот факт, что сионизм выказывает претензии на статус прогрессивной идеологии... даже несмотря на то что он способствует продвижению повестки поселенцев – повестки по своему духу абсолютно колониальной и настаивающей на исключительности евреев, придает особенную актуальность анализу апартеида» [1, с. 242].

Дело в том, что Израиль взял на вооружение практики африканского апартеида, оправдываемые якобы не вызывающим сомнения неравенством между белыми и черными, – последние согласно утверждениям колониалистов просто не в состоянии

выполнять сложную, высококвалифицированную работу. Израильский историк Габриэль Питерберг в ряде работ (*The Politics of History in Israel*, 2004; *The Returns of Zionism*, 2008) на примере источников, не переводившихся с иврита на другие языки, продемонстрировал колониальную типичность сионистского дискурса – последний, словно из готовых блоков, составлен из готовых формул, выработанных на Западе времен раннего колониализма. Так, совершенно в ключе колониальных идеологических построений, «бременем белого человека» оправдывавших любые зверства по отношению к «недоразвитым аборигенам», с самого начала своего существования Израиль культивировал миф о якобы очевидном, существенном неравенстве между евреями и арабами, придавая ему политическое истолкование. Именно эти антинаучные, мифологические по своей сути представления послужили основанием для вполне конкретной экспроприации земель коренного населения Палестины: «К 1948 году в руках еврейского населения было лишь 6% земель на территории всей подмандатной Палестины, однако после 1948 года положение вещей изменилось самым радикальным образом» [1, с. 210].

Не может не вызывать удивления тот факт, что Израиль заявляет о себе как о прогрессивной, демократической, «западной» стране (по умолчанию, противостоящей «восточному варварству» и защищающей Запад от последнего). И это несмотря на то что повседневная практика носит совершенно противоположный, откровенно колониальный характер (хотя на Западе колониализм уже давно предан проклятию, по крайней мере официально). Так, с опорой на религиозные источники (хотя сионизм – светская, антирелигиозная идеология) обосновываются поселения колонистов, якобы обладающих эксклюзивными правами на занимаемые ими земли.

Авторы приводят ряд фактов, доказывающих глубокое родство между практиками апартеида и тем, что можно наблюдать в Израиле: «То что речь в случае Израиля идет именно об апартеиде, становится абсолютно очевидным, если принять во внимание отсутствие законности в некоторых областях гражданской жизни» [1, с. 240]. Так, в Израиле не наблюдается свободы слова, закрепленной законодательным образом, – так повелось еще со времен Press Ordnance 1933 г., «унаследованной Израилем от периода бри-

танского Мандата, – правительство по своему произволу прекращает деятельность неугодных ему средств массовой информации» [1, с. 240]. Едва ли удивительно, что данные меры направлены по преимуществу против арабских медиа – вполне в соответствии с политикой, в результате которой лица арабского происхождения рассматриваются как нежелательные. Лишь 10% студентов являются палестинцами, причем с целью отсеивания «нежелательных» абитуриентов используется самый разнообразный инструментарий – от психометрических практик до собеседований исключительно на иврите [там же] «Доклад Глобальной коалиции по защите образования от посягательств утверждает, что подобная дискриминация в Израиле носит систематический характер» [там же].

Еще более плачевная ситуация складывается в области занятости: «Осуществление сионистского проекта... привело к тому, что палестинская рабочая сила составляет в Израиле меньшинство, – по контрасту с Южной Африкой, где чернокожее население в период между 1913 и 1948 годами было большинством – в том, что касалось занятости» [там же].

Попытка замаскировать неблаговидную реальность осуществляется при помощи усиленного выпячивания «зеленой» проблематики и подчеркивания израильских успехов в данном направлении (авторы называют это явление greenwashing). Все это совершается под тем предлогом, что якобы на захваченных территориях Западного берега реки Иордан, где идет процесс создания исключительно еврейского сообщества, возникает «более счастливое место»: «Тем самым... Израиль, используя greenwashing, пытается представить дело так, что проблема этнических чисток в 1948 г. оказывается отодвинутой на задний план» [1, с. 223].

На деле картина представляется намного более сложной, иногда просто катастрофической: «Сектор Газа – некогда пасторально-идиллическая прибрежная область на юге Палестины, в 1948–1967 годах превратилась в один из наиболее густонаселенных регионов мира, причем следует иметь в виду полное отсутствие адекватной экономической инфраструктуры, способной поддерживать местное население» [1, с. 207].

Политика создания для коренных палестинцев невыносимых условий для жизни имеет целенаправленный характер – арабскому населению следует либо эмигрировать, либо умереть: «Если гово-

рить об оккупированных территориях, выясняется, что возможность заниматься сельским хозяйством – традиционным источником добывания средств к существованию в этой местности (причем следует учитывать его зависимость от наличия пригодных земель и доступных водных ресурсов) – была серьезнейшим образом подорвана. Резкое уменьшение числа сельскохозяйственных работников-палестинцев в первое десятилетие после 1967 года – факт, не вызывающий никакого сомнения» [1, с. 215].

События 11 сентября 2001 г. ознаменовали начало нового этапа в израильской политике по отношению к палестинцам: «Период после 11 сентября 2001 года был отмечен применением практик апартеида – одних из наиболее жестоких в истории Израиля – по отношению к коренному населению Палестины» [1, с. 98]. Совершенно абсурдные меры получали столь же абсурдное объяснение – ограничение возможностей передвижения оправдывалось необходимостью поддерживать безопасность на должном уровне. Абсурдность действий израильских властей на деле прикрывает глубоко спрятанную, но реальную повестку. Не вызывает сомнения заинтересованность официального Израиля в провоцировании коренного населения Палестины к насильственному протесту: «Уже начиная со своего возникновения в 1948 году израильское государство одним из столпов, оправдывавших жестокость, сделала фигуру палестинского террориста» [1, с. 82].

После 11 сентября 2001 г. все наконец-то встало на свои места – для Израиля стало возможным приравнивать ислам к фаизму. Именно с этого времени все более активно начал разрабатываться миф о «государстве-жертве» [1, с. 83]. Пользуясь подобным прикрытием, израильские власти приступили к новому этапу собственной политики – часто цель сокращения арабского населения достигалась поистине варварскими средствами: «К 2009 году 46% обрабатываемых земель в секторе Газа оказалось либо недоступным, либо непригодным для ведения хозяйства, причем 17% было попросту уничтожено в результате химического заражения... в ходе операции израильской армии под кодовым наименованием “Cast Lead”» [там же].

То что подобное поведение военных – отнюдь не досадная случайность, было продемонстрировано в ходе операции 2014 г. (Protective Edge), когда, по данным ООН, 24 тысячам семей пале-

стинских фермеров, скотоводов и рыбаков был нанесен огромный ущерб [1, с. 83]. Израильское руководство прибегает к мерам, которые оно выдает за «социальное планирование»: 97% населения в секторе Газа не имеют доступа к водоснабжению, причем 90% потребляемой здесь воды, по данным ЮНИСЕФ, непригодна для потребления [там же].

Авторы демонстрируют, как происходило оформление и осуществление данной политики, в основании которой совершенно циничные, антигуманные соображения: «Доступ к водным ресурсам представляет собой ключевой элемент в “израильско-палестинском расовом контракте” – ведь воздействие данного фактора затрагивает не только взрослых, но и детей» [1, с. 218]. По счастью, как внутри Израиля, так и за его пределами растет осознание гибельности данного политического курса: «Все чаще можно слышать голоса представителей гражданского общества, сознательно стремящихся доказать несостоительность израильско-палестинского расового контракта, предоставляя возможность рассказать о своем личном опыте... тем из палестинцев – равно как и еврейским активистам в США и Израиле, которые выступают против израильского угнетения палестинцев» [1, с. 263].

В силу того обстоятельства, что приток иммигрантов-евреев год от года становится слабее, Израиль стремится создать себе на международной арене «прогрессивный» облик, выгодно отличающий его от «косной» патриархальности, якобы свойственной мусульманским странам. С этой целью активно налаживаются отношения с международным ЛГБТ-сообществом, идет работа с феминистскими организациями – так, кибуцы преподносятся как образец гендерного равенства. Однако израильская машина пропаганды все чаще дает сбой: «Кампания по заманиванию израильских экспатов обратно в родные пенаты оказалась в достаточной мере отталкивающей для американской аудитории, включая в это число организации, которые прежде не были замечены в антиизраильских настроениях (например, Еврейская федерация Северной Америки и Антидиффамационная Лига) – так что в конце концов Израилю пришлось ее свернуть, убрав рекламные плакаты и отозвав ранее размещенные видеосюжеты» [1, с. 173].

Израиль продемонстрировал готовность идти на любые меры в области агитации и пропаганды, не стесняясь того, что часто

образ страны приобретает абсолютно противоречивый характер. Так, несмотря на то что сионизм обосновывает права государства Израиль ссылками на Библию, современная пропаганда все более прибегает к pinkwashing – стремлению представить еврейское государство вполне дружественным по отношению к сексуальным меньшинствам. Вкупе с greenwashing, при помощи которого предполагается завоевать симпатии «зеленых», попытки кооптировать и ЛГБТ-сообщество носят настолько вызывающий характер, что, например, в США вызвали отпор «даже тех из американских евреев, которые в обычное время не склонны к критике Израиля» [1, с. 193]. Примечательно, что в самом ЛГБТ-сообществе израильское стремление кооптировать его ценности в целях создания нового имиджа страны также вызывают протест, о чем свидетельствует, например, движение «Queers against Israel's apartheid».

При помощи абсурдистских приемов израильское руководство стремится к размыванию четкого образа страны с целью затушевать ее главную проблему: «Данные попытки придать Израилю черты некоего нового бренда... означают стирание с карты сознания аудитории как палестинцев, так и их исторических корней в Палестине... Вполне в духе Ориентализма их изображают террористами, несущими одно лишь насилие, нецивилизованными дикарями, чуждающимися всего современного, – женщине среди подобных людей якобы отведена лишь роль угнетенной жертвы» [1, с. 194]. Однако именно в том, что касается прав женщин, новый образ Израиля особенно уязвим.

Попытки сионизма создать миф об обществе нового типа, в котором успешно решаются проблемы женского равноправия, потерпели крах: «В конечном итоге следует признать, что идеология эгалитаризма, продвигаемая сионистским движением, привела к образованию отнюдь не общества всеобщего равенства, а, скорее... некоего устойчивого мифа о якобы наличествующем равенстве, во имя которого осуществлялось систематическое подавление... попыток мобилизации, направленной на продвижение израильских женщин по пути обретения реального равноправия» [1, с. 188]. Данная проблематика получает все большее международное внимание в немалой степени благодаря заслугам такого израильского ученого и борца за права женщин, как Руфь Гальперин-Киддари.

Гражданское общество в Израиле все более склоняется к осознанию масштабов проблемы, которую представляет собой обновленная идеология израильского государства. По выражению Орена Йифтахеля (Университет Бен-Гуриона), «Палестина превращена в некое подобие молчаливого фона, на котором разворачиваются основные события» [1, с. 239]. О. Йифтахель активно борется за равные права евреев и арабов в Израиле, в частности, в рамках такой организации, как Факультет мира между Израилем и Палестиной.

Однако сионизм обрел неожиданную поддержку там, где этого менее всего можно было ожидать. Западные либеральные демократии все более активно используют израильские наработки: «В либеральных демократиях начал обнаруживаться своеобразный феномен “палестинизации”. Благодаря этому стало возможным социально отсортировать потенциальных “террористов”, что автоматически включало сигнал всеобщей тревоги по отношению к таковым. Подобная “сортировка” весьма напоминает то, как палестинцы были отрезаны от общего израильского и ближневосточного контекста – что также подразумевало их социальную изоляцию. В результате возникла идеологическая конструкция, автоматически маркировавшая палестинцев как арабов по происхождению, придерживающихся исламских верований, – иначе говоря... они подпадали под готовые расовые стереотипы, в основе которых – приписывание определенных фенотипических характеристик» [1, с. 82].

Данный феномен объясняется теми проблемами, которые возникли перед западными элитами в последнее время. Его изучение тем более актуально, что, как продемонстрировал Ч. Миллс, автор классической работы «The Power Elite» (1956), общественный договор, лежащий в основании современного мира, по сути своей представляет контракт между властующими элитами в иерархически устроенном политическом универсуме; его возникновение в немалой степени было обусловлено таким явлениями, как работорговля и колониализм.

Р. Халиди [2] (Колумбийский университет, США) показывает зарождение той поселенческой политики, которая осуществлялась в Палестине в рамках западного колониального проекта. Главным игроком здесь выступала Великобритания, она в проти-

воположность существовавшим планам объединения арабов и евреев в рамках некоего «авраамического» проекта сделала ставку на захват данных территорий руками европейских поселенцев. По отношению к арабскому населению Великобритания применяла тактику «разделяй и властвуй», «кооптируя определенные элитные группировки, натравливая одних лидеров на других и изобретая некие “традиционные институты”... которые бы служили британским интересам» [2, с. 42].

Осуществлению британских планов способствовало пробуждение среди арабов национального сознания: «Национализм получил колоссальную подпитку во время Первой мировой войны – в частности, американский президент В. Вильсон всячески поддерживал националистические чаяния в колониях, что вызвало огромный эффект» [2, с. 27]. Однако возникновение сильных национальных государств не отвечало британским интересам – поэтому национализм здесь использовался лишь постольку поскольку мог способствовать разобщению и подрывал общеарабское единство. Одним из главных инструментов в данной политике было суждено стать религии – чтобы не допустить возникновения светских, националистических институтов, Британия делала ставку на религиозные сообщества, всячески поощряя самые разнообразные секты и конфессии.

Параллельно с этим шел отнюдь не вполне очевидный процесс: «Вооруженные отряды европейских колонистов действовали полулегально ... вплоть до того момента, когда Великобритания позволила сионистскому движению открыто применять военную силу, поскольку оно оказалось лицом к лицу с арабским восстанием» [2, с. 53]. Арабское население Палестины прибегло к вооруженной борьбе, столкнувшись с угрозой утраты собственных территорий и не имея легальных способов противодействия – последнее обстоятельство имело место в силу приложенных Британией усилий по торпедированию арабских попыток создать собственные государственные институты. «Подавление палестинского восстания было одной из важнейших услуг, оказанных Британией сионистскому движению до 1939 г. – 10% мужского населения Палестины было убито, искалечено, находилось либо в тюрьме, либо в ссылке» [2, с. 44].

Автор приводит примеры допущенных Британией «изощренных жестокостей и бессердечия» [2, с. 44] по отношению к арабам – многие были расстреляны за наличие у них хотя бы одного патрона; дома казненных сносились; по подозрению в сочувствии к восставшим тысячи людей удерживались в заключении без суда и следствия. «Палестинских заключенных привязывали к передней части локомотивов и бронемашин, чтобы предотвратить атаки мятежников» [там же]. Данная тактика была впервые опробована Британией во время ирландского восстания 1919–1921 гг.

Британский премьер-министр Чемберлен, в целях умиротворения в 1939 г. опубликовавший «White paper» (данний документ предусматривал серьезное сокращение британских обязательств по отношению к сионистскому движению), все же не пошел на такой шаг, как дозволение арабам создавать представительские учреждения. Пришедший ему на смену У. Черчилль являлся одним из наиболее воодушевленных сионистов британской публичной сферы» [2, с. 51]¹. Правительство, возглавляемое Черчиллем, оказалось намного более склонным действительно помогать сионистскому освоению Палестины. В частности, в 1944 г. в британской армии появилась еврейская бригада. Примечательно, что по отношению к арабам подобной благосклонности Британия не проявила: «Более 12 тыс. палестинцев во время Второй мировой войны добровольцами вступили в ряды британской армии, однако ни одного палестинского формирования так и не было создано» [2, с. 59].

Серьезнейшие изменения в расстановке сил на мировой «шахматной доске» самым непосредственным образом оказались на Ближнем Востоке и на Палестине, в частности. Осознание того факта, что Вторая мировая война приведет к коренным перестановкам на международной арене, побудило главных игроков предпринять решительные шаги по усилению своего присутствия в наиболее стратегически важных точках земного шара. Так, США, начиная с 1942 г., учредили собственные военные базы в Северной Африке и Саудовской Аравии; СССР проявлял все возрастающий интерес к Ирану и Турции.

¹ В 1920 г. Черчилль опубликовал статью «Zionism versus Bolshevism: A Struggle for the Soul of Jewish People». – Прим. ред.

На фоне подобной активности более понятной становится Билтморская программа, принятая на Чрезвычайной сионистской конференции в 1942 г.; согласно этому документу вся Палестина должна была стать территорией еврейского государства. Данная задача весьма активно стала претворяться в действительности: «К 1949 г. зачатки палестинской государственности были уничтожены, а большая часть палестинского общества лишена корней. 80% арабского населения на той территории, которая по окончанию войны отошла к вновь возникающему государству Израиль, было изгнано из своих домов, лишившись прав на землю и собственность. 720 тыс. из 1,3 млн палестинцев превратились в беженцев» [2, с. 58].

Британские планы по подрыву общеарабского национализма вполне успешно осуществлялись. Палестинская – и общеарабская – «Накба» («Бедствие») заключалась, главным образом в том, что связь режимов, установленных в арабских государствах, с Великобританией после войны лишь окрепла. И это несмотря на то что Англо-американская комиссия в 1946 г. подвергла решительной ревизии «White Paper» 1939 г., что привело к значительному притоку еврейских поселенцев в Палестину; в то же время в результате подрывной работы, осуществленной Великобританией, «коренным палестинцам были доступны лишьrudименты организационных структур» [2, с. 63].

Единственным утешением для палестинцев могло быть лишь серьезное унижение бывшей метрополии: «Великобритания, пораженная глубочайшими проблемами экономического и финансового характера – равно как и плачевным окончанием английского владычества в Индии, – была вынуждена пойти на формальную капитуляцию в Палестине... поскольку главные игроки на британской политической сцене приняли во внимание то обстоятельство, что их главные интересы отныне увязывались с независимыми арабскими государствами, а не с сионистским проектом, который теперь обрел поддержку обеих сверхдержав – США и СССР» [2, с. 71–72].

Однако так мог воспринимать происходящее лишь поверхностный наблюдатель. Великобритания активизировала свою деятельность в данном регионе; так, в значительной мере лишь благодаря ее усилиям была создана глубоко реакционная Лига арабских

государств – достаточно лишь отметить, что она «изъяла упоминание Палестины из коммюнике, посвященного началу ее деятельности» [2, с. 59]. Провозглашение государства Израиль сопровождалось эксцессами по отношению к коренному населению: «В 1948 г. около 300 тыс. палестинцев были вынуждены в панике покинуть родные места, так что их главные городские центры опустели» [2, с. 75].

После поражения, нанесенного Израилем атаковавшим его арабским государствам, еще 400 тыс. палестинцев бежали в сектор Газа, Иорданию, Сирию и Ливан; никому из них не было разрешено вернуться, а принадлежавшие им дома были разрушены. Попытки Британии усилить собственное влияние в регионе продолжало наносить палестинцам серьезнейший ущерб: «Трансиорданский король Абдалла пошел на секретный сговор с Великобританией, согласно которому Арабский легион должен был пересечь реку Иордан. Тем самым палестинцы лишились тех преимуществ, которые сохранялись у них после территориального раздела 1947 г. – а они могли бы существенно помочь им в создании государства. Хотя действия Арабского легиона и помешали Израилю захватить западный берег реки Иордан и восточный Иерусалим, тем не менее сам факт, что данные территории теперь оказались в руках Абдаллы, означал проигрыш палестинцев» [2, с. 77].

«Убийство короля Абдаллы в 1951 г. вконец испортило отношения между иорданским режимом и палестинскими националистами, которых ... стали рассматривать как безответственных и опасных радикалов, разносчиков хаоса и нестабильности» [2, с. 85]. В результате «Накбы» палестинские политические партии – за исключением коммунистов – и профсоюзы оказались в плачевном, деморализованном состоянии. Палестинские коммунисты получили возможность продолжать активность благодаря контактам с Коммунистической партией Израиля. «С 1950 г. данная организация превратилась для них в своего рода движитель» [2, с. 87].

Раз за разом палестинцы ухитрялись нарушать региональный статус-кво, выводя политическую систему из состояния равновесия. Развитие событий в мире также не благоприятствовало приемлемому решению палестинской проблемы. «До 1967 г. США придавали довольно малое значение Израилю как таковому, одна-

ко о палестинцах они заботились и того меньше» [2, с. 80]¹. Решительный поворот произошел после израильских побед 1967 г. – до этого момента, по мнению автора, как потенциального союзника США Израиль не рассматривали. В результате палестинцы стали размноженной монетой тех сложных игр geopolитического характера, которые разыгрывались в регионе: «Палестинская проблема постепенно превратилась в своего рода политический футбол, в который политики оппортунистического склада могли играть по своей прихоти» [2, с. 87].

Начало данному превращению было положено несколько ранее: «События 1956 г. часто рассматриваются сквозь призму боестолкновений между арабскими армиями, с одной стороны, и израильской армией – с другой. В действительности арабские страны были вовлечены в данный конфликт в силу отказа палестинцев примириться с тем фактом, что их лишили земель и собственностей. Арабские страны, которые на деле были куда более озабочены совершенно иными проблемами... оказались втянутыми в противостояние, которое с пугающей быстротой пошло по пути неконтролируемой эскалации» [2, с. 95].

Автор считает ключевой ошибкой палестинцев то, что они не пошли на тотальный отказ от сотрудничества с мандатными властями. Ключевым фактором в подобной ситуации явилось то, что Еврейское агентство смогло вступить в сговор с мандатными властями и заручиться поддержкой Лиги наций. С другой стороны, палестинцы были лишены адекватного государственного представительства и возможности защищаться вооруженными методами. «Изначальным было то невыгодное положение, в котором оказались палестинцы, столкнувшиеся с движением, обладавшим таки-

¹ Как показывают новейшие исследования, основанные на вновь рассекреченных документах, в действительности нефтяные интересы США оказались определяющим фактором в создании Израиля. Так, И. Гендциер (Бостонский университет) именно данными соображениями объясняет американскую политику в регионе, в частности в отношении к палестинцам. Лишь в силу того обстоятельства, что Израиль с самого начала рассматривался как потенциальный стратегический союзник, США оставили на его усмотрение вопросы депатриации беженцев, установление границ и судьбу Иерусалима. См.: Gendizer I. Dying to Forget: Oil, Power, Palestine, and the Foundations of U.S. Policy in the Middle East. – New York : Columbia University Press, 2016. – 432 р. – Прим. ред.

ми ресурсами, как массированные капиталовложения, мотивированная рабочая сила, изощренное судебное маневрирование, интенсивное лоббирование, эффективные пропагандистские кампании, возможности как неявно, так и открыто прибегать к вооруженным акциям» [2, с. 53].

Список литературы

1. Abu-Laban Y., Bakan A.B. Israel, Palestine and the Politics of Race. Exploring Identity and Power in a Global Context. – London.: I.B. Tauris Publ., 2020. – 341 p.
2. Khalidi R. The Hundred Years' War on Palestine. A History of Settler Colonial Conquest and Resistance. – London: Profile Books, 2002. – 319 p.

Б.В. НОРИК*. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРИГРАНИЧНОГО ШАХРЕСТАНА САРАВАН (ПО МАТЕРИАЛАМ ИРАНСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ И СМИ).

Аннотация. Провинция Систан и Белуджистан, будучи самой значительной по площади из всех останов Исламской Республики Иран, одновременно относится к числу наименее развитых в экономическом и социальном отношениях маргинальных регионов страны. Одним из главных факторов, способствующих нестабильности в этом регионе, является наличие достаточно протяженной границы с Пакистаном, неустроенность которой способствует процветанию контрабанды топлива и наркотиков, а также повышает уровень террористической опасности на юго-востоке ИРИ. Особенno это ощущается в приграничных областях, к числу которых относится шахрестан Сараван – район, наиболее часто используемый контрабандистами для пересечения ирано-пакистанской границы. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть актуальное состояние упомянутого шахрестана, опираясь на данные иранской научной периодики и СМИ.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран; Систан и Белуджистан; Сараван; ирано-пакистанская граница; контрабанда топлива; контрабанда наркотиков; проект «Раззак».

NORIK B.V. On Actual State of Sarawan Boundary Region (According to Iranian Scientific Periodicals and Mass Media)

Abstract. Sistan and Baluchestan province being the most substantial in size of all the ostans of Islamic Republic of Iran at the same time is among the marginal regions of the country less developed

* Норик Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Института научной информации по общественным наукам РАН.

in economical and social aspects. One of the main factors flushing instability in the region is a rather lengthy border with Pakistan. Unsettled state of the border contributes well to prosperity of fuel contraband and drug smuggling as well as raises terroristic threat in the south-east of Islamic Republic of Iran. This state of affairs is particularly felt in border regions one of which is shahrestan Sarawan being the most often used area by smugglers for crossing the Iran-Pakistan border. Thereupon it seems appropriate to examine the actual state of the aforementioned shahrestan on the base of Iranian scientific periodicals and mass media.

Keywords: Islamic Republic of Iran, Sistan and Baluchestan, Sarawan, Iran-Pakistan border, fuel contraband, drug smuggling, Razzak project.

Для цитирования: Норик Б.В. Современное состояние приграничного шахрестана Сараван (по материалам иранской научной периодики и СМИ) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 2. – С. 34–58. DOI: 10.31249/rva/2022.02.03

Шахрестан (область) Сараван располагается на востоке остана (провинция) Систан и Белуджистан Исламской Республики Иран и известен тем, что именно в нем находится самая восточная точка страны, в которой раньше всего восходит солнце (деревня Кухак баҳшā Бампошт)¹. Площадь шахрестана, некогда достигавшая 23 880 км², в 2016 г. составляла 16 096 км², а в 2019 г. – 13 274 км², что связано с выделением из его состава новых административных единиц². Шахрестан, имеющий население 191 661 че-

¹ В самой западной точке Ирана солнце восходит на 1 ч 17 мин позднее. Помимо титула «колыбель солнца» среди почетных прозваний шахрестана Сараван в остане Систан и Белуджистан – «земля финиковых пальм и петроглифов» (здесь обнаружено более 50 древних петроглифов) и «местный Кум» (за прежнюю религиозность и образованность его жителей [7; 57]. Подробнее о петроглифах в шахрестане Сараван см., например: [11].

² С целью реализации принципа экономического районирования и повышения эффективности управления столь обширной провинцией иранское правительство неуклонно следует политике административного дробления остана Систан и Белуджистан. Так, за последние два года в остане было создано 7 новых шахрестанов, общее число которых достигло 26 [83]. В 2021 г. изменениякоснулись и шахрестана Сараван, в связи с чем статистические данные 2019 г. утратили

ловек (согласно переписи 2011 г. – 175 728 человек), располагается на высоте 1195 м над уровнем моря и находится на расстоянии 337 км от столицы остана, г. Захедан, и 1892 км от столицы ИРИ, Тегерана (по воздуху – 1394 км). На востоке шахрестан имеет общую границу с Пакистаном протяженностью около 300 км¹. Жители шахрестана главным образом белуджи-сунниты, которые говорят на мекранском диалекте белуджского языка, часть населения знает урду. На 2016 г. в шахрестане было пять городов – Сараван, Сиркан, Джалк, Гошт и Мохаммади², три бахша (района) – Маркязи, Бампошт и Джалк и восемь дехестанов (сельский округ) – Гошт, Хоуме, Нахук, Джалк, Каллеган, Кухак ва Эсфандак, Кештеган, Бампошт, а в 2019 г. – четыре бахша – Маркязи, Джалк³, Бампошт, Мехреган и девять дехестанов (дехестан Кухак и Эсфандак был разделен на два самостоятельных дехестана). 9 января 2021 г. бахшу Джалк был присвоен статус шахрестана и он, получив новое название Гольшан, был выделен из состава шахрестана Сараван. Таким образом, по состоянию на конец 2021 г. в составе шахрестана Сараван осталось три бахша и шесть дехестанов (дехестаны Джалк и Каллеган в статусе бахшей вошли в состав шахрестана Гольшан), но количество городов осталось неизменным – место «выбывшего» Джалка занял Эсфандак, получивший статус города летом 2021 г. Наиболее гористым районом шахре-

свою актуальность. К сожалению, в данный момент новые данные недоступны, а вычисление, например, новой площади шахрестана Сараван путем простого вычитания из цифры 2019 г. площади бывшего бахша Джалк даст неверную цифру, поскольку дехестан Нахук, входивший в состав бахша Джалк, остался в составе шахрестана Сараван.

¹ Ранее протяженность границы шахрестана Сараван с Пакистаном составляла 384 км, однако после создания в 2007 г. шахрестанов Сиб ва Суран и Заболи (позднее Мехрестан) эта цифра стала распространяться на упомянутые три шахрестана [63; 65].

² Согласно переписи 2016 г., население Саравана составляло 60 014 человек, Мохаммади – 5606 человек, Гошта – 4992, Джалка – 2877 человек, Сиркане – 2196 человек – URL: https://www.amar.org.ir/1395_سرشماری-عمومی-نفوس و مسکن/نتایج_سرشماری/جمعیت-به-تفکیک- تقسیمات-کشوری-سا 13.12.2021.

³ Бахш Джалк отделяется от бахша Маркязи горной цепью Бадамкух / Бадамкух (высшая точка – 2618 м), тянущейся с северо-запада на юго-восток. Город Джалк находится в 100 км к северо-востоку от г. Сараван [61].

стана Сараван является бахш Бампошт. В северной его части проходит горная цепь Сийахан, берущая начало в районе горной цепи Тафтан¹, а в южной – горная цепь Бампошт, представляющая собой продолжение горной цепи Джабал-е Барез (провинция Керман). Горы Бампошт проходят через граничащий с Сараваном на западе шахрестан Ираншахр, разделяют одноименный бахш на северный и южный, служа водоразделом бассейнов рек Машекиль (на севере) и Наханг (на юге), и в районе Кухака уходят в пакистанскую провинцию Панджур. Соответственно, в Бампоште населенные пункты находятся в долинах, а в Эсфандаке и Хоуме – на равнине. Наиболее значительная река шахрестана – Машекиль, протяженностью 240 км (основные притоки – Симиш, Машкид и Рутак). Река берет начало в горах Бирк², в 98 км к западу от Саравана, и имеет восемькилометровый участок, проходящий по ирано-пакистанской границе, который начинается в 5 км к югу от деревни Кухак: по окончании этого участка Машекиль уходит на территорию Пакистана. Благодаря горному рельефу в Сараване прохладнее, чем, например, в «центральном» Белуджистане – шахрестане Ираншахр. Сезонная температура в разных районах области колеблется между 45°C летом и – 4°C зимой. Ежегодная норма осадков – от 70 до 153 мм [8, с. 30–32, 232–233, 235; 13; 18; 25; 26; 31, с. 20; 46; 47; 48; 54; 57; 61; 72, с. 230–231].

До 1926 г. на месте Саравана находилась деревня Шастун, которая постепенно разрослась до уровня города и получила новое название (в 1935 г. Сараван стал центром одноименного бахша, а

¹ Горная цепь Тафтан (Чехель тан) располагается в пределах трех шахрестанов остана Систан и Белуджистан – Тафтан, Мир Джаве и Хаш (шахрестан Тафтан был образован путем выделения из состава шахрестана Хаш в 2019 г.: центр – Нукубад, 165 км к югу от Захедана). Протяженность – 12 км с северо-запада (к востоку от деревни Назиль) на юго-восток (западнее деревни Санган). В состав цепи входит большое количество вершин, среди которых особой известностью и популярностью пользуются четыре: северная Зийарат / Тафтан (высота от уровня Персидского залива – 3941 м, от уровня мирового океана – 4042 или 4050 м., находится в 100 км к югу от Захедана, в 55 км к юго-западу от Мир Джаве, в 50 км к северо-востоку от г. Хаш и в 39 км к юго-востоку от деревни Назиль), южная Мадар-е кух, северо-восточная Собах кух и Наркух, расположенная к западу от Мадар-е кух [1; 34; 66; 67].

² Горная цепь Бирк (длина ок. 120 км, ширина ок. 10 км) тянется из шахрестана Хаш в шахрестаны Мехрестан (бывший Заболи) и Сиб ва Суран [8, с. 32; 9].

статус города получил в 1947 г.¹). Само же поселение, обозначаемое топонимом «Сараван», судя по всему, находилось несколько далее, поскольку последний упоминается в раннем персоязычном трактате «Худуд аль-алам» («Границы мира») как городок с небольшой областью, именуемой Алим. В районе Саравана много крепостей, наиболее крупной из которых была крепость Дезак² [2, с. 124; 8, с. 233; 47; 78, с. 103].

В конце февраля 2021 г. Сараван оказался в центре внимания иранских и зарубежных СМИ в связи со случившимся в 8 ч. утра 22 февраля 2021 г. на пограничном пункте Шамсар (Шамесар)³ инцидентом, в результате которого погибло, по разным данным, от одного до нескольких десятков человек. Официальные отчеты утверждают, что зачинщиками стали нелегальные перевозчики топлива, находившиеся на пакистанской стороне границы и желавшие въехать в Иран: один из них был застрелен пакистанскими пограничниками, несколько человек получили ранения, а на следующий день толпа, подстрекаемая активистами террористической группировки «Джайш аз-зольм», устроила разгром в здании мэрии г. Сараван [69]. Садек Эмами, автор «альтернативной» версии, связывает это происшествие с тем, что в результате усиления

¹ Тем не менее на сегодняшний день 90% улиц г. Сараван не имеют асфальтового покрытия. В целом проблема качества дорог в шахрестане Сараван стоит весьма остро. Особенно это относится к бахшу Бампошт, где из 870 км дорог по состоянию на осень 2020 г. асфальтировано только 200 км. Значительная часть дорог здесь представляет собой труднопроходимые пути. Так, жители дехестана Кештеган вынуждены тратить по 4–5 часов, чтобы покрыть расстояние в 50 км, отделяющее их от столицы бахша Бампошт – г. Сиркан. Помимо высокой аварийности это затрудняет оказание медицинской помощи: большое число тяжелобольных умирает по пути. В то же время далеко не все асфальтированные дороги находятся в хорошем состоянии. Так, печальной известностью пользуются дороги Сараван – Хаш протяженностью 160 км и Сараван – Кухак, характеризующиеся крайне высокой аварийностью. Обе дороги покрыты асфальтом низкого качества и имеют многочисленные трещины. Помимо этого первая трасса имеет крайне узкие полосы [21; 43; 52].

² В настоящее время крепость Дезак находится в полуразрушенном состоянии. Лучше всего сохранилась крепость Себ, расположенная в 45 км к юго-западу от Саравана [57].

³ Пункт находится недалеко от одноименной деревни, относящейся к бахшу Бампошт. Следует иметь в виду, что в остане Систан и Белуджистан имеется еще два топоса с названием Шамесар – в шахрестанах Конарак и Никшахр.

контроля за незаконной торговлей топлива потоки были перенаправлены в соседний шахрестан Сарбаз¹ и на официальные пограничные пункты, тем более что за несколько месяцев до инцидента Пакистан по примеру иранской стороны установил на своей территории ограждение с колючей проволокой, и в ответ на любые попытки его повредить или демонтировать пакистанские военные немедленно открывали огонь. В итоге в Шамсаре собралось несколько тысяч машин, столько же ждало с пакистанской стороны. 22 февраля 2021 г. военные КСИР решили выстроить машины в ряд, но «топливные» дельцы пустили слух, что они собираются перекрыть границу. После этого огромная толпа бросилась к «пешеходному» терминалу и снесла его. В это время группа людей напала на иранский пограничный пункт, однако была рассеяна огнем пограничников. В 15.00 под влиянием слухов напротив базы КСИР в Сараване собралась толпа. Командир базы связался с главой местного племени Барани Деразехи, и последний сумел успокоить народ. Однако через несколько часов в социальных сетях появился призыв собраться напротив мэрии. Утром 23 февраля собравшаяся толпа, не обнаружив мэра на месте, проникла в здание и попыталась поговорить со служащими мэрии. В результате было разбито несколько стекол, оборудование в конференц-зале, а также подожжено несколько полицейских машин². Автор заметки считает, что если бы среди толпы были представители террористических группировок, то инцидент перерос бы в серьезное вооруженное столкновение, поскольку для сараванских подростков и молодых людей взяться за оружие не так уж и сложно (*sic!*), а то, что этого не случилось, говорит о внятном представлении белуджей о безопасности [53; 56; 84]. Между тем, согласно данным Управле-

¹ Тем не менее Сараван по-прежнему фигурирует в сводках, связанных с контрабандой топлива. Так, в ходе спецоперации, проведенной в первой половине февраля 2021 г., было выявлено и уничтожено четыре склада для хранения контрабандного топлива, а в ходе осмотра шести трейлеров и шести автобусов было обнаружено 170 750 литров нелегальных нефтепродуктов [37].

² 23 февраля 2021 г. Реза Пахлави (старший сын Мохаммад-Резы-шаха Пахлави) и Кэмерон Хансариний (Национальный фонд поддержки демократии в Иране, NUDFI) выложили в Твиттере кадры, на которых толпа возмущенных жителей громит здание мэрии Саравана, и охарактеризовали эти кадры как антиправительственные протесты, вызванные нищетой и унижением [28].

ния ООН по правам человека, возмущение началось после того, как бойцы КСИР расстреляли десятерых водителей, занимавшихся перевозкой контрабандного топлива. В ходе дальнейших беспорядков, распространившихся за пределы Саравана, по примерным данным были убиты 23 человека [20]¹.

Упомянутый инцидент выпячивает одну из главных проблем остана Систан и Белуджистан в целом и шахрестана Сараван в частности – зависимость экономики приграничных районов от торговых контактов с соседним Пакистаном, значительную часть которых составляет контрабанда (топлива, наркотиков) и торговля людьми): этому способствуют маргинальность региона, достаточно протяженная общая граница с Пакистаном, низкий уровень жизни, засушливый климат², отсутствие во многих сельских районах водоснабжения³ и электроснабжения, незначительное число промышленных предприятий⁴, высокий уровень безрабо-

¹ Эти данные предсказуемо были опровергнуты иранскими официальными лицами. Так, комментируя февральские беспорядки в Сараване, губернатор провинции Систан и Белуджистан Ахмад-Али Моухебати настаивал на том, что конфликт имел место по обеим сторонам границы, и заявил, что данные иностранных оппозиционных СМИ завышены [4].

² Большая часть территории шахрестана Сараван находится в зоне сильной и средней степени опустынивания, обусловленного климатическими и антропогенными факторами. Сдерживание данного процесса требует постоянного внимания (мульчирование, создание ветроломных препятствий, контроль за передвижением транспортных средств, создание растительного покрова) [29, с. 98–100].

³ Особенно остро эта проблема ощущается в Бампоште, обладающем горным рельефом, в силу чего проведение постоянного водоснабжения в эти районы затруднительно. Из 114 деревень бахша Бампошт только 66 имеют водопроводные коммуникации, однако на их долю приходится 81% всех деревенских жителей бахша (29 160 человек из 35 687 человек). Остальным жителям приходится пользоваться колодцами, вырытыми по берегам сезонных речек, а при длительном отсутствии дождя надеяться на доставку воды. На середину ноября 2020 г. в остане Систан и Белуджистан оставалось 2194 деревни, не имеющие водоснабжения, однако уже к весне 2021 г. предполагалось провести воду к 173 из них [50].

⁴ Имеющиеся предприятия едва ли могут способствовать решению проблемы занятости населения. Так, в начале 2014 г. в шахрестане Сараван был открыт первый завод по производству сланцевого кирпича мощностью 60 т кирпича в день, сырье для которого доставляется с близлежащих гор. Однако завод создал лишь 20 рабочих мест. В 2017 г. началась разработка марганцевого месторожде-

тицы¹ [31, с. 27; 79, с. 64]. В настоящее время сельское хозяйство и скотоводство в шахрестане представлены достаточно слабо², хотя в 2019 г. в Сараване было завершено восемь проектов по ремонту канатов, систем дождевого орошения и холодильных камер на общую сумму 114 млрд 750 млн риалов (в том числе ремонт самого длинного в провинции Систан и Белуджистан каната Сарджу, протяженностью 15 км и орошающей площадью 103 га, и каната Кальпурган: стоимость проекта – 1 млрд 190 млн риалов)³. Поэтому, несмотря на то что здесь выращивают яблоки, гранаты, лимоны, инжир, пшеницу, ячмень, кукурузу, бобовые, рис, табак, а в тепличных комплексах – помидоры, огурцы, болгарский перец, баклажаны, клубнику и листовую зелень, основным продуктом сельского хозяйства остается финик, разнообразием сортов которого

ния в Хайбар-е Эспаке, обеспечившая 20 рабочих мест, число которых увеличиваясь до 60 в случае подтверждения первоначальной оценки запасов месторождения в 500 тыс. т. На 2017 г. в Сараване действовало 9 гравийно-песчаных карьеров, на каждом из которых постоянно работало по 5 человек (правда, в данном случае необходимо учитывать потребность в большом количестве грузового транспорта) [15; 16].

¹ При этом необходимо учитывать, что 49% населения шахрестана Сараван составляют женщины, отношение к трудовой, а тем более предпринимательской деятельности которых в традиционно ориентированном обществе шахрестана оценивается как отрицательное. Не случайно личностно-культурный фактор занимает первое место в иерархии факторов, препятствующих развитию предпринимательской деятельности среди белуджских женщин Саравана [32, с. 9, 27]. В то же время многие женщины заняты в народных промыслах (всего на остан Систан и Белуджистан приходится 20 000 рабочих мест, связанных с этим видом деятельности) [55].

² В то же время шахрестан обеспечивает себя мясом птицы. Здесь имеется 21 птицефабрика с годовым объемом производства в 1 995 000 цыплят (4390 т мяса). На начало 2021 г. к сдаче были готовы две новые птицефабрики, еще две находились в завершающей стадии строительства (общий годовой объем производства новых четырех фабрик, на возведение которых было выделено 80 млрд риалов, – 100 000 цыплят в год) [70].

³ Из 15 000 га сельскохозяйственных и садовых земель шахрестана Сараван 7000 га – орошаемые, из которых 5200 га (75%) орошаются из канатов. На 943 га посевых территорий шахрестана используется капельное орошение. На 2020 г. для полива использовались 1411 колодцев, 91 канал и 35 источников. В начале 1980-х годов в шахрестане Сараван имелось ок. 326 каналов [8, с. 235; 59; 75].

так славится Сараван¹. Ежегодно здесь производится более 38 170 т фиников² [8, с. 235; 59; 75; 80; 86].

Одним из факторов, увеличивающих безработицу и толкающих людей на путь торговли топливом, выступает «захват» рынка Саравана афганцами. В течение последних восьми лет местные жители предпочитают приобретать товары у иностранных продавцов. Афганцы торгуют косметикой и парфюмерией, средствами гигиены, тканями высокого качества (контрабанда из Чабахара и Пакистана), а также работают в галантерейных магазинах, контролируя более 80% рынка. Десять лет назад на рынке преобладали местные жители, но афганцы вытеснили их, предлагая владельцам торговых точек более высокую арендную плату. Некоторые из них способны платить арендную плату по 6 млн туманов в месяц. Это привело к общему повышению стоимости аренды в Сараване, поэтому местные торговцы вынуждены закрывать свои лавки и переходить в сферу контрабанды топлива и торговли людьми [13].

Если говорить о торговле местных жителей с Пакистаном, то ее легальная сторона обеспечивается приграничными рынками. До отделения от Саравана бахша Джалк здесь находилось два из пяти рынков, расположенных на границе с Пакистаном, – Джалк и Кухак. Рынок Кухак, открытый в 1996 г., находится в 5 км от деревни Кухак (бахш Бампошт) на специально огражденной территории в 10 га. От Саравана до Кухака идет 77-километровая дорога³, которая требует ремонта и модернизации в связи с большими объемами провозимых грузов [33; 45; 72, с. 339]. Рынок Джалк, находящийся в 15 км от г. Джалк и занимающий площадь в 10 га, начал работать с 2006 г. Тем не менее вскоре рынок оказался мало воспринятым ввиду отсутствия с пакистанской стороны дорожной инфраструктуры, способной пропускать тяжелый грузовой транспорт [45; 82, с. 29]. Впоследствии ситуация изменилась и объемы,

¹ Финики как основной продукт Саравана отмечаются и в «Худуд аль-алам» [78, с. 103].

² Сбор фиников в шахрестане Сараван начинается в двадцатых числах июля и завершается к середине ноября (поздние сорта «макили» и «халиле»). Наибольшей известностью пользуется сорт «рабби» (иное название – «пакистанский финик»), под который занято 8031 га [80].

³ Отрезок автомобильной дороги «Ираншахр – Сараван – Кухак» (учетный номер 92).

пропускаемые через указанные пункты, заметно увеличились, однако эти рынки были главным образом ориентированы на государственный экспорт, давая местным жителям лишний повод вставать на путь контрабанды¹.

На 2019 г. ежедневный объем контрабанды топлива в остане Систан и Белуджистан оценивался в 5–7 млн л.², при этом примерно 85% всего контрабандного топлива, проходящего через восточную границу, поступает в Систан и Белуджистан из других останов, в частности, Исфахана и Тегерана по поддельным накладным³: ежедневная квота на потребление топлива в остане Систан и Белуджистан в 2019 г. составляла 2,5 млн л., из которых только часть уходила на контрабанду (ежедневная норма старых микроавтобусов, нерабочей сельскохозяйственной техники и грузовиков и даже теплиц⁴) [76, с. 10–12]. Доставка топлива из других регионов увеличивает его цену для тех, кто непосредственно переправляет его через границу: если на АЗС литр квотированного дизельного топлива стоит 300 туманов, то по мере приближения к границе его

¹ Определенное улучшение ситуации произошло после внеочередного визита в Систан и Белуджистан президента Ирана аятоллы Сейида Эбрахима Раиси в начале сентября 2021 г., в ходе которого, в частности, был поднят вопрос о челночной торговле. В результате «челноков» начал принимать рынок Кухак: ежемесячно жители 50-километровой приграничной зоны имеют право приобретать 800 наименований товаров (в том числе запчасти для автомобилей и бытовую технику) на 166 долларов на человека (или 644 доллара на домохозяйство из четырех человек) и продавать на территории Ирана [27].

² До повышения цен на бензин в 2019 г. и введения квоты на топливо в 2017 г. эти объемы оценивались от 10 до 30 млн л. в день [76, с. 14].

³ В 2018 г. на пяти пограничных пунктах была запущена единая база данных, позволяющая проверять подлинность накладных нефтяных трейлеров. С помощью этой базы в 2018 г. было выявлено 400, а за девять месяцев 2019 г. – 318 трейлеров, следующих за границу по поддельным накладным [62].

⁴ Строительство теплиц относится к числу приоритетных государственных стратегий, имеющих цель повышения уровня сельскохозяйственного производства, создания дополнительных рабочих мест и интенсификации экономического роста. Однако в целом ряде случаев разрешение (а равно и кредит) на возведение теплиц получают далекие от сельского хозяйства люди, единственное желание которых – продажа топливной квоты, предусмотренной для этого типа построек [76, с. 12–13]. Например, в 2011 г. в остане Йазд была установлена квота в 27 000 литров дизельного топлива в месяц на каждый гектар теплицы [49].

цена может достигать 4200 туманов и выше¹. Большую часть топлива, вывозимого в Пакистан, составляет дизельное топливо. Именно поэтому квотирование и повышение цен на бензин осенью 2019 г. практически никак не отразились на контрабанде: увеличение затрат на бензин компенсируется увеличением стоимости продаваемого топлива [24]. Если поначалу и наблюдался некоторый спад, то высокий уровень инфляции и значительная разница в цене на топливо в Иране и Пакистане довольно быстро вернули контрабанду в прежнее русло: в частности, на улицах снова появились торговцы, продающие топливо небольшими канистрами [76, с. 11–12]. Топливо вывозят трейлерами, в дополнительных баках, установленных в пассажирских автобусах и других транспортных средствах², а также в специальных многослойных емкостях, называемых бурдюками (последние закрепляются в багажнике пикапа и сверху закрываются брезентом). Бензин чаще всего возят на легковых автомобилях, в которых снимаются задние сиденья (поэтому задняя подвеска сараванских автомобилей, как правило, поднята на максимальную высоту). Благодаря лояльности пакистанских властей некоторые торговцы топливом добираются до пакистанских населенных пунктов: по ту сторону границы имеются установки для перекачки топлива, но за это берутся дополнительные деньги, поэтому везти прямо в населенные пункты Пакистана выгоднее [53].

Опасность контрабанды заключается в том, что она способна менять потребительские модели и даже системы ценностей, поскольку имеет и положительные результаты: создание «рабочих мест», увеличение дохода, повышение уровня жизни и появление возможности у населения больше вкладываться в иные отрасли экономики, в частности сферу услуг, ЖКХ и т.д., снижение оттока населения в города, а также возвращение мигрантов в пригранич-

¹ Иногда сделки заключаются в рупиях: в Сараване пакистанская рупия в ходу наряду с риалом [53].

² В приморском остане Чабахар контрабанда осуществляется морем ввиду близости порта Чабахар к пакистанскому порту Гвадар (70 км). Топливо либо сразу загружается на быстроходные моторные лодки, либо сначала помещается на торговые суда, а затем в безопасном месте перегружается на те же лодки [76, с. 13–14].

ные районы¹. В целом все это способствует развитию приграничных регионов [31, с. 27; 79, с. 72–73]. В то же время контрабанда лишает государство немалой части доходов от продажи нефтепродуктов, в связи с чем иранское правительство начало масштабную войну против нелегального вывоза дизельного топлива, бензина, нефти, дегтя и пр. В рамках этой борьбы в конце сентября 2020 г. в шахрестане Сараван был запущен pilotный проект «Раззак», представляющий собой совместную программу КСИР, правительства остана Систан и Белуджистан, Штаба по борьбе с контрабандой товаров и валютных средств остана Систан и Белуджистан и Государственной компании по распределению нефтепродуктов. В рамках этого проекта жители 20-километровой приграничной зоны, занимающиеся перевозкой топлива, обеспечивались картой «Раззак», по ней каждое домохозяйство получало право на приобретение 200 литров дизельного топлива в неделю по специальной цене, которая была выше квотированной, но ниже рыночной. Карту можно было арендовать у владельца на неделю, с владельцев карт никаких дополнительных налогов не взималось². Топливо поставлялось из Бандар-Аббаса, выдавалось на АЗС в Гольшане, Сиркане и Эсфандаке и вывозилось в Пакистан через утвержденные проектом пограничные пункты, главными из которых были Шамсар (Шаммесар), Рутак и Лулякдан. Ежедневно Государственная компания по распределению нефтепродуктов должна была поставлять на участвующие в проекте АЗС 5 млн л. дизельного топлива. Однако это условие не выполнялось: нередко случались задержки, которые могли достигать десяти дней. Кроме того, компания продавала топливо по слишком высокой цене (5700 туманов) и при этом не обеспечивала его доставку с нефтеперерабатывающего завода в Бандар-Аббасе к месту выдачи, в связи с чем местным жителям приходилось самим нанимать нефтяные трейлеры (17 млн туманов каждый), вследствие чего цена за литр возрастала до 6690 туманов, что, с учетом стоимости литра на пакистан-

¹ При этом в Систан и Белуджистан, главным образом в Сараван, приезжают безработные из других регионов, в частности Кермана, Курдистана и Западного Азербайджана [53].

² Те, у кого нет машины, ради получения карты иногда покупают подержанный грузовик, которым не пользуются, но при этом выписывают поддельные накладные, по ним выкупают на АЗС ежедневную квоту дизельного топлива по цене 300 туманов, получая прибыль от продажи в десятикратном размере [24; 53].

ской границе ок. 10 000 туманов, делало торговлю практически нерентабельной. По состоянию на лето 2021 г. проект «Раззак» фактически не работал, хотя его учредители утверждали, что он остается в силе и в данный момент прорабатываются корректировки, в частности повышение квоты и снижение отпускной цены. В качестве сопутствующего результата реализации проекта ожидалось повышение безопасности на дорогах благодаря снижению числа ДТП, связанных с нарушением скоростного режима водителями, с физическим износом автомобилей, в силу интенсивной эксплуатации в тяжелых условиях, требующих частого технического обслуживания, а также с частыми преследованиями нарушителей закона. Создавая устойчивую легальную занятость, проект должен был повысить безопасность в приграничном районе, хотя серьезные опасения спецслужб вызывали въезжающие автомобили, способные служить прикрытием для террористов. Тем не менее из-за указанных выше причин проект пока не работает в полную силу, и контрабандная торговля продолжает доминировать, поскольку она гораздо выгоднее и в известной мере проще легальной, тем более что, по некоторым данным, пакистанские пограничники взимают пошлину как с нелегальных, так и с легальных перевозчиков топлива, иногда даже открывая огонь в сторону нежелающих платить [24; 53; 56; 60; 74; 81].

В незаконной торговле участвуют даже чиновники среднего звена, продающие дельцам свою квоту. Эта деятельность считается более легкой, чем сельскохозяйственные работы: простая сдача карты «Раззак» в аренду может приносить ее владельцу достаточно солидные доходы. Наиболее предприимчивые могут зарабатывать на топливе сотни миллионов туманов в месяц (это главным образом относится к крупным дельцам: у основной массы занятых в этом бизнесе доходы гораздо ниже). В топливный бизнес вовлекаются даже подростки, иногда вынужденные бросать школу в 12 лет¹: сохранение подобной тенденции приведет к резкому сни-

¹ Упоминавшийся уже автор «альтернативной» версии «сараванского инцидента» пишет, что одному подростку, использующему для переправки топлива четырех ослов, удалось накопить на банковском счете более 100 млн туманов [53]. Стоит отметить, что эта статья породила немалое количество отрицательных комментариев: особое возмущение вызвали утверждения автора о сверхдоходах, получаемых в топливном бизнесе.

жению уровня грамотности в шахрестане¹. Кроме того, из-за достаточно крупных доходов, приносимых топливным бизнесом, Сараван превратился в один из самых дорогих городов остана Систан и Белуджистан, при этом уровень безработицы здесь составляет 44,8% (третье место среди городов Ирана) [24; 31, с. 20; 53; 74; 60; 81]. Это способствовало маргинализации населения, незаконному захвату земли и строительству временных жилищ. В период с 2003 по 2018 гг. произошло заметное увеличение численности населения, а также территории пригородов Саравана (в частности, Дезака, Зангийане и Аспича; например, в Дезаке с 1580 до 7566 человек и с 159 до 288 га, соответственно). Борьба с этим явлением стала одной из задач целевых проектов развития сельских районов, в рамках которых упорядочивались принципы распределения земли, а также велась работа по пресечению деятельности незаконных торговцев землей [22, с. 106–108, 112].

Таким образом, любое перекрытие границ, в том числе и под предлогом ковидных ограничений, воспринимается жителями Саравана крайне болезненно² (например, тот же самый погранпункт в Шамсаре снова был закрыт на несколько недель в апреле 2021 г.). Во-первых, это лишает многие семьи средств к существованию. Во-вторых, из-за закрытия границ в ближайших к границе деревнях скапливаются значительные запасы топлива, что вызывает беспокойство местных жителей, поскольку такой объем способен уничтожить всю деревню (так, в находящейся менее чем в 6 км от пакистанской границы деревне Каллеган взрыв топлива уничтожил целый дом). В-третьих, закрытие границ отсекает местных жителей приграничных районов от медицинской помощи, для получения которой они нередко ездят в Пакистан (в этом случае им приходится давать взятку пограничникам, чтобы провезти топливо и «отбить» поездку), поскольку дорога, как правило, занимает два-три часа и гораздо более безопасна, чем путь в 250 км до Саравана, куда придется ехать даже за лекарством, выписанным врачом на

¹ Этот процесс усиливается острой нехваткой школьных учителей. Так, на начало 2019 г. в остане Систан и Белуджистан не хватало 14 000 учителей [35].

² Депутат Меджлиса от Саравана Малек Фазели обратился к властям с просьбой не закрывать границу с Пакистаном, поскольку экономика шахрестана, а также подобных ему областей на 80% зависит от приграничной торговли, и последствия могут оказаться хуже коронавируса [36].

месте [6; 43]. Здесь стоит отметить, что ситуация со здравоохранением в рассматриваемом шахрестане достаточно сложная. До недавнего времени в Сараване была только одна больница «Рази», которая, несмотря на значительное укрупнение¹, произошедшее со временем ее открытия в 1972 г., когда в ней было всего 25 коек, все равно не могла обеспечить потребности данного региона. После открытия 12 июля 2021 г. больницы «Иранмехр», рассчитанной на 220 коек, шахрестан Сараван вошел в число шахрестанов, имеющих две больницы. Тем не менее серьезных улучшений не последовало, что особенно актуально на фоне пандемии коронавируса. Так, буквально через несколько дней после открытия новой больницы депутат Меджлиса от г. Сараван Малек Фазели утверждал, что положение в сфере борьбы с коронавирусом в шахрестане достигло критической точки: не хватает кислородных аппаратов и специалистов, хотя провинция Систан и Белуджистан находится в красной зоне. По словам руководителя департамента здравоохранения Саравана Ахмада Сепахийана, в первой декаде июля 2021 г. в коронавирусном отделении сараванской больницы «Рази» находились 39 больных с дыхательной недостаточностью, и это был предел возможностей больницы в данном направлении² [17; 36; 63; 68; 85].

¹ Здесь, в частности, было открыто отделение по лечению талассемии. Иран считается одним из главных очагов распространения этого заболевания, общее число носителей которого составляет 2–3 млн, а число больных – 25 000 человек (ежегодный прирост – 800 человек). По соотношению количества больных к общему числу населения Иран занимает первое место в мире по заболеваемости талассемией. Среди провинций, в которых регистрируется наибольшее число случаев, находится Систан и Белуджистан. В Сараване зарегистрировано 218 детей, больных талассемией. При этом следует иметь в виду, что большинство больных бета-талассемией в той или иной степени склонны к депрессии. Кроме того, по меньшей мере, 80% этих больных страдают той или иной формой психического расстройства и представляют опасность для обычных людей [44, с. 76–79; 58].

² По данным руководителя Центра здравоохранения шахрестана Сараван Сины Моллашахи Санатгяра, в период с конца марта по начало сентября 2021 г. в области проведено более 17 000 тестов на коронавирус, 94 пациента скончались, на 2 сентября в больницах находились 20 человек (общее число заболевших в остане Систан и Белуджистан к этому времени достигло 118 215 человек, общее число умерших – 2456 человек) [77].

Надо сказать, что нехватка специалистов – общая проблема остана Систан и Белуджистан, особенно его приграничных районов. Квалифицированные кадры, будь то врачи или преподаватели, не хотят ехать в этот депрессивный регион по целому ряду причин. Во-первых, это плохое качество дорог и отсутствие авиасообщения. В Сараване имеется небольшой аэропорт местного значения. После сдачи в эксплуатацию в 2007 г. он обслуживал три шахрестана: Сараван, Мехрестан и Сиб ва Сурен. В 2009 г. пассажирские рейсы прекратились, с одной стороны, из-за нерентабельности, а с другой – в силу слабого оснащения. В 2021 г. были проведены работы по удлинению и расширению ВПП (с 2170×30 м до 3300×45 м, что теоретически позволит принимать самолеты Boeing 747 и Airbus A 380), а на середину октября 2021 г. еще только находились в стадии реализации проекты по созданию систем топливного обеспечения и резервного питания, а также метеобазы [10; 73]. Поэтому в данный момент жители упомянутых трех областей вынуждены пользоваться аэропортами Захедана и Ираншаха, до которых им приходится добираться на автомобиле, хотя статистика смертельных ДТП на соответствующих трассах исключительно высока [30]. Во-вторых, достаточно высокая степень террористической угрозы. Так, например, 21 марта 2021 г. на одной из площадей г. Сараван неизвестная террористическая группировка привела в действие взрывное устройство. В результате взрыва погиб один человек, трое получили ранения [3]. В-третьих, общая нестабильность, обусловленная тем, что Сараван является не только одним из наиболее оживленных районов контрабанды топлива, но и важным звеном наркотрафика из Пакистана, в борьбе с которым участвуют полиция по борьбе с оборотом наркотиков, пограничные войска и КСИР. Объёмы конфискованных наркотических средств наглядно показывают масштабы незаконной деятельности. Например, в сентябре 2020 г. в районе Максухте была обезврежена банда наркодельцов, изъято 1273 кг 600 г наркотиков (1222 кг 400 г опиума и 15 кг 200 г гашиша) [19], в первой половине ноября 2020 г. здесь же было изъято 4026 кг 615 г наркотиков (3702 кг 610 г опиума и 324 кг 5 г других видов) [23], в начале января 2021 г. в этом же районе было изъято 6160 кг опиума и 439 кг гашиша (тор-

говцы скрылись) [51]. В первой декаде января 2021 г. в районе Аспич¹ были задержаны пять участников банды торговцев наркотиками, у которых изъяли 829 кг 690 г опиума. Остальным членам банды удалось скрыться [42]. В начале марта 2021 г. в Максухте был обнаружен склад 1020 кг 500 г наркотиков (397 кг морфина, 537,5 кг опиума, 86 кг гашиша) [40]. Во второй половине мая 2021 г. в Сараване после трехчасовой перестрелки была задержана банда из трех человек, изъято 367 кг 200 г амфетамина [14]. 25 июня 2021 г. в районе Кухак были задержаны два контрабандиста, у которых обнаружили 1096 кг 800 г опиума [38]. В середине ноября 2021 г. в результате обысков двух квартир в Максухте было обнаружено 1177 кг 950 г наркотиков (1046 кг 200 г опиума, 131 кг 750 г амфетамина) [39]. В первой половине октября 2021 г. была задержана банда наркоторговцев, у которой изъяли 476 кг 700 г наркотиков (383 кг 200 г опиума, 70 кг 500 г гашиша и 23 кг метамфетамина [41].

Вместе с тем ряд исследователей констатирует улучшение качественных характеристик социального капитала среди сельских жителей центрального района шахрестана Сараван, способствующее большей устойчивости социальной безопасности: сохранение языковых моделей, традиционного образа жизни, религии и идентичности, снижение конфликтов между сельскими жителями, снижение употребления наркотиков среди молодежи, расширение контактов с иными национальными и религиозными группами, сотрудничество сельских жителей с пограничниками и органами внутренних дел в рамках борьбы с контрабандой и незаконным пересечением границы. Тем не менее проблемы, от которых регион страдает долгие годы, сохраняются, и для их решения по-прежнему актуальны уже всем хорошо известные и понятные меры – необходимость капиталовложений, облегчение условий и активизация приграничной торговли, вверение губернаторам приграничных провинций особых полномочий, создание новых источников дохода, способных конкурировать с контрабандой, искоренение

¹ Аспич – деревня в дехестане Хоуме Центрального бахша шахрестана Сараван. Согласно переписи населения 2016 г., в ней проживали 2819 человек – سرشماری-عمومی-نفوس و مسکن/نتایج URL: <https://www.amar.org.ir/1395> – سرشماری/جمعیت-به-تفکیک- تقسیمات-کشوری-سال (дата обращения: 13.12.2021).

дискриминации местного населения при приеме на государственную службу, а также улучшение ситуации в сельском хозяйстве и скотоводстве [5, с. 284–285; 12, с. 70–71; 31, с. 28–29; 71]. Определенные шаги для решения проблем предпринимаются (развитие дорожной инфраструктуры, геологоразведочные работы и разработка новых месторождений полезных ископаемых, проекты по развитию сельского хозяйства), однако степень их эффективности неодинакова: например, разработка уже разведенных месторождений замораживается из-за отсутствия необходимой инфраструктуры (подъездные пути, электрификация и т.д.) или невозможности привлечь необходимые инвестиции. Удастся ли центральной и местной властям исправить подобный дисбаланс, покажет будущее.

Список литературы

1. Абдаллахи М. Тафтан = Тафтан // Данеш-наме-йе джахан-е ислам. – URL: <https://rch.ac.ir/article/Details/11014> (дата обращения: 04.01.2022). – Яз. фарси [здесь и далее. – Прим. ред.]
2. Алави Н.Х. Краткий обзор социально-политического положения Саравана на современном этапе = Негах-и бе оуза-йе сийаси-эджтемаи-йе Сараван дар дуре-йе моасер // Пажухеш-наме-йе тарихха-йе махалли-йе Иран. – 2020. – Т. 8, № 1. – С. 123–144.
3. Амалийат-е теруисти дар Сараван йек коште ва се маджрух бар джай гозашт = Теракт в Сараване: один человек погиб, трое получили ранения. – URL: <https://tejaratnews.com> (дата обращения: 04.01.2022).
4. Амар-е расанеха-йе моанед дар хосус-е коштех-айе хадесе-йе Сараван доруг буд = Данные враждебных СМИ относительно числа погибших во время инцидента в Сараване – ложь. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5156288> (дата обращения: 05.01.2022).
5. Амини А., Даҳани М., Файзи Ш. Влияние пограничного статуса на устойчивость развития сельских районов. Ситуационное исследование: сельские районы центрального бахша Бампошт шахрестана Сараван = Арзайби-йе таасир-е моукейат-е марзи бар пайдари-йе тоусе дар навахи-йе рустайи. Моуред-е мотале: манатек-е рустайи-йе бахш-е марзи-йе Бампошт аз тавабе-йе шахрестан-е Сараван // Джография ва тоусе. – 1400 (2021). – № 62. – С. 271–294.
6. Аташ-е зир-е хакестар дар Сараван: амбапт-е газуиль дар хане-йе рустайан = Тлеющий огонь: склад дизельного топлива в сельском доме. – URL: <https://www.hamshahrionline.ir/news/596366> (дата обращения: 05.01.2022).
7. Аусат Хашеми: эмкан-е хата-йе энсанӣ дар барҳорд ба сухтбарҳа водҷуд дарад = Аусат Хашеми: в столкновении с перевозчиками топлива мог иметь ме-

- сто человеческий фактор. – URL: <http://www.tabnaksistanbaluchestan.ir/fa/news/944011> (дата обращения: 06.01.2022).
8. Афшар Систани И. Белуджистан и его древняя цивилизация = Балучестан ва тамаддон-е дирине-ье ан. – Тегеран, 1371 (1992). – 522 с.
 9. Ашнайи ба кух-е Бирк – Систан ва Балучестан = Гора Бирк – Систан и Белуджистан. – URL: <https://www.hamshahrionline.ir/news/479095> (дата обращения: 04.01.2022).
 10. Баздид-е остандар-е виже-ье Систан ва Балучестан аз форудгах-е Шохада-ье Сараван = Губернатор провинции Систан и Белуджистан побывал в сараванском аэропорту «Шохада». – URL: <http://news.mtrud.ir/news/98972> (дата обращения: 08.01.2022).
 11. Баззи К., Хатам Г-А. Мифоанализ петроглифов из Нахука (Сараван) и бытование мифа в современной жизни региона = Остурекави-ье накуш-е сангнегареха-ье Нахук-е Сараван ва барраси-ье хозур-е ан дар зендеги-ье энсан-е эмруз-е мантаке // Накшмайе, 1392 (2014). – № 17. – С. 7–15.
 12. Базрафшан Дж., Туланинежад М. Анализ влияния социального капитала на поддержание устойчивой безопасности деревень приграничных районов центрального бахша шахрестана Сараван = Тахлил-е асарат ва каркядра-ье сармайе-ье эджтемаи дар амнийат-е пайдар-е рустаха-ье манатек-е марзи-ье бахш-е маркязи-ье шахрестан-е Сараван // Тахкикат-е карборди-ье улум-е джографийай. – 1395 (2016). – № 41. – С. 55–76.
 13. Бамери Ф. Захват сараванского рынка иностранцами на фоне отсутствия контроля со стороны чиновников = Бамери Ф. Тасхир-е базар-е Сараван тавассот-е атба-ье хареджи дар набуд назарат-е масулан. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5032680> (дата обращения: 05.01.2022).
 14. Банд-е бозоръг-е варедат-е мавад-е мохаддер-е санати дар Систан ва Балучестан монхадем шод = В провинции Систан и Белуджистан уничтожена крупная банда, занимавшаяся контрабандой наркотиков промышленного производства. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5216669> (дата обращения: 06.01.2022).
 15. Бахрбардари аз нохостин кархане-ье аджор-е шиль-е джонуб-е шарк-е кешвар дар Сараван = В Сараване запущен первый на юго-востоке страны завод по производству сланцевого кирпича. – URL: <http://zahedan.iriib.ir> (дата обращения: 07.01.2022).
 16. Бахрбардари-е маадан-е мanganez-е Эспаке-ье Сараван = Разработка марганцевого месторождения в Эспаке (Сараван). – URL: <https://www.asrehamoon.ir/fa/doc/news/96196> (дата обращения: 29.12.2021).
 17. Бахрбардари-е расми аз бахшха-ье бимарестан-е Иранмехр-е Сараван = Официальный ввод в эксплуатацию лечебных отделений сараванской больницы «Иранмехр». – URL: <https://behdasht.gov.ir/230324> (дата обращения: 29.12.2021).
 18. Бахш-е Джалк-е шахрестан-е Сараван бе шахрестан-е Гольшан эртека йафт = Бахш Джалк шахрестана Сараван возведен в статус шахрестана <с наимено-

Современное состояние приграничного шахрестана Сараван (по материалам иранской научной периодики и СМИ)

- ванием> Гольшан. – URL: <https://www.farsnews.ir/my/c/50709> (дата обращения: 07.01.2022).
19. Биш аз йек тон-е анва-йе мавад-е мохаддер дар Сараван кяшф шод = В Сараване обнаружено больше тонны наркотических веществ. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5027201> (дата обращения: 07.01.2022).
20. В ООН осудили убийство водителей грузовиков с топливом в Иране. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1398072> (дата обращения: 05.01.2022).
21. Гафлят-е масулан из джаддеха-йе марг дар Сараван: адам-е тахсис-е этебарат мане-йе асли-йе пишрафт-е пружеха-ст = Чиновники игнорируют дороги смерти в Сараване: отсутствие финансирования – основное препятствие на пути продвижения проектов. – URL <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1399/05/20/2323140> (дата обращения: 06.01.2022).
22. Горгич С.-А., Камбари С., Табибнийя С.Х. Снижение незаконного захвата земель и городской маргинализации как результат реализации целевых проектов развития сельских районов. Ситуационное исследование: пригорода г. Сараван (от Дезака до Аспича) = Горгич С.-А., Камбари С., Табибнийя С.Х. Барраси-йе асар-е эджра-йе тархха-йе хади-йе рустай бар кахеш-е тасарроф-е арази ва хашиенсенини-йе шахрxa. Намуне-е пажухеш: рустаха-йе хоуме-йе шахр-e Сараван (Дезак та Аспич) // Барнамеризи-йе фазайи. – 1399 (2020). – Т. 10, № 3. – С. 98–117.
23. Даргири-йе мосалляхане-йе марзбани ба аза-йе банд-е бозоръг-е качак-е мавад-е мохаддер дар Сараван/4 тон-е мавад-е афијуни из качакчийан кяшф шод = Вооруженное столкновение пограничников в Сараване с членами крупной наркобанды. Изъято 4 тонны опиатов. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1399/08/22/2388069> (дата обращения: 06.01.2022).
24. Даҳмарде X. Контрабанда топлива в провинции Систан и Белуджистан после введения квоты на бензин = Даҳмарде X. Качак-е сухт дар Систан ва Балучестан пас az сахмийебанди-йе бензин. – URL: <https://www.irna.ir/news/83595085> (дата обращения: 07.01.2022).
25. Деразехи К. Красная гора – символ стойкости населения приграничных районов бахша Бампошт = Деразехи К. Кух-е сорх намад-е эстекамат-е мардом-е марзи-йе бахш-е Бампошт. – URL: <https://mayarjal.ir/fa/news/482> (дата обращения: 29.12.2021).
26. Джография-йе шахрестан-е Сараван = География шахрестана Сараван. – URL: <https://gsi.ir/zahedan/fa/page/2945> (дата обращения: 6.01.2022).
27. Доулят-е мардоми ва талаш-е 100 рузе дар Систан ва Балучестан = Народное правительство и <программа первой> «стодневки» в провинции Систан и Белуджистан. – URL: <https://www.irna.ir/news/84567066> (дата обращения: 06.01.2022).
28. Жители иранского Серавана начали антиправительственные протесты из-за ужасающей нищеты. – URL: <https://www.mk.ru/incident/2021/02/24/zhiteli-iranskogo-seravana-nachali-antipravitelstvennye-protesty-izza-uzhasayushhey-nishshety.html> (дата обращения: 08.01.2022).

29. Зульфекари Ф., Хосрови Х. Оценка интенсивности процесса опустынивания в области Сараван согласно модели IMDPA = Зульфекари Ф., Хосрови Х. Арзяби-йе шеддат-е бийабанзай-йе мантаке-йе Сараван ба эстефаде аз модел-е IMDPA // Джография ва барнамеризи-йе мохити. – 1395 (2016). – Т. 27, № 2. – С. 87–102.
30. Иранманеш Заранди М. Аэропорт Саравана обладает необходимым оснащением, но практически не работает = Форудгах-е Сараван моджаххаз амма ниме таатиль. – URL: <https://www.iribnews.ir/fa/news/2493713> (дата обращения: 08.01.2022).
31. Карим-заде М. Факторы, обуславливающие совершение контрабанды товаров, и их влияние на экономику пограничного шахрестана Сараван = Барраси-йе авамел-е моассер бар качак-е кала ва таасир-е ан бар эктесад-е шахрестан-е марзи-йе Сараван // Энтекемаи-эджтемаи. – 1395 (2016). – Т. 8, № 2. – С. 17–31.
32. Карим-заде М. Факторы, не позволяющие белуджским женщинам заниматься предпринимательской деятельностью = Барраси-йе маване-йе карафарини-йе занан-е балуч-е шахрестан-е Сараван // Моталеат-е эджтемаи-раваншенахти-йе занан. – 1398 (2019). – Т. 17, № 2. – С. 7–34.
33. Кухак фаальтар аз гозаште хахад буд = Кухак будет работать эффективнее. – URL: <https://www.iribnews.ir/fa/news/3227529> (дата обращения: 8.01.2022).
34. Кухха ва гарха-йе остан-е Систан ва Балучестан = Горы и пещеры остана Систан и Белуджистан. – URL: <http://golshn12.blogfa.com/post/2949> (дата обращения: 29.12.2021).
35. Кямбуд-е 14 хезар моаллем дар Систан ва Балучестан = В провинции Систан и Белуджистан не хватает 14 000 учителей. – URL: <https://www.isna.ir/news/97111005336> (дата обращения: 07.01.2022).
36. Кямбудха-йе шарайат-е феели-йе остан-е Систан ва Балучестан аз забан-е намайанде-йе Сараван = Представитель Саравана <в иранском парламенте> о современных нуждах провинции Систан и Белуджистан. – URL: <https://www.isna.ir/news/1400042719085> (дата обращения: 07.01.2022).
37. Кышф-е биш аз 170 хезар литр-е сухт-е качак дар Систан ва Балучестан = В провинции Систан и Белуджистан обнаружено больше 170 000 литров контрабандного топлива. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5148997> (дата обращения: 07.01.2022).
38. Кышф-е биш аз йек тон-е мавад-е мохаддер дар Сараван = В Сараване обнаружено больше тонны наркотиков. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5245128> (дата обращения: 07.01.2022).
39. Кышф-е биш аз йек тон-е мавад-е мохаддер дар Систан ва Балучестан = В провинции Систан и Белуджистан обнаружено больше тонны наркотиков. – URL: <https://www.irna.ir/news/84481335> (дата обращения: 10.01.2022).
40. Кышф-е биш аз йек тон-е мавад-е мохаддер дар джонуб-е шарк-е кешвар = На юго-востоке страны обнаружено больше тонны наркотиков. – URL: <https://www.pana.ir/news/1169416> (дата обращения: 10.01.2022).
41. Кышф-е 476 килограм-е мавад-е мохаддер дар Систан ва Балучестан = В провинции Систан и Белуджистан обнаружено 476 кг наркотиков / Дастири-йе

Современное состояние приграничного шахрестана Сараван (по материалам иранской научной периодики и СМИ)

- 4 качакчи. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5327279> (дата обращения: 10.01.2022).
42. Кяшф-е 829 килу-ье мавад-е мохаддер дар амалийат-е такаваран-е полис-е Систан ва Балучестан = В ходе операции полицейского спецназа в провинции Систан и Белуджистан обнаружено 829 кг наркотиков. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5119612> (дата обращения: 10.01.2022).
43. Мардом-е Систан ва Балучестан бара-ье дарман-е коруна бе Пакестан мираванд = Жители провинции Систан и Белуджистан ездят лечиться от коронавируса в Пакистан. – URL: <https://www.rfi.fr/fa/20210717> (дата обращения: 10.01.2022).
44. Факторы развития депрессии у больных бета-талассемией, обратившихся в Центр по лечению талассемии шахрестана Сараван с 21 марта 2017 г. по 20 марта 2018 г. = Афкордеги ва авамел-е муассер бар ан дар бимаран-е мобтала бе бета талассеми-ье мажур-е мораджееконанде бе Маркяз-е талассеми-ье шахрестан-е Сараван дар сал-е 1396 / Масинаинежад Н., Мохаммад А.А., Аллахайари Дж., Замани Афшар М. // Хун XII. – 1398 (2019). – № 2. – С. 75–81.
45. Моаррефи-ье базарчеха-ье марзи дар остан-е Систан ва Балучестан ба Пакестан [Приграничные рынки на границе с Пакистаном в остане Систан и Белуджистан]. – URL: <https://economic.mfa.ir/portal/newsview/43774> (дата обращения: 10.01.2022).
46. Моаррефи-ье шахрестан-е Сараван = Шахрестан Сараван: общие сведения. – [2016]. – URL: <https://www.sbportal.ir/fa/cities/saravan> (дата обращения: 10.01.2022).
47. Моаррефи-ье шахрестан-е Сараван = Шахрестан Сараван: общие сведения. – [2019]. – URL: <https://www.sbportal.ir/fa/news/5459> (дата обращения: 05.01.2022).
48. Моджтахедпур Й. Тафтan // Даирat аль-маарef-е бозорг-е ислами. – URL: <https://www.cgie.org.ir/fa/article/239663> (дата обращения: 05.01.2022).
49. Модир-е амел-е Эттехадийе-ье гольханедаран-е Йазд: хахан-е дарыйафт-е газуиль-е литр-и 16,5 туман та пайан-е фасл-е бардатш-им = Исполнительный директор Союза тепличников г. Йазд: «Мы хотим получать дизельное топливо по 16,5 тумана за литр до конца сезона сбора урожая». – URL: <https://www.isna.ir/news/8910-00630> (дата обращения: 05.01.2022).
50. Моталеат-е абрасани бе 90 руста-ье бахш-е Бампошт-е Сараван анджом шодест = Произведены расчеты по обеспечению водой 90 деревень сараванского бахша Бампошт. – URL: <https://www.irna.ir/news/84111649> (дата обращения: 05.01.2022).
51. Наками-ье качакчийан дар энтекал-е махмule-ье бозорг-е мавад-е мохаддер бе кешвар = Неудачная попытка контрабандистов переправить вглубь страны крупную партию наркотиков. – URL: <https://www.mojnews.com/360995> (дата обращения: 28.12.2021).
52. Рахха-йи ке бе бирахе мираванд = Пути, ведущие в никуда. – URL: <http://www.qudsonline.ir/news/594788> (дата обращения: 5.01.2022).

53. Ревайат-и дигяр аз маджара-ье «Сараван» = Альтернативная версия «сараванского инцидента». – URL: <https://www.isna.ir/news/99120906542> (дата обращения: 07.01.2022).
54. Рудхане-ье Машекиль = Река Машекиль. – URL: <https://seiran.ir> (дата обращения: 10.01.2022).
55. Санас-ье дасти ва накш-е ан дар эктесад-е ханевар = Народные промыслы и их роль в экономике домохозяйства. – URL: <https://www.irna.ir/news/84360374> (дата обращения: 05.01.2022).
56. Сар та пийаз-е эттефакат-е Сараван = Сараванские события от а до я. – URL: <https://www.eightesadnews.com/395534> (дата обращения: 28.12.2021).
57. Сараван. – URL: <https://www.tarafdari.com/node/1863202>.
58. Сараван 218 кудак-е бимар-е талассеми дарад = В Сараване зарегистрировано 218 детей больных талассемией. – URL: <https://www.farsnews.ir/news/8604050184> (дата обращения: 07.01.2022).
59. Сараван дар тоулид-е гушт-е сефид ходкяфа шод/Тоулид-е салане-ье 50 хезар тон-е хорма Сараван добился самодостаточности в производстве белого мяса/Производство 50 000 т фиников в год. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/448219> (дата обращения: 07.01.2022).
60. Саранджам-е тарх-е «Раззак» че шод? = Чем закончился проект «Раззак»?. – URL: <https://www.epe.ir/News/24208> (дата обращения: 07.01.2022).
61. Сасандпур Ф. Джалк // Данеш-наме-ье джахан-е ислам. – URL: <https://rch.ac.ir/article/Details/10195> (дата обращения 08.12.2021).
62. Таамин-е сухт-е качак-е манатек-е марзи аз останха-ье маркязи = Поставки контрабандного топлива в приграничные районы из центральных останов. – URL: <https://epe.ir/News/21632> (дата обращения: 08.12.2021).
63. Тарихче-йе бимарестан[е Рази] = Краткая история больницы <«Раззи»>. – URL: <https://razi.zaums.ac.ir/39170.page> (дата обращения: 08.12.2021).
64. Тасвив-наме дар хосус-е таксимат-е кешвари дар шахрестан-е Сараван-е остан-е Систан ва Балучестан = Постановление об административном делении в шахрестане Сараван остана Систан и Белуджистан. – URL: <https://trk.ir/Laws>ShowLaw.aspx?Code=22723> (дата обращения: 11.12.2021).
65. Тасвив-наме дар хосус-е эслахат-е таксимат-е кешвари дар остан-е Систан ва Балучестан. Шахрестан-е Сараван ва Сарбаз = Постановление об изменении административного деления в остане Систан и Белуджистан. – URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/135007> (дата обращения: 09.12.2021).
66. Тафтан: зарфийат-ье гярдешгари-ье нашенахте-ье Систан ва Балучестан = Тафтан: неисследованный потенциал провинции Систан и Белуджистан в сфере туризма. – URL: <https://www.irna.ir/news/83901706> (дата обращения: 08.12.2021).
67. Тафтан кух-е зийарат = Тафтан – гора пalomничества. – URL: <https://www.isna.ir/news/91050402386> (дата обращения: 08.12.2021).
68. Тактха-ье баҳш-е коруна дар Сараван такмил шод = Свободные койки в ко-видном отделении в Сараване закончились. – URL: <https://donya-e-eqtesad.com/3779777> (дата обращения: 28.11.2021).

Современное состояние приграничного шахрестана Сараван (по материалам иранской научной периодики и СМИ)

69. Ташрих-е маджара-йе даргири дар марз-е Сараван аз шайе та вакейат = Анатомия столкновения на границе в Сараване: от слухов к реальности. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5154625> (дата обращения: 07.01.2022).
70. Тоулид-е З хезар ва 690 тон-е гушт-е морг дар шахрестан-е Сараван = В Сараване произведено 3690 т мяса птицы. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5124889> (дата обращения: 07.01.2022).
71. Фааль кърдан-е теджарат-е марзи моуджеб-е эштегальзайи дар Систан ва Балучестан мишавад = Активизация приграничной торговли будет способствовать росту занятости в провинции Систан и Белуджистан. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5350106> (дата обращения: 12.01.2022).
72. Фарханг-е джографийи-йе Иран (абадих). = Географический словарь Ирана (населенные пункты). – [Б. м.]: Энтешерат-е Дайере-йе джографийи-йе Сетад-е артеш, 1332 (1953). – Джелд 8, Остан 8 : Керман и Мекран.
73. Форудгах-е Сараван мах-е айанд бе баҳребардари мирасад = Аэропорт Саравана будет сдан в эксплуатацию в следующем месяце. – URL: <https://www.isna.ir/news/00061683746> (дата обращения: 07.01.2022).
74. Хаме анче ке байад дарбаре-йе тарх-е Рazzak беданид. Хадаф-йе тарх-е Рazzak чист? = Всё, что вам необходимо знать о проекте «Рazzак». Какова цель проекта «Рazzак»? – URL: <https://www.ana.press/news/571984> (дата обращения: 07.01.2022).
75. Хафтад-о пандж дарсад аз арази-йе аби-йе Сараван вабасте бе аб-е канат-аст = 75% орошаемых земель в Сараване зависит от системы канатов. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/4679163> (дата обращения: 07.01.2022).
76. Хернашки Х. Факторы, способствующие контрабанде топлива в остане Систан и Белуджистан = Барраси-йе авамел-е муассер бар качак-е сухт дар остан-е Систан ва Балучестан // Данеш-е энтеками-йе Систан ва Балучестван. – 1399 (2020). – № 35. – С. 1–25.
77. Хифдах хезар тест-е коруна дар Сараван аз эбтеда-йе сал-е джари анджам шоде-аст = С начала текущего года в Сараване выполнено 17 000 тестов на коронавирус. – URL: <https://www.irna.ir/news/84457494> (дата обращения: 7.01.2022).
78. Худуд аль-алам мин аль-машрик ила-ль-магриб. Ке бе сал-е 372-е хеджри-йе камари талиф шоде-аст = Границы мира от востока до запада / Бе күшеш-е доктор Манучехр Сотуде. – Тегеран : Кетабхане-йе Тахури, 1362 (1983). – 252 с.
79. Шарафи Х., Шакур А., Деразехи Й. Краткий анализ факторов, влияющих на контрабанду товаров в сельских районах приграничного шахрестана Сараван = Тахлил-и бар качак-е кала ва авамел-е муассер бар ан дар рустаха-йе шахрестан-е марзи-йе Сараван // Барнамеризи-йе мантакеи. – 1399 (2020). – № 37. – С. 63–76.
80. Шешсад хектар аз нахлестанха-йе Сараван говохи-йе хорма-йе органик дарйафт кърданд = На 600 га финиковых рощ Саравана получен органический сертификат. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/4694854> (дата обращения: 02.01.2022).

81. Эблаг-е доулят ру-ье замин монд / Шеркят-е пахш шир-е газуиль-е «тарх-е Развак»-ра баст = Заявление правительства повисло в воздухе. Компания по распределению перекрыла кран подачи дизельного топлива проекта «Развак». – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5155547> (дата обращения: 04.01.2022).
82. Эбрахим-заде И., Хафез Реза-заде М., Дараи М. Рынки приграничных городов – окно для развития городского туризма. Ситуационное исследование: остан Систан и Белуджистан = Базарчеха-ье шахрха-ье марзи дариче-и бе тоусее-ье гярдешгяри-ье шахри. Мотале-ье моуреди: остан-е Систан ва Балучестан // Хамайеш-е мелли-ье шахрха-ье марзи ва амнийат: чалешха ва раҳйафтҳа. – Данешгах-е Систан ва Балучестан. – 1391 (2012). – 30 ва 31 фарвардин. – С. 19–32.
83. Эзафе шодан-е 2 шахрестан-е джадид бе Систан ва Балучестан = В провинции Систан и Белуджистан создано два новых шахрестана. – URL: <https://www.isna.ir/news/1400042820054> (дата обращения: 07.01.2022).
84. Эмами С. Повесть о Сараване = Дастан-е Сараван. – URL: <https://farhikhtegan daily.com/news/52127> (дата обращения: 02.01.2022).
85. Эфтетах-е бимарестан-е Иранмехр-е Сараван ба хозур-е вазир-е бехдашт = Открытие в Сараване больницы Иранмехр: на церемонии присутствовал министр здравоохранения. – URL: <https://www.iribnews.ir/fa/news/3162652> (дата обращения: 09.01.2022).
86. Эфтетах-е 8 тарх-е бахш-е кешаварзи дар Сараван = Сдача 8 проектов в сельскохозяйственном секторе в Сараване. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/4705343> (дата обращения: 07.01.2022).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

К.А. КУДАЯРОВ*. ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ : НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСТАНА.

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть место Кыргызстана в региональной системе безопасности сквозь призму межстранных внутрирегиональных противоречий, усложняющихся спорами о распределении водных и земельных ресурсов, и влияния афганского и пакистанского факторов на Кыргызстан: распространение религиозного экстремизма, терроризма и наркотрафика. Делается акцент на общие проблемы, объединяющие страны Ферганской долины – Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан, вокруг которых сосредоточены основные угрозы безопасности регионального характера. Подчеркиваются усилия, предпринимаемые в рамках ОДКБ и ООН в укреплении архитектуры безопасности Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия; Кыргызстан; Таджикистан; Узбекистан; ОДКБ; угроза безопасности; спорные территории; водные проблемы; терроризм; экстремизм; наркотрафик.

KUDAYAROV K.A. Intraregional Security Problems in Central Asia: The Case of Kyrgyzstan.

Abstract. The article attempts to consider Kyrgyzstan's place in the regional security system through the prism of inter-country intra-regional contradictions, complicated by disputes over the distribution of water and land resources, and the influence of Afghan and Pakistani

* Кудаяров Каныбек Акматбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

factors on Kyrgyzstan: the spread of religious extremism, terrorism and drug trafficking. The emphasis is placed on the common problems uniting the countries of the Fergana Valley – Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan, around which the main threats to regional security are concentrated. The efforts made within the framework of the CSTO and the UN in strengthening the security architecture of Central Asia are emphasized.

Keywords: Central Asia; Kyrgyzstan; Tajikistan; Uzbekistan; CSTO, security threat; disputed territories; water problems; terrorism; extremism; drug trafficking.

Для цитирования: Кудаяров К.А. Внутрирегиональные проблемы безопасности Центральной Азии : на примере Кыргызстана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 2. – С. 59–80. DOI: 10.31249/RVA/2022.02.04

С обретением независимости государствами Центральной Азии актуализировались вопросы обеспечения национальной и региональной безопасности. Несмотря на то что за 30-летний период многие проблемы удалось разрешить, республики Центрально-Азиатского региона еще не смогли достичь желаемых результатов в этом направлении. Причастность к одному geopolитическому ареалу объясняет и наличие общих проблем внутрирегионального характера для государств южного фланга СНГ. Тем не менее существуют и некоторые различия локального (географического характера), которые преимущественно затрагивают три из пяти республик региона, охватывающих «супер-Балканы» [22, с. 16], именуемые Ферганской долиной. Именно здесь уровень соприкосновения народов, культур, экономик и всего остального достигает максимальных значений, привнося не только положительные, но и отрицательные моменты в двусторонние отношения государств. При этом следует отметить быстрое перетекание / отражение / ре-трансляцию определенных событий, произошедших в одном государстве, на соседние государства, отчасти объясняющееся отсутствием буферных зон и наличием беспрепятственного контакта между населением республик. В центре событий в рассматриваемой работе находится Кыргызстан, имеющий границу как с фер-

ганскими соседями – Узбекистаном и Таджикистаном, – так и с крупнейшим государством региона – Казахстаном.

Внимание государства к проблемам национальной безопасности выражено в Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы [33], уже на первых страницах утверждающей, что 95% граждан страны беспокоит недостаточная эффективность государственной политики по преодолению проблем низкой занятости, значительной миграции и решению других долгосрочных социальных проблем. При этом подчеркивается, что Кыргызстану придется решать свои проблемы в условиях удаленности от основных транспортных путей, адаптации к новым условиям экономического развития в рамках ЕАЭС, с учетом недостаточного развития физической и цифровой инфраструктуры и малых размеров кыргызской экономики.

Среди основных направлений деятельности, затрагивающих как внутреннюю, так и внешнюю безопасность республики, в Стратегии подчеркивается роль ОДКБ, обеспечивающего надежную систему коллективной безопасности по противодействию международному терроризму, экстремизму и незаконному обороту наркотиков. Делается упор на активизацию взаимодействия с государствами – членами ОДКБ в сфере пограничной безопасности, решении пограничных вопросов и развитии социально-экономических и культурно-гуманитарных связей с соседями. В Национальной стратегии также определены цели государства в религиозной сфере, выражющиеся в создании национальной системы религиозного образования в рамках светского государства, и многое другое. Все вышесказанное получит дальнейшее развитие в рамках утвержденной 20 декабря 2021 г. Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики [32]. Текст новой Концепции пока не опубликован, но она, несомненно, будет логическим продолжением предыдущей Концепции (2012–2021), подчеркивавшей большую значимость ОДКБ, СНГ и ЕАЭС как механизмов обеспечения национальной и региональной безопасности на пространстве СНГ [12].

В общереспубликанских масштабах основная роль в обеспечении внутренней безопасности отводится Государственному комитету национальной безопасности Кыргызской Республики (ГКНБ КР), в состав которой входят Пограничная служба ГКНБ

КР [20], Антитеррористический центр ГКНБ КР, Координационный центр по обеспечению кибербезопасности ГКНБ КР, а также профильным министерствам – внутренних дел и обороны.

Новая концепция вряд ли будет иметь существенные отличия от предыдущей и в плане определения основных угроз безопасности республики. Афганский фактор по-прежнему будет источником основных угроз безопасности региона. ОДКБ по-прежнему будет играть ключевую роль в обеспечении безопасности Центральной Азии прежде всего от угроз, исходящих из южных рубежей постсоветских республик. Активизация террористических и экстремистских организаций в охваченном хаосом Афганистане станет основным предметом беспокойства государств – членов ОДКБ.

Единственным исключением станет фактор коронавируса, появившегося в 2019–2020 гг. и усугубившего существующее положение дел в социальной, экономической, политической и иных сферах жизнедеятельности Кыргызстана. Безусловно, большое внимание будет уделяться вопросам вакцинации от имеющихся штаммов коронавирусной инфекции, на повестке дня будут стоять вопросы лекарственного обеспечения и поиска внутренних ресурсов для развития собственной фармацевтической индустрии.

Политическая нестабильность как угроза государственной безопасности Кыргызстана

Кыргызская Республика является одной из самых бедных стран постсоветского пространства (наряду с Таджикистаном), не имеющей выхода к морю и географически изолированной горными системами Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Слабая экономическая база, имеющая преимущественно аграрно-сырьевой характер, коррупция общегосударственного масштаба и клановая система правления способствовали сохранению аморфности правящих режимов, неспособных удержаться у власти в период затяжных политических кризисов. Перманентная слабость кыргызской власти делает Кыргызстан неспособной в полной мере ответить на вызовы и угрозы внутригосударственного характера (коррупция, правовой нигилизм, исламизация общества, связанная с деятельностью салафитских религиозных организаций, и мн. др.), не гово-

ря уже о проблемах регионального масштаба. Революционные события 2005, 2010 и 2020 гг. в Кыргызстане, приведшие к смене власти в условиях политической нестабильности, в первом случае завершились переходом к политике предельного усиления президентской власти. Не лучшим образом подобранные команды управленцев на местах, зачастую не обладающих соответствующей компетенцией, клановая структура власти и другие факторы не позволили наладить эффективное государственное регулирование, которое позволило бы решить накопившиеся социально-экономические и политические проблемы. Во втором случае политический кризис (2010), напротив, способствовал усилению парламентаризма и исполнительной ветви власти в лице премьер-министра. Когда управление страной перешло в руки новой команды лидеров, начал формироваться и новый политический дискурс, центральной идеей которого стало недопущение появления в будущем суперпрезидентской власти, сложившейся в период между 2005 и 2010 гг. Осенние события 2020 г. в Кыргызстане привели к пересмотру политической системы и смене формы правления с президентско-парламентской на президентскую.

Таким образом, на протяжении последних 30 лет политическая активность в республике развивалась в двух противоположных направлениях: подражание стандартам западных демократий или авторитарное усиление президентской власти [13, с. 89]. Данная динамика не характерна для политических систем других стран региона, отличающихся большей стабильностью режимов.

Проблема определения статуса спорных территорий

В Ферганской долине сосредоточены основные очаги нестабильности в регионе, связанные с определением границ на спорных территориях. Несмотря на периодическое возникновение напряженности на кыргызско-узбекской, кыргызско-таджикской и узбекско-таджикской границах, они все же постепенно находят свое решение. В 2019 г. между Узбекистаном и Таджикистаном было подписано соглашение о полной делимитации границ. На данный момент проходит процесс демаркации границ, который не удалось завершить в установленные сроки (до конца 2021 г.).

Самой проблемной является кыргызско-таджикская граница, на которой из 978 км приграничной зоны делимитированы 530 км. По результатам последних переговоров между сторонами было согласовано еще около 40 км. Таким образом, предстоит произвести делимитацию и демаркацию 408 км границы. Ежегодно на спорных участках пограничья между Кыргызстаном и Таджикистаном возникают конфликты из-за земель, воды, незаконного пересечения рубежей и межэтнических разногласий. При этом все чаще применяется огнестрельное оружие, льется кровь, погибают люди. В конце апреля 2021 г. произошел наиболее крупный конфликт на границе, начавшийся из-за спора на водораспределительном объекте «Головной». В результате вооруженного столкновения погибли 36 кыргызских граждан и 19 граждан Таджикистана. Были сожжены десятки жилых строений, социальных учреждений и хозяйственных объектов [17]. Как полагает Т. Умаров, в результате конфликта наиболее пострадавшей оказалась кыргызская сторона. В средствах массовой информации и в социальных сетях Кыргызстана распространяются свидетельства того, что таджикская армия заранее сосредоточила на границе танки Т-72, вертолеты Ми-24 (сбрасывавшие неуправляемые авиационные ракеты С-5), бронетранспортеры БТР-70 и гранатометы РПГ-7 [30]. Это первый случай полномасштабного вооруженного конфликта в кыргызско-таджикских отношениях. Учитывая напряженную обстановку на границе двух государств, не исключено, что подобные события могут повториться и в будущем.

Граница между Кыргызстаном и Узбекистаном к сегодняшнему дню определена двусторонними соглашениями практически на 98 процентов. Одной из основных проблем является определение участка Кемпир-Абадского (Андижанского) водохранилища, которое планировалось передать узбекской стороне при условии совместного использования местными хозяйствами обеих республик (водопой, полив, рыболовство и другое) [28]. Протестные акции кыргызского населения, живущего вдоль данного водоема, помешали реализации данного соглашения, которое позволило бы официальному Бишкеку заявить о том, что вопрос делимитации территорий на кыргызско-узбекской границе полностью завершен [11].

Другой большой проблемой для стран региона являются анклавы и эксклавы на территории трех государств. На территории Кыргызстана расположены узбекские анклавы «Сох» и «Шахимардан» [24, с. 44], таджикский анклав «Ворух». В Узбекистане находится кыргызский анклав «Барак» [9, с. 125].

Проблема спорных территорий – это прежде всего проблема распределения жизненно важных водных ресурсов и пастбищ, поскольку практически все население конфликтных зон занимается сельским хозяйством. Изменение климата, приводящее к таянию ледников и сокращению объемов воды в реках, приводит ко все более частым конфликтам между жителями приграничных районов. Нередки конфликты из-за распределения воды между жителями узбекского анклава «Сох» (Кыргызстан) и таджикского анклава «Ворух» (Кыргызстан) с кыргызскими фермерами [1]. Во втором случае по кыргызской территории проходит транзитная дорога, связывающая Таджикистан с анклавом «Ворух». Из-за этой дороги жители кыргызского села Ак-Сай сами оказались будто в анклаве на территории собственной страны. Единственный путь, связывающий Лейлекский район Кыргызстана с остальной частью республики, лежит через «Ворух». Построить объездную дорогу не позволяет таджикская сторона: территория, на которой должна пройти трасса, также относится к разряду спорных.

Другой не менее важной причиной конфликтов в «Ворухе» является водозабор Торткульского водохранилища, владение которым дает контроль над рекой, обеспечивающей водой землевладельцев обеих стран. И кыргызская, и таджикская стороны претендуют на него, чтобы в будущем использовать его для своих собственных нужд.

Свидетельств, указывающих на напряженность обстановки на указанной территории, – множество. К примеру, в марте 2019 г. в анклаве в результате конфликта из-за строительства дороги Ак-Сай-Тагымдык погибли два человека и двадцать были ранены. В том же месяце из-за установки флагштока на неописанном участке границы возле места расположения топонима «Ворух» началась стрельба: из огнестрельного оружия ранен один военнослужащий, также пострадали милиционер и двое гражданских лиц.

Остальные шесть анклавов Ферганской долины имеют меньшую территорию и население: таджикские анклавы «Карай-

гач» (Кыргызстан) и «Сарвак» (Узбекистан), кыргызский анклав «Барак» (Узбекистан), узбекские анклавы «Джангайл», «Чон-Гара» и «Шахимардан» (Кыргызстан). По большому счету у жителей анклавов трудности одни и те же – пограничные заставы и отдаленность от пастбищ. Однако там нет столь большой эскалации ситуации, поскольку границы в этих анклавах (в отличие от «Соха» и «Воруха») согласованы. Все спорные участки имеют стратегическое значение, поэтому стороны не готовы мириться с их возможной потерей. Обладание данными участками дает контроль над водными ресурсами, транспортными артериями и близлежащими пастбищами.

Переговорный процесс по спорным территориям и анклавам, длившийся практически три десятилетия, не принес существенных результатов.

Учитывая конфликтогенную напряженность в регионе Центральной Азии, в частности, между Кыргызстаном и Таджикистаном, ОДКБ стоит выработать механизмы, которые могли бы применяться для урегулирования конфликтов между членами самой организации.

Водная проблема

Проблема раздела/распределения водных ресурсов является одной из ключевых тем переговорных процессов между республиками. Обозначенные проблемы также касаются в большей степени трех из пяти республик региона – Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Два первых государства, владеющих основными запасами водных ресурсов региона, формируют стоки Амударьи и Сырдарьи, составляющих основу оросительной системы Узбекистана, Туркменистана и частично Казахстана. Экономическая слабость государств верховья (Таджикистана и Кыргызстана) вынуждает их использовать имеющийся гидроэнергетический потенциал для удовлетворения внутренних потребностей в электроэнергии и развития собственных экономик. Однако усиление данного потенциала подразумевает строительство крупных гидроэлектросооружений, способных вырабатывать большое количество электроэнергии для удовлетворения нужд республик и экспорта электроэнергии за пределы государств [18]. Эксплуатация гидроэлектросооружений

подразумевает установление водозабора и многократное уменьшение водостока, что приводит к нехватке воды в странах низовья – Узбекистане, Казахстане и Туркмении. В связи с этим страны низовья, и особенно Узбекистан (при правлении Каримова), проводили политику по недопущению строительства данных ГЭС в Кыргызстане и Таджикистане, используя для этого всевозможные рычаги давления [5, с. 30]. В первую очередь это выражалось в виде транспортной изоляции Таджикистана со стороны Узбекистана, а также «демонстрации силы», посредством военных учений вдоль узбекско-киргызской границы. Ташкент неоднократно предупреждал Бишкек и Душанбе о возможном усилении противодействия планам соседей вплоть до возможности вооруженных конфликтов, непосредственно связанных с проблемой водных ресурсов [4]. Ситуация изменилась к лучшему с приходом к власти в Узбекистане Ш. Мирзиева (2016), который не стал препятствовать реализации энергетических проектов соседних государств.

Многолетний спор между государствами является следствием внедрения новой советской системы управления водными ресурсами (1970-е годы), когда первостепенной задачей рассматривалось обеспечение водой оросительных систем Узбекистана, Казахстана и Туркменистана для нужд сельского хозяйства. В 1992 г. эти механизмы распределения воды были закреплены Алматинскими соглашениями. Государства – поставщики воды были оборудованы плотинами, чтобы играть роль регуляторов и хранителей воды для орошаемых площадей, отпуская ее летом и накапливая в остальные времена года. Поскольку гидроэнергетический потенциал плотин являлся второстепенным, вопросы обеспечения Кыргызстана и Таджикистана электроэнергией в зимний период решались за счет поставок углеводородов из республик – потребителей водных ресурсов (Узбекистан, Туркменистан и Казахстан). Таким образом произвился бартер между республиками. Эта единая система управления водными ресурсами прекратила свое существование после распада СССР, и каждое государство в одностороннем порядке пересмотрело свои приоритеты, отказавшись от централизованного управления водосборным бассейном [16, с. 70]. В нынешних условиях, когда Кыргызстан испытывает острую нехватку гидроресурсов в резервуаре Токтогульской ГЭС (крупнейшей в республике), она вынуждена импортировать опре-

деленные объемы электроэнергии из соседних стран, чтобы наполнить Токтогульскую плотину водой для последующего отпуска воды в вегетационный период для Казахстана и Узбекистана. В свою очередь импортированные объемы электроэнергии должны быть возвращены за счет выработки больших объемов электроэнергии в летний период. При этом основную выгоду от такой ситуации извлекают именно государства низовья, потребляющие основную часть воды. В условиях постоянного роста населения региона проблема нехватки воды становится острее год от года, однако действенных мер для ее решения со стороны государств-потребителей не предпринято. Очевидным решением в сложившихся условиях является лишь изменение территориального размещения сельскохозяйственных предприятий и отказ от широкомасштабной мелиоративной практики в пользу интенсификации на землях с лучшим водоснабжением, а также восстановление прежних ирригационных и дренажных систем.

Влияние афганского фактора

Географическая близость к Афганистану создает целый комплекс проблем, связанных с обеспечением безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Главную угрозу, исходящую из Афганистана, представляет радикальная организация «Талибан» (запрещенная в РФ), с деятельностью которой непосредственно связаны распространение в регионе экстремизма и оборота наркотиков, (не исключена и возможная прямая агрессия) [23, с. 83]. На сегодняшний день проблемы региона, связанные с «афганской угрозой», во многом решаются силами ОДКБ и России (военные учения в рамках ОДКБ, безвоздмездное вооружение стран – членов ОДКБ, патрулирование воздушного пространства государств ОДКБ через российские базы в Таджикистане и Киргизстане). В Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики (от 2012 г.) выражались опасения по поводу активизации террористических организаций на территории Афганистана и Пакистана в связи с планировавшимся уходом войск международной коалиции из Афганистана (2014). Эти опасения сбываются, и движение «Талибан», сумевшее синтезировать конфессиональный и этнический факторы, выраженные в виде агрессивного пуштунского национа-

лизма с исламским оттенком, приходит к власти в Афганистане. Это естественным образом отразилось и на той буферной зоне, существовавшей на севере страны, где традиционно проживает значительное количество этнических таджиков, узбеков и туркменов, в свое время образовавших «Северный альянс» против «Талибана» (1996–2001). Бессилие ополченцев северных приграничных провинций Афганистана перед натиском талибов обеспечило последним быструю ликвидацию буферной зоны, создав, таким образом, зону нестабильности в приграничных зонах со среднеазиатскими республиками. Неудивительно, что сегодня наибольшую озабоченность государств Средней Азии вызывают угрозы распространения идей исламского экстремизма, терроризма и наплыва афганских беженцев.

Следует отметить, что, лишь оказавшись в новых геополитических реалиях (после распада СССР), государства Центральной Азии обнаружили себя в одном региональном комплексе безопасности с Афганистаном и Пакистаном. Многие события, происходящие в Таджикистане с конца 1980-х гг., вплоть до сегодняшних дней имеют отношение к афганскому фактору. Все началось с того, что многие ветераны Афгана, вернувшись на родину с «пробудившимся национальным самосознанием», инициировали перемены, связанные с языковым и культурным возрождением Таджикистана. В результате был принят закон «О языке» (22 июля 1989 г.). Однако именно 1989 г. явился отправной точкой событий, положивших начало гражданской войне в Таджикистане (1992–1997), в которой не последнюю роль сыграли ветераны войны в Афганистане (1979–1989), пополнившие как ряды проправительственных сил, так и занявших сторону радикально настроенных оппозиционеров. Объединенная таджикская оппозиция пользовалась значительной поддержкой афганских радикалов во время и после гражданской войны в Таджикистане [15, с. 36]. Не являются исключением и сегодняшние события в Афганистане, вновь приведшие к власти движение «Талибан». В данном случае официальный Душанбе принял роль принимающей стороны для таджикских беженцев из Афганистана. При этом приток соплеменников, спасающихся от новых (пуштунских) порядков, одновременно вызвал волну негодования в самом Таджикистане, где значительная часть молодежи (и ветеранов афганской войны) была готова вмешаться во внутри-

политическое противостояние между талибами-пуштунами и афганскими таджиками на стороне последних. Однако режиму Рахмона удалось не допустить вмешательства таджикских граждан во внутриафганский конфликт.

Говоря в целом, вопросы идентичности встали как «комок в горле» перед всеми государствами региона. Но именно в Таджикистане и Узбекистане эта проблема привела к разделению населения и элит этих стран на две противоборствующие группировки: сторонников построения теократического государства и приверженцев светской модели нациестроительства. Однако если в Таджикистане это вылилось в пятилетний межтаджикский конфликт, то в Узбекистане государство с самого начала самым жестким образом пресекало любые проявления «инакомыслия», не позволив сторонникам построения теократического государства осуществить задуманное. Режим И. Каримова смог «пережить» многочисленные теракты, совершенные в период с 1999 по 2005 гг. в различных городах республики. События в соседних странах коснулись и Кыргызской Республики, где произошли шокировавшие местные власти «баткенские события» (1999), когда большая группа террористов Исламского движения Узбекистана (ИДУ), выдвинувшись из Афганистана и Таджикистана вторглась на территорию Кыргызской Республики, не встретив серьезного противодействия со стороны военных формирований. Их целью была дестабилизация политической ситуации в Узбекистане с последующим свержением светского режима. В дальнейшем часть из них была уничтожена благодаря российской военной помощи, а оставшиеся члены ИДУ вернулись на территорию Таджикистана.

Попытки республик Центральной Азии по объединению своих усилий в решении общих проблем привели к подписанию ряда важных соглашений и прежде всего основополагающего Договора о сотрудничестве в сфере борьбы с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами (2000) [8]. В 1990-е годы совместные военные учения государств региона с другими государствами не были столь активными. Несмотря на взаимодействие в рамках ОДКБ, Центразбата, программы «Партнерство ради мира» (ПРМ) и т.д., на внутрирегиональном уровне практически не наблюдалось полноценного и долгосрочного взаимодействия. По-

пытки региональных тяжеловесов – Казахстана и Узбекистана – мобилизовать совместную деятельность под своим началом не дали результатов в силу негласного соперничества между ними. События 11 сентября 2001 г. способствовали активизации сотрудничества в рамках ОДКБ, ПРМ, а также двусторонних контактов государств региона с Россией, США, Турцией, ЕС и другими акторами.

Афганский наркотрафик

Относительная географическая отдаленность Афганистана от Кыргызстана (по сравнению с Таджикистаном и Узбекистаном) не является препятствием для функционирования наркотрафика афганских наркотиков через кыргызскую территорию, находящуюся на расстоянии менее двухсот километров от ближайшего участка афганской границы. В силу прохождения на север – через территорию Казахстана в Россию и Европу – он называется «северным маршрутом» [3]. Государственная таможенная служба с начала 2021 г. зафиксировала 30 фактов незаконных попыток перевозки наркотических веществ. В рамках проведенных работ было задержано около 100 килограммов запрещенных веществ. По сравнению с прошлым годом эти объемы выросли на 57% [10]. Часть «северного маршрута» пересекает афгано-таджикскую границу в районе Горного Бадахшана и выходит в Раштский район Таджикистана. Далее, следуя через территорию Баткенской области (Кыргызстан), он уходит на север (Казахстан, Россия) [34]. Всего существует четыре маршрута доставки из Таджикистана в Кыргызстан: Кызыл-Артский, Алтын-Мазарский, Баткенский и Ходжентский [19, с. 19]. Таким образом, граница между Таджикистаном и Кыргызстаном является проблемной не только в плане наличия анклавов и спорных территорий, но и в связи с наличием наркокоридора. Как полагает А. Зеличенко, «кыргызско-таджикская граница – это место сосредоточения всех зол», включая наркотрафик, различную контрабанду и незаконную миграцию [2].

В 2021 г., согласно данным Управления ООН по борьбе с наркотиками и преступностью, рост производства опиатов в Афганистане вырос на 8%, составив 6,8 тыс. т [31]. Сегодня на долю Афганистана приходится более трех четвертей поставок героина в

мире с увеличивающейся долей трафика этих препаратов через государства Центральной Азии. По некоторым оценкам, от 14 до 25% производимых в Афганистане наркотиков направляется по «северному маршруту» на рынки Центральной Азии и Российской Федерации.

Объем незаконного оборота опиатов афганского происхождения в Кыргызстане способствовал росту потребления наркотиков. Кыргызская Республика подобно другим государствам Центральной Азии постепенно превратилась из транзитной страны в страну-потребителя. Афганский наркотрафик и его транзит через таджикскую территорию остаются основным очагом распространения наркомании в республике. По оценочным данным УНП ООН, около трети транзитных наркотиков оседает в Центральной Азии. Кыргызстан в полной мере испытывает на себе отрицательные последствия афганского наркотрафика. Например, в 2019 г. на учете в наркологических учреждениях республики состояли 8448 человек, в 2020 г. – 8,5 тыс. (в Таджикистане – 5375, Узбекистане – 5698, Казахстане – 20 003) [6]. В 2020 г. около 61% наркопотребителей от числа лиц, состоящих на учете, использовали инъекционный способ потребления наркотиков, относящихся к группе опиатов, преимущественно героин, а более 31% наблюдались в связи с зависимостью от препаратов группы каннабиса (курение) [35]. В Центральной Азии (и на Южном Кавказе) доля населения в возрасте 15–64 лет, употребляющего наркотики путем инъекций, в 3–4 раза превышает среднемировой показатель [7, с. 117].

Как полагает К. Османалиев (Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики), на формирование и развитие наркоситуации в Кыргызстане оказывают влияние следующие факторы: 1) устойчивый рост производства наркотиков в Афганистане и увеличение объемов их контрабанды; 2) географическое положение республики – между центром производства опиатов и рынками их потребления; 3) трудности с охраной государственных границ Кыргызской Республики; 4) увеличение спроса на наркотики в странах СНГ и Европы; 5) рост социально-экономических трудностей, приводящих к широкому вовлечению в наркобизнес представителей социально уязвимых слоев населения (доходы населения в регионе остаются низкими,

сохраняется финансовый стимул для вовлечения людей в незаконный оборот наркотиков); 6) ослабление государственной системы профилактики и лечения наркомании, отсутствие или недостаточность медико-социальных и реабилитационных центров; 7) изменение характера употребления наркотических веществ в сторону увеличения инъекционного способа как фактор распространения ВИЧ / СПИДа, гепатита, туберкулеза и других сопутствующих заболеваний; 8) появление новых синтетических наркотиков (в частности, «экстази» и др.), а также рост числа их потребителей; 9) наличие собственной сырьевой базы наркотиков в виде зарослей дикорастущей конопли и эфедры, а также сохраняющаяся в отдельных местностях практика незаконной культивации опийного мака, так как климатические условия во всех пяти центрально-азиатских странах благоприятны для произрастания опийного мака и конопли, которые нелегально культивируются на небольших площадях в деревнях или отдаленных горных регионах; 10) прохождение через территорию страны наркомаршрутов, чему способствуют такие условия, как прозрачность границ между государствами СНГ, активная деятельность международной мафии, выбравшей разоренный Афганистан для производства опиатов [19, с. 14].

В 2000 г. «Талибану» удалось сократить посевы опийного мака в Афганистане с 82,1 тыс. га до 7,6 тыс. га, но объемы плантаций были быстро восстановлены в связи с необходимостью финансирования военных действий против оккупационных сил США и НАТО [27]. Вернув власть в стране (2021), талибы вновь заявили о своих планах по ликвидации контрабанды наркотиков [26]. Но-вый афганский режим стремится добиться признания со стороны мирового сообщества, что является одним из непременных условий налаживания международных связей для последующего политического, экономического, культурно-гуманитарного развития страны. Ликвидация опиумных плантаций и нарколабораторий в этом плане являются логичным шагом со стороны «Талибана». В ближайшие годы станет ясно, насколько твердо талибы готовы придерживаться данного курса.

По мнению многих экспертов, коррупция является одной из главных причин устойчивости наркоторговли. При этом многие отмечают, что в регионе нет общего понимания проблемы. Каждая

страна борется с наркоторговлей исключительно в рамках своих национальных границ, руководствуясь своими методами работы. Стоит отметить и наличие серьезных расхождений в понимании данной проблематики на Западе и в государствах региона. Комплексный подход к решению проблемы наркотрафика, используемый на Западе, начинает привлекать внимание местных компетентных органов лишь в последние годы. В рамках УНП ООН уже разработана и готова к реализации Программа для стран Центральной Азии на 2022–2025 гг. [21], состоящая из пяти подпрограмм: 1) предупреждение и борьба с транснациональной организованной преступностью; 2) профилактика преступности, расширение доступа к правосудию и укрепление верховенства права; 3) решение проблемы употребления наркотиков, расширение лечения расстройств, связанных с употреблением наркотиков, и профилактика ВИЧ / СПИДа; 4) предотвращение и борьба с терроризмом и радикализацией, ведущей к насилию; 5) поддержка в сферах исследований, анализа тенденций, политики, информационного продвижения и судебной экспертизы.

Помимо этого УНП ООН реализует программу по укреплению пограничного контроля и трансграничного сотрудничества. В рамках нее была создана платформа для разработки коллективных мер правоохранительных органов борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Суть программы заключается в создании офицеров пограничного взаимодействия при ключевых КПП в регионе, которые занимаются сбором, анализом и обменом информацией между правоохранительными органами соседних стран, которые должны облегчить и ускорить обмен оперативной информацией [29].

Огромная роль в борьбе с наркотрафиком отводится и ОДКБ, на базе которой действует Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОНП) (с 2005). На регулярной основе успешно реализуются антинаркотические операции «Канал» (с 2003), тактические учения в рамках программы «Гром» (с 2012). Среди последних наиболее значимых событий стоит отметить утверждение (2 декабря 2021 г.) Антинаркотической стратегии государств – членов ОДКБ на 2021–2025 гг. [25], предусматрива-

иющей дальнейшее сотрудничество стран – членов ОДКБ в данном направлении.

Пакистанское религиозное движение «Таблиги Джамаат» в Кыргызстане

«Таблиги Джамаат» является религиозным движением, основанным в 1926 г. в Индии шейхом-суфием Маулана Мухаммад Илиясом. Миссией движения является духовное возрождение этнических мусульман по всему миру посредством осуществления «даават» (с арабского языка «призыв», «приглашение») ко всем единоверцам к соблюдению исламской религиозной практики, указанной пророком Мухаммадом.

Самой активной и многочисленной общиной Кыргызстана, занимающейся прозелитизмом, является «Таблиги Джамаат», завоевавшая популярность благодаря своей открытости и упрощенной системе членства. «Таблиги Джамаат» практикует «даават» по принципу «от двери к двери», призывая людей к осуществлению религиозно-обрядовой практики с определенной частотой и сроками их совершения. Несмотря на регулярные и настойчивые призывы («даават»), «Таблиги Джамаат» не имеет мощной идеологической базы и вследствие этого не может удержать своих «новоиспеченных» сторонников. Движение передает более «минималистский» ислам, который больше подчеркивает повседневную практику основных заповедей ислама, передавая «дааватчи» (члену общины) лишь поверхностные знания, ограничивающиеся верой в Аллаха, совершением пятикратного намаза и чтением Корана и Сунны. Стоит отметить и одну весьма важную тенденцию, наметившуюся в последние годы, – возникновение и развитие «межэтнического сотрудничества» в рядах последователей движения. Несмотря на существующее негласное разделение мусульман республики по этническому принципу, процесс межнационального диалога на платформе «Таблиги Джамаат» продолжает развиваться за счет привлечения представителей узбекских общин юга республики, совершающих «даават» в северных, преимущественно кыргызских областях. В перспективе, возможно, «Таблиги Джамаат» удастся объединить разрозненную по национальному признаку мусуль-

манскую умму Кыргызстана. Невзирая на слабую образовательно-просветительскую инфраструктуру, «Таблиги Джамаат» лидирует по объему охвата населения. На сегодняшний день эта организация все еще находится на этапе, когда его основной целевой группой являются широкие народные массы и маргинальная молодежь, в то время как, например, их более развитые турецкие конкуренты распространяют более сложный с научной точки зрения ислам и отдают предпочтение образовательной деятельности, ориентируясь на богатые элиты, зажиточный и средний классы населения. Тем не менее тяжелое социально-экономическое положение в Кыргызстане благоприятствует деятельности «Таблиги Джамаат» и может в ближайшие годы привести к тому, что оно выйдет за рамки маргинальной сферы и начнет более активно действовать среди местных элит. Аполитичная позиция движения, которой оно официально придерживается в настоящий момент, не означает, что «Таблиги Джамаат» не станет политизированным в будущем, особенно если социально-экономическая ситуация в регионе будет продолжать ухудшаться.

Заключение

Широкий круг проблем безопасности, затрагивающих как Кыргызскую Республику, так и государства региона, безусловно, требует комплексного подхода и вовлечения всех государств Центральной Азии. При этом многие вопросы региональной и межстрановой повестки, как, например, вопросы противостояния терроризму и наркотрафику, делимитации спорных территорий (и связанный с ними водной проблемы), нелегальной миграции, решаются как собственными силами, так и посредством командной работы в рамках внутрирегионального сотрудничества, а также при поддержке ОДКБ и других международных структур. Механизм сотрудничества региона в сфере безопасности в рамках ОДКБ носит институциональный и постоянный характер, однако без разрешения внутренних проблем и достижения внутрирегионального единства любые попытки решения накопившихся проблем будут половинчатыми. Как показал обзор внутрирегиональных проблем безопасности, от ОДКБ и России требуется выработка действенных механизмов по урегулированию межгосударственных

пограничных конфликтов (киргызско-таджикский конфликт 30 апреля 2021 г.) и недопущения эскалации напряженности в рядах государств – членов ОДКБ в будущем.

ОДКБ как единственной структуре, созданной для отражения угроз безопасности государствам постсоветского пространства, следует активизировать деятельность по защите южных рубежей СНГ на фоне нарастания нестабильности в Афганистане. При этом стоит обратить особое внимание на ситуацию в сопредельных с ИРА (де-факто Исламским Эмиратом Афганистан) государствах – Таджикистане и Узбекистане, нуждающихся в дальнейшей дипломатической и военной поддержке России.

Список литературы

1. Алиева К. Кишлаки в заложниках : как образовались и как живут анклавы в Центральной Азии // Настоящее время. – URL: <https://www.currenttime.tv/a/kishlaki-v-zalozhnikah-vse-chto-vy-hotelii-znat-ob-anklavah-v-tsentralnoy-azii/31171106.html> (дата обращения: 30.12.2021).
2. Басарбек Б. Зеличенко : Кыргызско-таджикская граница – это место сосредоточения всех зол // Вечерний Бишкек. – URL: https://www.vb.kg/doc/400392_zelichenko_kyrgyzsko_tadzhiskskaia_granica_eto_mesto_sosredotocheniia_vseh_zol.html (дата обращения: 30.12.2021).
3. Борисенко Л. Опийные тропы на северном маршруте // Российская газета. – 2021. – № 223(8574). – URL: <https://rg.ru/2021/09/29/v-kirgizii-budut-borotsia-s-narkotrafikom-novymi-tehnologiami.html> (дата обращения: 30.12.2021).
4. Водный конфликт в Центральной Азии. Узбекистан выдвинул войска и бронетехнику к границе с Кыргызией // Стан Радар. – URL: <https://stanradar.com/news/full/20166-vodnyj-konflikt-v-tsentralnoj-%20azii-uzbekistan-vydvinul-vojska-i-bronetechniku-k-granitse-s-kirgiziej.html> (дата обращения: 18.05.2015).
5. Дадабаева З.А., Кузьмина Е.М. Процессы регионализации в Центральной Азии : проблемы и противоречия. – Москва : Институт экономики. РАН, 2014. – 55 с.
6. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2020 год // Международный комитет по контролю над наркотиками. – URL: https://unis.unvienna.org/pdf/2021/INCB/INCB_Report_R.pdf (дата обращения: 30.12.2021).
7. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2019 год // Международный комитет по контролю над наркотиками. – URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2019/Annual_Report/Russian_ebook_AR2019.pdf (дата обращения: 30.12.2021).
8. Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о совместных действиях по

- борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности // Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17088> (дата обращения: 30.12.2021).
9. Имомов А. Территориальные и земельно-водные конфликты в Центральной Азии : взгляд из Таджикистана // Центральная Азия и Кавказ. – 2013. – Т. 16, вып. 2. – С. 124–138.
 10. Кадыров М. Кыргызстан на пути международного наркографика // Свобода. – URL: <https://rus.azattyk.org/a/31264502.html> (дата обращения: 30.12.2021).
 11. Кемпир-Абад и граница. О чем Ташиев рассказал жителям Узгенского района? // Today.kg. – URL: https://today.kg/news/460853/?utm_source=tag&hl=ru (дата обращения: 30.12.2021).
 12. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики (Утверждена приказом Президента Кыргызской Республики от 9 июня 2012 года № 120) / Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61367> (дата обращения: 30.12.2021).
 13. Кудаяров К.А. Особенности внутриполитического развития Кыргызии в постсоветский период // Вестник РГГУ. Серия Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. – 2021. – № 2. – С. 82–90.
 14. Кудаяров К.А. Религиозное влияние Турции и Пакистана в Кыргызии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2021. – № 1. – С. 47–63.
 15. Кудаяров К.А. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2020. – № 4. – С. 35–38. – Реф. ст.: Göransson M. Tajikistan and the Ambiguous Impact of the Soviet-Afghan War. Année de mobilisations politiques en Asie centrale // Cahiers d'Asie centrale. – Bishkek : L'institute français d'études sur L'Asie centrale, 2016. – N 26. – P. 29–49.
 16. Кудаяров К.А. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2019. – № 4. – С. 66–77. – Реф. ст.: Cariou A. L'eau et l'aménagement du territoire en Asie centrale. Une ressource fondamentale pour un développement à repenser. L'eau en Asie centrale // Cahiers d'Asie centrale. – Bichkek : L'institute français d'études sur L'Asie centrale, 2015. – N 25. – P. 19–58. – URL: <https://journals.openedition.org/asiecentrale/3080> (дата обращения: 28.12.2021).
 17. Кыргызстан и Таджикистан подписали очередной протокол по границе // Свобода. – URL: <https://rus.azattyk.org/a/31425346.html> (дата обращения: 30.12.2021).
 18. Ларюеэль М. Водный вопрос в Центральной Азии – излишняя секьюритизация? // Региональная аналитическая сеть Центральной Азии – КААН (при поддержке Университета им. Дж. Вашингтона). – URL: <https://www.caanetwork.org/archives/6905> (дата обращения: 02.05.2015).
 19. Осмоналиев К.М. Трафик афганских опиатов через территорию Кыргызстана. – Бишкек : Национальный институт стратегических исследований Кыргызской

Внутрирегиональные проблемы безопасности Центральной Азии : на примере Кыргызстана

- Республики, 2014. – 92 с. – URL: https://ecuo.org/mvdev/wp-content/uploads/sites/4/2016/09/narcotraf_report_14.pdf (дата обращения: 30.12.2021).
20. Пограничная служба Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики // Пограничная служба Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. – URL: <http://gps.gov.kg> (дата обращения: 30.12.2021).
21. Программа УНП ООН для стран Центральной Азии на 2022–2025 / Управление ООН по наркотикам и преступности. – URL: https://www.unodc.org/documents/centralasia//2021/publications/Signed_UNODC_Programme_EN_01.12.21.pdf (дата обращения: 29.12.2021).
22. Рудов Г. Ферганская долина : причины кризисных явлений и пути ихнейтрализации // Обозреватель = Observer. – 2014. – № 11. – С. 16–28.
23. Сайфулин Р. Центрально-азиатские перспективы : Афганистан, 2014 – повод или причина для беспокойств? // Вызовы безопасности в Центральной Азии : сб. ст. – Москва : ИМЭМО. РАН, 2013. – С. 82–83.
24. Сарабеков Ж. Узбекистан на современном этапе : монография. – Астана ; Алматы : Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера нации, 2014. – 70 с.
25. Совет коллективной безопасности ОДКБ принял Декларацию и Заявление о формировании справедливого и устойчивого мироустройства // Организация Договора о коллективной безопасности. – URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/sovet-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-prinjal-deklaratsiyu-i-zayavlenie-o-formirovaniis-spravedlivogo/#loaded (дата обращения: 28.12.2021).
26. Талибы выразили надежду на помочь России в борьбе с наркотрафиком // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20210924/narkotrafik-1751554936.html> (дата обращения: 30.12.2021).
27. Тюльпанов Д. «Одной клубникой сыт не будешь» : откажется ли «Талибан» от производства наркотиков. Почему эксперты не верят, что «Талибан» победит наркотрафик // Газета. ру. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/08/22_a_13902584.shtml (дата обращения: 30.12.2021).
28. Узбекистан и Кыргызстан договорились описать спорные участки границы // Газета.uz. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/03/26/border/>
29. Укрепление пограничного контроля и трансграничного сотрудничества. Программа УНП ООН для государств Центральной Азии / Управление ООН по наркотикам и преступности. – 2020. – URL: https://www.unodc.org/documents/centralasia//2021/publications/Tajikistan/BLO_brochure_2021_RU_web.pdf (дата обращения: 28.12.2021).
30. Умаров Т. Конфликт без посредников. Кто выиграл от войны на границе Киргизии и Таджикистана // Московский центр Карнеги. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/84454> (дата обращения: 21.12.2021).
31. УНП ООН: производство опиума в Афганистане увеличилось на 8 процентов / Организация Объединенных Наций. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1413952> (дата обращения: 30.12.2021).

32. Утверждена Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики / Президент Кыргызской Республики. – URL: [http://www.president.kg/ru/sobytiya/21561_utverghdena_konsepciya_nacionalnoy_bezopasnosti_kirgizskoy_respublikи](http://www.president.kg/ru/sobytiya/ukazy/21561_utverghdena_konsepciya_nacionalnoy_bezopasnosti_kirgizskoy_respublikи) (дата обращения: 30.12.2021).
33. Утверждена Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы // Сайт президента Кыргызской Республики. – URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/12774_utverghdena_nacionalnaya_strategiya_razvitiya_kirgizskoy_respublikи_na_2018_2040_godi (дата обращения: 30.12.2021).
34. Якунин И. Почему вспыхнул конфликт на границе Таджикистана и Киргизии : через Баткен пролегает северный маршрут наркотрафика // Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27273/4407167/> (дата обращения: 30.12.2021).
35. 26 июня – Международный день борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: <http://www.stat.kg/ru/news/26-iyunya-mezhdunarodnyj-den-borby-s-narkomaniej-i-nezakonnym-oborotom-narkotikov/> (дата обращения: 30.12.2021).

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

И.В. МИХЕЛЬ*. ШИВШАНКАР МЕНОН ОБ ИНДИИ И ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ АЗИАТСКОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ. РЕЦ. НА КН. : MENON S. INDIA AND ASIAN GEOPOLITICS: THE PAST, PRESENT. – Washington, DC : Brookings Institution Press, 2021. – 406 p.

Аннотация. В монографии видного индийского эксперта по геополитике Шившанкара Менона рассматривается история Индии в изменяющейся Азии и то, как Индия после обретения независимости в 1947 г. адаптировалась к этим изменениям. В поле зрения автора все основные эпизоды индийской внешней политики вплоть до китайско-индийского пограничного конфликта конца 2020 г. и других событий, происходящих в условиях перехода от однополярного миропорядка к многополярному миру, где главные geopolитические игроки на Азиатском континенте еще не до конца определились.

Ключевые слова: Индия; азиатская geopolitika; Китай; США.

MIKHEL I.V. Shivshankar Menon on India and Changing Asian Geopolitics. Book review. Menon S. India and Asian Geopolitics: The Past, Present. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2021. 406 p.

* Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstarct. Shivshankar Menon, a distinguished Indian geopolitical expert, discusses India's history in a changing Asia and how India has adapted to these changes since independence in 1947. The author focuses on all the major episodes of Indian foreign policy up to the Sino-Indian border conflict in late 2020 and other events taking place in the transition from a unipolar world order to a multipolar world, where the main geopolitical players on the Asian continent have not yet been fully defined.

Keywords: India; Asian geopolitics; China; the USA.

Для цитирования: Михель И.В. Шившанкар Менон об Индии и изменяющейся азиатской геополитике [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африкастика. – 2022. – № 2. – С. 81–93. – Рец. на кн.: MENON S. India and Asian Geopolitics: The Past, Present. – Washington, DC : Brookings Institution Press, 2021. – 406 р. DOI: 10.31249/rva/2022.02.05

Шившанкар Менон (род 1949 г.) – потомственный индийский дипломат и государственный деятель, чей прадед был одним из основателей партии Индийский национальный конгресс (ИНК), а дед – дипломатом и сотрудником в правительстве Джавахарлала Неру; был послом Индии в Шри Ланке, Израиле, Пакистане, Китае; занимал пост советника по Национальной безопасности в правительстве Манмохана Сингха; один из главных организаторов сделки в области ядерной энергетики между Индией и США, осуществленной в 2005 г.; убежденный сторонник ИНК и идеологический противник премьер-министра Индии Нарендры Моди и его партии Бхаратия джаната; сотрудник Института китайских исследований в Нью-Дели; специалист по вопросам азиатской геополитики; автор ряда книг по геополитике. Свое геополитическое кредо Менон высказывал неоднократно. В предисловии к одной из последних книг с его участием он пишет: «В результате реформ, проводимых в Индии с 1991 года, и использования возможностей, которые глобализированная экономика предлагала Индии до мирового финансового кризиса 2008 года, сегодня Индия более интегрирована в мировую экономику, чем это было на протяжении десятилетий, если не столетий. Для того чтобы Индия продолжала

преобразования, ей понадобятся энергия, технологии, сырьевые товары и капитал со всего мира, а также доступ к мировым рынкам»¹.

Новая книга Менона – об истории Индии в изменяющейся Азии, о том, как Индия адаптировалась к этим изменениям после обретения независимости в 1947 г. Она возникла из материалов курса по индийской внешней политике, который Менон читает в последние годы в университете Ашока. Ее структура – две части, 13 глав – отражает представления автора о том, как менялась политика Республики Индия, начиная с 1947 г. Менон выделяет три основных периода в истории индийской внешней политики: первый – от обретения независимости и до окончания холодной войны между СССР и США; второй – от распада Советского Союза и до мирового экономического кризиса 2008 г., ставшего предвестником конца однополярного миропорядка; третий – с 2008 г. и до настоящего времени, который характеризуется возрастающей конфронтацией между США и Китаем и изменением азиатской геополитики. Первый и второй периоды уже стали частью прошлого Индии, третий – ее настоящее.

Первая глава книги – о том, как наследие прежних веков скказалось на современной Индии. Это преамбула к долгому разговору, без которого не понять индийское настоящее. Автор напоминает, что у Индии своя неповторимая география, история, культура, демографические особенности. Она всегда была частью Азии и довольно давно стала частью паназиатской геополитики. Часто Индия оказывалась в одиночестве перед лицом различных государственных союзов, но ей обычно удавалось проводить в жизнь собственные интересы. Ее уникальное географическое положение предоставляло возможность выстраивать равнозначные отношения со всеми другими азиатскими регионами – западом, севером, востоком и юго-востоком. Приблизительно до 1800 г. положение дел в Индии мало чем отличалось от того, что имело место в любой другой части мира, даже на Западе, но затем – вследствие промышленной революции в Великобритании – мир стремительно стал европоцентричным, а Индия стала частью глобального британского мира. В «большой игре», которая развернулась в Азии в

¹ Menon S. Preface // India's Marathon: Reshaping the Post-Pandemic World Order / ed. by P. Kotasthane, A. Kanisetti, N. Pai. – Bangalore : Takshashila Institution Press, 2020. – P. 8.

XIX в., Индия стала частью британского Римленда, призванного противостоять евразийскому Хартленду, контролируемому Россией. «Британский радж в Индии видел в России – сначала в имперской, затем революционной – угрозу для северо-западной Индии и потому неоднократно вмешивался в дела Афганистана, чтобы предотвратить воплощение этого страха в жизнь» (с. 21). Из Индии в XIX в. британцы контролировали огромные пространства от северной Нигерии до Фиджи, привлекая для этого и собственно индийских солдат. Апробированная в Индии модель колониального управления широко использовалась британцами в разных частях их колониальной империи. Но после Первой мировой войны Индия постепенно начала ускользать из их рук, а после чувствительных поражений от японцев в Бирме и Сингапуре в 1942 г. она фактически была потеряна. Еще до того, как была обретена независимость, Индия в лице Дж. Неру видела себя в рядах демократических стран. Но среди представителей ее элиты были и те, кто был увлечен «азиатской» и национализмом, – они распространялись по всей Азии под влиянием Японии с начала XX в., и, если вспомнить недавние заявления Си Цзиньпина об Азии для азиатов, остаются сильными и сегодня. Наследие британского колониализма, а также сделанная правителями независимой Индии ставка на стратегическую автономию – неприсоединение, многовекторность – стали тем основанием, на котором начала выстраиваться политика Индии с 1947 г.

Короткий исторический период обретения независимости, о котором идет речь во второй главе книги, был насыщен тектоническими событиями. Рождение новой индийской нации летом 1947 г. происходило на фоне распространяющегося по всей Азии хаоса, связанного с уходом оттуда западных колонизаторов. В этих условиях азиатский geopolитический ландшафт стремительно менялся. Индия, которая при британцах обладала большим влиянием на всем континенте, теперь его стремительно утрачивала. С созданием Пакистана ослабли ее связи с исламским миром в западной Азии, а после образования Израиля, возникшего в конфронтации с мусульманскими странами, эти контакты еще более осложнились. Образование КНР и вторжение китайской армии в Тибет в 1950 г. привели к уменьшению влияния Индии по ту сторону Гималаев. Появление независимой Индонезии ослабило индийские позиции в

Юго-Восточной Азии. При этом многие азиатские правительства, во главе которых стали националистические партии, с подозрением относились к Индии в связи с тем, что ее имидж в годы войны был подпорчен сотрудничеством некоторых борцов за независимость с японцами. Для того чтобы найти себя в новом послевоенном мире, Индии было важно выстроить новые отношения со всеми соседями. Это было крайне непросто. После ухода британцев в стране не хватало кадров, в том числе дипломатов. Свой выход из этой складывающейся драматично ситуации Индии нашла в том, что заявила о своей приверженности миру. При Неру индийские части были выведены из Аннама (северный Вьетнам. – И. М.) и Японии. Кроме того, Индия заявила о нежелании поддерживать блоковую политику и устами своего первого премьер-министра призвала все страны строить новый единый мир, которому более могущественные державы только что начали навязывать холодную войну и блоковое мышление. Не был ли такой внешнеполитический курс утопией? Разумеется, да. Но, согласно Менону, заняв именно такую позицию, Индия сумела определить свою судьбу на последующие годы. Внутри самой Индии этот курс также был воспринят не сразу Каждая из партий – от коммунистов до националистов – видела внешнюю политику по-своему. Однако доверие, которым пользовался Неру, и его понимание внешней политики в предстоящие годы привели к признанию именно такого подхода. Для Неру курс на расширение зоны мира во внешней политике и борьба с бедностью на внутриполитическом направлении были двумя частями единой политики новой индийской нации. Мечта о сильной процветающей Индии, как бы она не была далека от тогдашней реальности, стала тем драйвером, благодаря которому в самой Индии начались разительные перемены.

Холодная война в Азии, обсуждаемая в третьей главе, была для Индии временем, когда она отчасти смогла проявить себя в роли лидера политики мира на континенте. В годы Корейской войны Индия предоставила свои войска в составе контингента ООН, который присутствовал на корейском полуострове с миротворческой миссией. Во время американо-китайского противостояния из-за Формозы (Тайваня. – И. М.) она выступила посредником в урегулировании конфликта. Суэцкий кризис 1956 г. также стал временем, когда Неру от лица Индии заявил о важности мир-

ного урегулирования в регионе. Но все же возможности для дальнейшего осуществления такой политики были ограничены. После разоблачения культа личности Сталина в 1956 г. начался постепенный раскол в отношениях между СССР и КНР, и за этим последовало несколько лет усиливающейся турбулентности в азиатской geopolитике. Апофеозом ее стал китайско-индийский пограничный конфликт 1962 г. Он разразился на фоне Карибского кризиса, ставшего вершиной советско-американского противостояния в годы холодной войны. СССР был вынужден заручиться поддержкой Китая, подтвердив свои союзнические обязательства. Воспользовавшись этим шансом, Китай сумел нанести Индии военное поражение. США в своей азиатской стратегии сделали ставку на Пакистан, тогда как Пакистан увидел в КНР естественного союзника против Индии и пошел на сближение с Китаем. Поражение в войне с Китаем заставило Индию задуматься о том, каким путем идти дальше. Политика мира и неприсоединения, которую проводила Индия, принесла ей большие издержки. Ввиду невозможности заключить союз с США Индия в начале 1960-х годов стала все более присматриваться к СССР как возможному партнеру на азиатской geopolитической сцене. Все эти события привели к тому, что Индия оказалась вовлечена в политику великих держав и стала открытой для их давления в последующие годы.

Период шестидесятых годов XX в., о котором идет речь в четвертой главе, был непростым как для Индии, так и для остального мира. США сотрясали внутренние протесты из-за войны во Вьетнаме; ширилось движение за гражданские права чернокожих. В СССР после отставки Хрущева к власти пришла команда Брежнева, и страна начала сползать в застой. В Европе и Японии на всю внутреннюю ситуацию наложили отпечаток волнения 1968 г. Китай лихорадило из-за Культурной революции. Главными внешнеполитическими испытаниями для Индии стали вторая война с Пакистаном (1965) и успешное испытание Китаем своего ядерного оружия (1964). Возглавившая индийское правительство Индира Ганди вынуждена была «ходить на двух ногах», «балансируя между формирующейся осью Китай–Пакистан, своей зависимостью от Советского Союза и попытками улучшить отношения с Соединенными Штатами» (с. 109). Несмотря на все трудности, Индии удалось урегулировать вопросы о границах со всеми своими соседями –

Бирмой, Шри Ланкой, Мальдивами, Индонезией, Таиландом, – а также запустить собственную программу по созданию атомного оружия, которая привела к успешному испытанию бомбы «Улыбающийся Будда» в 1974 г. Все эти годы коридор возможностей для Индии на международной арене оставался довольно узким, в том числе и по причине сговора между СССР и США по вопросу ограничения китайско-пакистанских связей. Но Индии удалось сыграть на этом противоречии и обернуть всю ситуацию к своей выгоде. Быть слабой или даже казаться слабой перед своими геополитическими конкурентами – Пакистаном и Китаем – Индия в лице Ганди более не хотела.

Как субъект азиатской геополитики Индия вступила в пору зрелости в 1970-е годы. В пятой главе своей книги Менон утверждает, что ключевым событием этого десятилетия стало быстрое сближение Китая и США, символом его стал визит президента Р. Никсона в КНР в феврале 1972 г. «Китайско-американское сближение изменило характер холодной войны и повлияло на более широкую геополитику Азии, коренным образом трансформировав условия для индийской внешней политики» (с. 137). Поскольку поворот США в сторону Китая был частью американской стратегии в холодной войне против СССР, то Индии пришлось отреагировать на этот вызов. В декабре 1971 г. Индия объявила Пакистану войну, сумев быстро разгромить его вооруженные силы на востоке. Геополитическим итогом этого конфликта стало образование Бангладеш – страны, более дружественной Индии, чем Восточный Пакистан. А всего лишь за полгода до этих событий Индии удалось погасить еще один очаг напряженности на своих южных границах: ею были посланы войска на Шри Ланку для поддержки законного правительства и уничтожения повстанческих сил, скрыто поддерживаемых из КНР и Северной Кореи. Несомненный успех на Шри Ланке и в Бангладеш стал символом зрелости индийской внешней политики. Но 1970-е годы не стали для Индии временем полного успеха. Китайско-американское сотрудничество в Азии всюду ставило пределы для индийского роста, и Индия была по-прежнему лишена возможности воспользоваться западными технологиями в интересах своей экономики. Начавшийся в Юго-Восточной Азии в то десятилетие экономический бум прошел мимо Индии.

В главе шестой речь идет о политике Индии в 1980-е годы, ставшие для нее «трудными временами». Менон утверждает, что три главных события, случившихся в 1979 г., повлияли на геополитическую стратегию Индии в 1980-е. Во-первых, Исламская революция в Иране, приведшая к власти антиамериканское теократическое правительство, открыла для Индии небольшое окно в мусульманский мир, до этого плотно закрытое из-за позиции Пакистана. Во-вторых, военная агрессия Китая против Вьетнама, закончившаяся провалом, но приведшая к бурной экономической экспансии Китая в остальных странах Юго-Восточной Азии. В-третьих, советское военное вмешательство в Афганистан, привлекшее за собой пролиферацию террористических группировок в этом регионе, спонсируемых противниками Советского Союза – США, Китаем и Пакистаном. Невозможность для Индии выстраивать отношения на западе, севере и востоке вынудили ее сфокусировать все свои силы на организации продуктивных отношений со странами Южной Азии. Однако Индия более не желала оставаться в изоляции, в статусе слабой страны и быть привязанной во внешней политике только к СССР. В последние годы правления Индиры Ганди и при ее сыне Радживе было много сделано для того, чтобы укрепить не только национальную безопасность, но и заложить основы для экономического роста и научно-технического рывка. Уже в 1980-е годы Индия стала превращаться «в современную реалистичную страну» (с. 184) с ядерной энергетикой, компьютерами и биотехнологиями.

Убийство премьер-министра Раджива Ганди и распад СССР, случившиеся в 1991 г., привели к тому, что Индия внезапно оказалась в новой геополитической реальности. Анализируя эти события в шестой главе, Менон уподобляет их прорыву плотины. Мир очень быстро стал однополярным, и Индии в новых условиях пришлось налаживать отношения со всеми ключевыми субъектами международной политики, в первую очередь с США. При этом все более хорошие отношения с Ираном, несмотря на попытки США и их союзников оставить его в изоляции, открыли индийской экономике доступ к ближневосточной нефти. Растущее могущество Китая, ставшее явным в начале XXI в., сделало естественным сближение с Японией. Неуклюжая политика США в Афганистане и на Ближнем Востоке, приведшая к все большему распространению

террористических структур и событиям 11 сентября 2001 г. в США, поставила перед Индией задачу научиться более эффективно предотвращать террористические угрозы на собственной территории. На внутреннем контуре в этот период также начались тектонические изменения: Индия либерализовала свою экономику.

Два десятилетия глобализации – 1990-е и 2000-е годы, о которых идет речь в восьмой главе, для Индии стали временем экономического роста, но при этом все большей зависимости от остального мира. В сравнении с Китаем, который также выиграл от глобализации, в Индии экономический рост начался не с чистого листа: на рынке господствовали местные фирмы, а транснациональным корпорациям не удалось получить полную свободу рук. При этом промышленная база в Индии также оказалась менее развитой, а социальное неравенство – более значительным. Но даже и в этих условиях Индии вслед за Китаем удалось за короткое время пройти длинный путь, вытащив из бедности миллионы граждан. Тем не менее почти двадцатилетний рост прервался мировым финансовым кризисом 2008 г. Как и Китай, Индия была вынуждена бросить силы на защиту своей финансовой системы. Трагическим спутником финансового кризиса для Индии стало террористическое нападение на Мумбай в 2008 г., показавшее, что стране необходимы более эффективные инструменты обеспечения национальной безопасности.

Девятая глава книги представляет собой анализ настоящего положения дел в азиатской геополитике и формулировку ее перспектив. Менон констатирует, что по итогам глобализации мир стал другим: мировые экономические центры переместились с Европаатлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион; фактически в экономическом плане на вызов глобализации смогли ответить лишь три державы – США, Китай и Индия. В его рассуждениях есть и примечательные нюансы. Так, например: «Сейчас мир стоит перед перспективой того, что через несколько десятилетий две из трех крупнейших экономик будут иметь бедное население, с неудовлетворенными чаяниями и ревизионистской политикой. Это не та ситуация, к которой мир привык» (с. 240–241). Или: «Глобализация изменила баланс сил непредвиденными и неравномерными способами. Она сделала мировую экономику многополярной с подъемом Китая и других экономик Азии, но оставила ее однопо-

лярной в военном отношении, поскольку Соединенные Штаты по-прежнему превосходят все другие державы и возможные комбинации держав по военной мощи, технологии и способности проецировать силу в глобальном масштабе» (с. 248). Кроме того: «В Южно-Китайском море Китай демонстрирует, что он может нарушать правила, установленные другими, а именно морское право, и что Соединенные Штаты и международное сообщество предпочитают ничего с этим не делать» (с. 252). В той же главе Менон дает свой прогноз развития азиатской геополитики на предстоящий период, и это могут быть три варианта: однополярный азиатский миропорядок, во главе которого будут либо Китай, либо США; многополярный концерт держав или архитектура безопасности какого-либо типа; регион, где все державы в меру своих размеров и возможностей будут бороться за лидерство и влияние, как это было в Европе в XIX в. Автор не верит, что Азия сможет вернуться к состоянию до 2008 г. Не верит он и в то, что Китай сможет стать единоличным лидером в Азии. По мысли индийского эксперта, скорее всего, вся Азия станет более фрагментированной, и в каждом из ее регионов – Восточной Азии, Юго-Восточной, Южной, Центральной и др. – будут действовать свои силы.

В одиннадцатой главе предпринимается попытка воссоздать картину азиатского мира в целом, как он видится из Индии. Это и анализ, и прогноз одновременно. В 1992 г. премьер-министр П.В. Нарасимха Рао объявил о стратегическом развороте страны на Восток, что стало трендом индийской внешней политики на последующие десятилетия. Действительно, все это время Восток – Северо-Восточная Азия (Китай, Япония, Южная Корея, Тайвань) и Юго-Восточная Азия (Малайзия, Таиланд, Вьетнам и др.) – развивался неимоверными темпами, тогда как Запад – Ближний Восток, исламский мир – все больше превращался в зону политической нестабильности. Но Менон полагает, что наблюдаемая фрагментация Азии не означает того, что процессы интеграции в Азии ослабели. С одной стороны, Азия (и Евразия) становится все более целостной благодаря реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь», с другой – экспорт исламского (и не только исламского) радикализма связывает его не менее прочными – хотя и взрывоопасными – узами, что и китайский проект. Еще одним средством интеграции Азии становятся военные технологии,

способные превратить ее всю в единый театр военных действий. В этих условиях, согласно Менону, Индия не может обособляться, замыкаясь в пределах субконтинента Южной Азии.

Предмет особого внимания автора – подъем Китая (этому вопросу отведена одиннадцатая глава). На протяжении многих веков Китаю приходилось защищаться от набегов кочевников с севера. Теперь все изменилось: угроза для безопасности Китая исходит только со стороны моря. Долгий экономический рост Китая придал уверенности его лидерам, и уже с 2008 г. китайский военный флот регулярно появляется в Индийском океане. Потенциальной китайской экспансии в Азии противостоят в основном две силы – Индия и американские войска в Южной Корее, но, по словам Менона, Китай не будет повторять американских ошибок и навязывать другим странам любовь к себе силой оружия. Китайское доминирование в Азии носит и будет носить экономический характер. Тем не менее по объективным причинам Китай уже не может поддерживать прежние темпы экономического роста, и внутренние обстоятельства заставляют его быть более активным во внешнеполитической сфере. После 19 съезда КПК в 2017 г. Китай отказался от прежней доктрины, сформулированной Дэн Сяопином о проявлении сдержанности во внешней политики (с. 291), и заявил о своих геополитических амбициях в качестве великой державы. Этот новый стратегический курс КНР является отражением того факта, что для нового китайского лидера, сосредоточившего в своих руках огромную власть и взявшего на себя огромную персональную ответственность, успехи во внешней политики становятся фактором выживания.

Неизбежная и крайне интересная часть книги (двенадцатая глава) – о взаимоотношениях Индии и Китая. Обе цивилизации всегда были самодостаточны, но при этом интересовались достижениями друг друга. Как современные нации Индия и Китай появились на свет одновременно, в контексте холодной войны между США и Советским Союзом. По отношению к своим азиатским соседям, прежде всего Юго-Восточной Азии, они выдвинули собственные стратегии: Индия – свободу и деколонизацию, Китай – революцию и коммунизм. За прошедшие 70 лет обе страны многое связывало между собой, но случались и серьезные разногласия – пограничный конфликт 1962 г., выявивший слабость индийской

позиции, и еще один, случившийся в 2020 г. В прежние времена, несмотря на обиды, руководству обеих стран удавалось действовать прагматично и находить компромисс. Удастся ли повторить это вновь? В настоящее время преимущество Китая над Индией велико, но решит ли Китай воспользоваться им и испортить свои отношения с Индией еще сильнее? Согласно Менону, ответы на эти вопросы даст будущее. Сам же автор предпочитает напомнить о символической встрече Раджива Ганди и Дэн Сяопина в декабре 1988 г., когда тогдашний китайский лидер сказал, что двадцать первый век не будет веком Азии, если Индия и Китай не будут развиваться вместе.

В итоговой главе книги Менон обсуждает задачи, стоящие перед Индией в обозримом будущем. Формально их три: интеллектуальная – понять современный мир и место Индии в нем; практическая – разработать такую политику (здесь у автора очевидная критика в адрес современного правительства Н. Моди), которая позволит продолжить преобразования; еще более широкая задача – разработать действенную большую стратегию для Индии. Согласно Менону, современный мир и Азия в том числе пребывают в состоянии перехода от монополярного миропорядка к новому, пока неизвестному. На пути в будущее у Индии нет необходимости бороться за показной статус и драматизировать сложившуюся ситуацию. Сейчас для Индии самое время копить силы и обустраиваться. Для этого, по замечанию Менона, надо вернуться к опыту Китая 1980-х и 1990-х годов или к опыту США рубежа XIX и XX вв., или даже к опыту Англии времен Тюдоров и Стюартов. Индия не имеет смертельных угроз извне, ее главные проблемы сосредоточены внутри – урбанизация, проблемы с водой, отсутствие достойного уровня жизни у огромной части населения. Индии не следует брать на себя бремя державы, отвечающей за весь остальной мир. Главная цель для этой великой страны – «сделать жизнь каждого индийца безопасной, процветающей и достойной, дать возможность реализовать свой потенциал» (с. 372).

В финальном разделе книги Менон еще раз формулирует для Индии свой путь в будущее: вернуться к национальным корням, отказаться от призрачного симулякра лидерства, от страха и ненависти, вернуться к светскости и прогрессу, т.е. к пути, который был указан М. Ганди и Дж. Неру. Добравшись до конца этой кни-

ги, читатель едва ли ожидал бы другого вывода. Впрочем, насколько это рецепт противоречит стратегии и подходу нынешнего правительства Индии? Представляется, что это весьма дискуссионный вопрос. Некоторые эксперты по Индии, очевидно, смогут найти примеры в пользу того, что интеллектуалы, связанные как с ИНК, так и с Бхаратия джаната, смотрят на будущее Индии одинаково. Но сам автор явно склоняется к тому, чтобы подчеркнуть различия в существующих в самой Индии подходах.

Время, проведенное за чтением этой книги, бесспорно, будет полезно не только узким экспертам, но и более широкой аудитории. Читатели смогут найти в ней массу полезных фактов, в трактовке которых сам автор часто опирался на собственный опыт. Российского читателя, скорее всего, огорчит редкое упоминание о нашей стране, превращающейся в активный субъект глобальной политики. Остается добавить, что точка зрения, предложенная Меноном, формировалась у него не за один день, а в течение по меньшей мере полувека, и взгляд автора был обращен главным образом к его собственной стране.

Ю.В. ЧАЙНИКОВ*. ЗЕМЛЯ КАК ЦЕНТР ЖИЗНЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ : ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ИНДОНЕЗИИ. (Обзор).

Аннотация. Доступ к земле – одно из основных условий выживания человека. Земля – ресурсная база его существования. Для крестьянина это участок, где он занимается земледелием и животноводством. Для охотников-собирателей это участки леса, где они собирают «дары леса». Для корпораций – это земли под плантациями и горными разработками. Иногда, а со временем это происходит все чаще, их интересы на отдельных участках сталкиваются. И тогда посредником выступает государство, приводя ситуацию во временное равновесие; при этом каждая из сторон формально поступается какой-то из своих привилегий. Автохтонное население – явно более слабая сторона в этом противостоянии – платит за свое выживание потерей традиционного образа жизни, крахом своего мира, который для них не мастерская, не склад, а храм.

Ключевые слова: Индонезия; Калимантан; пунан мурунг; луангтан.

Yu.V. CHAINIKOV. Land as the Center of Vital Issues: Environmental and Social Changes in Indonesia. (Review).

Abstract. Access to the land is one of the basic conditions for human survival. Land is the resource base of human existence. For peasants, it is a plot where they are engaged in farming and animal husbandry. For hunter-gatherers – waste areas of the forest where they collect «gifts of the nature». For large companies – lands under plantations and mining enterprises. Sometimes, and over time it happens more and more often, their interests collide in separate areas.

* Чайников Юрий Викторович – ведущий научный редактор отдела Азии и Африки ИНИОН РАН.

And then the state acts as an intermediary, bringing the situation into temporary equilibrium; at the same time, each of the parties formally renounces some of its privileges. The autochthonous population – clearly the weaker side in this confrontation – pays for their survival with the loss of their traditional way of life and the collapse of their world, which for them is not just a workshop or warehouse, but a temple.

Key words: Indonesia; Kalimantan; Punan Murung; Luangan.

Для цитирования: Чайников Ю.В. Земля как центр жизненных интересов : экологические и социальные изменения в Индонезии. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 2. – С. 94–106. DOI: 10.31249/RVA/2022.02.06

Ведущий британский антропологический журнал *Journal of the Royal Anthropological Society* в декабрьском номере 2020 года удачно поместил почти рядом статьи двух исследовательниц Индонезии – Кристины Гроссманн из Боннского университета и Изабеллы Херрманс из университета Хельсинки, которые вели свои работы на острове Калимантан. Первая в период с 2014 по 2019 г. шесть раз выезжала на север провинции Центральный Калимантан, проведя там в общей сложности двенадцать месяцев. Она жила в семьях охотников-собирателей племени *пунан мурунг* (одно из даякских племен,aborигенов острова Калимантан) в верховьях реки Барито и в городе Пурукчаху – столице округа Мурунг-Райя.

Вторая большую часть своей полевой работы, занявшую более двух десятилетий (с 1993 по 2017 г.), сконцентрировала в Сембулане, небольшой деревне на востоке Калимантана. Объектом ее исследований стали переложные земледельцы луангган – даяки, живущие в горных районах юго-восточной части острова, в пограничной зоне между провинциями Восточный Калимантан и Центральный Калимантан.

Контроль над землей – этой естественной базой выживания человека – вечный предмет споров и борьбы между разными социальными группами, которая может привести как к внутригрупповой консолидации, так и к расслоению внутри группы, способному привести к ее полному исчезновению в первоначальном виде. Особенно слабые позиции в противостоянии у охотников-собира-

телей, для которых лес – не только источник средств существования, но и основа мировосприятия. Для них это «другая» местность, ее не отразить на географической карте; вернее, ее карта в других измерениях и значимые ориентиры на ней – доступные человеческому восприятию проявления духов, демонов, отметки о памятных событиях, практические советы и т.д. В общем, это не только мастерская или склад, но и храм, вместилище смыслов; теряя его, они теряют себя.

Члены племени *пунан мууринг*, изучавшегося К. Гроссман, живут в трех деревнях вдоль верховьев реки Барито, расположенных в отдаленных и густо покрытых лесом районах на северо-востоке Мууринг-Райя, самого северного района Центрального Калимантана. До этих деревень можно добраться только на лодке по реке Мууринг, а путешествие из Пурукчаху – административного центра округа Мууринг-Райя (провинция Центральный Калимантан) – занимает в зависимости от погоды от трех до десяти дней. Сегодня общее число жителей, проживающих в этих поселениях, превышает 1500 человек, более чем удвоившись с 1980-х годов. Термин «*пунан / пенан*» относится к лесным даякам, живущим преимущественно во внутренней части Калимантана, занимающимся охотой и собирательством. Термин «*мууринг*» говорит о локализации группы в верховьях реки Мууринг.

Они в небольших масштабах занимаются сельским хозяйством, охотой и рыболовством, а также иногда работают по найму в соответствии с потребностями и возможностями. Кроме того, собирают и обменивают недревесные лесные продукты, такие, как драгоценные камни, части животных, используемые в народной медицине, птичий гнезда; намывают золото; а также собирают то, что востребовано рынком, например, алойное дерево (*агару*).

Поскольку мировая рыночная цена на *агару* чрезвычайно высока, поиск этого ценного дерева и торговля им особенно привлекательны для молодых мужчин. Для них это желанная возможность заработать деньги для создания семьи, покупки символов статуса, таких, как бытовые гаджеты или транспортные средства, и для поддержки членов семьи. Сбор и торговля деревом *агару* – символ мужественности и престижа в местных племенах, так как требует исключительных знаний леса, проявления лучших личных качеств – силы и храбрости; если человеку везет в поиске, значит,

ему благоволят духи. Об этих людях можно сказать, что они настоящие и их богатство честное, а не полученное неизвестно как и где.

Свой доход и статус можно повысить и другими способами, но из-за низкого уровня формального образования большая часть *пунан мурунгов* отстранена не только от крупномасштабных работ в этой местности, таких, как добыча полезных ископаемых и лесозаготовки, но и от участия в администрации округа и района или в организациях по защите окружающей среды и прав коренных народов. Эта вынужденная изоляция и дискриминация враждебно настраивают *пунан мурунгов* против администрации района, государственных чиновников, компаний и организаций, да и вообще против всех чужаков-горожан. В этом противостоянии происходит укрепление уверенности близких к природе, коренных полукочевых этносов в правильности своего образа жизни, происходит укрепление их самосознания как этнической общности.

То, что *пунан мурунги* живут в лесу и занимаются лесным промыслом, не означает, что в нынешней исторической обстановке они защищают или берегут его. Если раньше они собирали «дары леса» в рамках традиционных потребностей, то теперь работают на рынок, удовлетворяя растущий спрос на *агару*, съедобные птичьи гнезда и многое другое, развеивая представление о себе как о «благородных дикарях», защищающих среду своего обитания. Истощение лесных ресурсов налицо: если еще десятилетие назад *агару* можно было найти в окружающем деревню лесу, то сейчас приходится несколько дней путешествовать вверх по течению и собирать его в труднодоступных лесных районах. Однако для большинства *пунан мурунгов* это не проблема, так как они переключаются на золото или драгоценные камни. Для них лес – это обильный и постоянный ресурс; они просто должны быть гибкими, не терять знаний о лесе и навыков общения с ним, а также приобретать знания об окружающем их «нелесном» мире, о том, что пользуется там спросом.

Лес – источник не только даров, но и источник смыслов, он имеет культурное и мифологическое значение как место, где обитают духи, являющиеся человеку в самых причудливых формах, – здесь все зависит от богатства духовной практики воспринимающего. Все вокруг – предмет «договоренности» человека как с ду-

хами (способности «прочесть» вылавливаемые из окружающей среды символы, намеки), так и с соплеменниками (своеобразная первобытная демократия, при которой все согласовывается в общине). В частности, доступ к определенным районам для ведения подсечно-огневого земледелия оговаривается в сообществе и зависит от социального статуса и экономических потребностей человека или семьи, а также текущего использования этой конкретной территории.

Но есть в процессе согласования границ деятельности еще один агент – местные власти, которые мыслят в иной парадигме, чем местные анимисты. Власти обязаны действовать в соответствии с общенациональным законодательством. В случае с людьми, не признающими частную собственность на землю, порядок был установлен применением *адата*, взятого правительством Индонезии за основу земельных законов. *Адат* признает правомерность притязаний отдельных лиц, семей или общин на использование определенных участков земли в течение коротких периодов времени.

Таким образом, земля не рассматривалась как индивидуальная собственность и не удостоверялась сертификатами, а границы могли быть гибко очерчены, как это практикуется *пунан мурунгами*. Она перераспределяется между членами общины и управляетъся коллективно под наблюдением глав семей, деревенской элиты. Люди получают доступ к земле, не имея на нее закрепленного на бумаге права. Однако со временем, по мере освоения компаниями национальных богатств, это стало приводить к конфликтам.

Когда-то власть местной администрации не распространялась на леса, но в период правления Сухарто лес и землю стали вовлекать в планы экономического развития страны: к 1998 г. до 90% земель Калимантана получили статус «государственного леса» и переданы под контроль центрального правительства [1, с. 742]. Если раньше местные официальные власти могли просто «войти в положение» *пунан мурунгов* и признать право последних на значительные, хотя и приблизительно очерченные территории как на естественную жизненную базу, то с 2000-х годов в Индонезии появилось новое понимание территориальности в связи с растущей нехваткой земель, возможностью местных органов власти и общин повысить свои полномочия и контроль над землей, а

также в связи с ростом денежной стоимости земли и природных ресурсов. Небезосновательно предполагая, что «их» земли могут представлять интерес для горнодобывающих компаний, но не зная точно, где конкретно и какой конкретно, *пунан мурунги* всячески затягивают с формальным определением границ «своего» района в надежде получить максимальную компенсацию за будущую потерю земель не от местных властей, а уже от компании.

Район, где живут *пунан мурунги*, пересекается с участками «мегадобывающего проекта» Adaro Met Coal. До сих пор добыча природных ресурсов, особенно угля, является одним из основных источников иностранных доходов Индонезии. Проект, который позволит добывать 20 миллионов тонн угля в ближайшие годы, занимает площадь 350 тыс. га. Таким образом, доступ к земле и право на землю в будущем будет становиться предметом все более острых споров. Особенно активно освоение лесов и недр Калимантана пошло с началом эпохи «реформаси» после ухода с политической сцены Сухарто (1998 г.). В обстановке политической активизации рыночных сил надо было успеть застолбить свое. Вполне экономически ориентированные организации зачастую выступали под флагом борьбы с корпорациями за справедливость, за права обделенных, за этническую самобытность малых народов и т.д.

При Сухарто (1966–1998) были предоставлены обширные концессии на лесозаготовки, добычу полезных ископаемых и сельское хозяйство. Обширные площади тропических лесов и огромные залежи угля и золота в Центральном Калимантане, материальные характеристики земель и природных ресурсов в этой провинции привели к массовой эксплуатации ресурсов государством и иностранными компаниями. Это обездолило людей, ограничив доступ коренных народов к дарам природы.

Ситуация ничуть не улучшилась с началом новой эпохи – эпохи *реформаси*, – когда в Индонезии, как и во всем развивающемся мире, происходило разрушение старых схем и в каком-то смысле «демократизация» экономики. В эпоху *реформаси*, усиленной децентрализацией, давшей общинам и местным органам власти больше полномочий и прав, коренное население Индонезии стало инструментом в оспаривании корпоративных претензий. Этническая принадлежность стала центральным активом для повышения переговорной силы в борьбе за землю и природные ресурсы.

В 2014 г. крестьянская организация Форум для координации фермеров Центрального Калимантана (Форум Кординаси Релом-пок Тани, FKKT) разработала схему управления лесами коренных народов и назвала ее «Даяк Мисик» («Проснись, даяк»), обещая, что коренные даяки (а *пунан мурунги* считаются субэтнической группой даяков) получат закрепленные на бумаге официальные права на землю и леса. Таким образом, эта схема могла бы обеспечить их доступ к лесной зоне и контроль над ней от отчуждения земель горнодобывающей компанией в будущем.

Предполагалось, что каждый даяк должен стать фермером, получив сертификат на владение пятью гектарами земли на семью, которые не могут быть проданы в течение двадцати пяти лет. Кроме того, согласно схеме, можно получить еще 10 гектаров леса для охоты, собирательства или духовных практик. Фермерская организация обязывает даяков, чтобы земля в рамках этой схемы обрабатывалась или была отдана под какое-либо дело. «Начать свой собственный бизнес или создать компанию, которая затем должна обеспечить средства к существованию». И тут же пояснение, подсказка, как распорядиться земельным паем: «Одним из примеров может быть сотрудничество с инвесторами в целях создания плантаций пальмового масла или каучука». По мнению представителей организации, эти решения должны не только «помочь даякам», но и улучшить экономическое и социальное развитие провинции.

Однако *пунан мурунги* очень неохотно идут на участие в этой схеме: для них земледелие (в качестве основного источника существования) не вариант, да и с посадкой и выращиванием масличных пальм они незнакомы. Их традиционный образ жизни – охота, собирательство, переложное земледелие – никак не связан с закрепленным за ними надолго фиксированным ограниченным участком земли.

Разделение труда среди участников процесса хромает: государство ради повышения экономического потенциала страны привлекает инвестиции в развитие экспортных отраслей (лесозаготовка, добыча полезных ископаемых), пытаясь при этом по возможности сохранить ресурсную базу коренных народов путем закрепления за ними официального права владения территорией; все схемы землевладения максимально подогнаны под даяков (региональные особенности права), но построены на базе естественного для самой

большой в мире мусульманской страны аdata – обычного права. В сложной ситуации экономического роста появляется масса организаций, объявляющих себя борцами за дело народа. Часто эти группы имеют отношение к правительенным структурам. Так было и с движением «Даяк Мисик».

В 2014 г. Сиун Яриас и небольшая группа достойных интеллигентных людей (шесть человек), живущих в Паланка Райя, основали даякску фермерскую организацию. Все основатели организации были государственными чиновниками, а Сиун Яриас – доверенным лицом губернатора и занимал пост генерального секретаря правительства провинции до 2016 г. Таким образом, члены группы могли использовать государственные ресурсы, касающиеся инфраструктуры, знаний и сетей, для разработки схемы и распространения информации о «Даяк Мисик». На выборах 2016 г. Сиун Яриас баллотировался на пост губернатора и использовал эту схему в качестве доказательства своей активной поддержки представителей коренных народов. Он организовал рекламный тур для «Даяк Мисик» по всему Центральному Калимантану за месяц до выборов и связал эту схему со своей кандидатурой. Его двойная функция и тесная связь с государственным аппаратом провинции усилили критическую и отрицательную позицию среди *пунан мурунгов*, и один из них утверждал: «А мы и так не спали [реплика на призыв «проснись, даяк!»] в течение многих лет и не зависим от него». Но большинство *пунан мурунгов* чувствуют, что они столкнулись с колossalной жизненной дилеммой. Если они хотят юридически обеспечить доступ к земле в будущем, им придется адаптироваться к существующим схемам сертификации, таким, как «Даяк Мисик». При этом они оформят право собственности на землю и установят границы. Это не отражало бы их местную экологию и, следовательно, могло бы спровоцировать конфликты внутри сообщества.

В настоящее время *пунан мурунги* выступают против схемы «Даяк Мисик» и тем самым отвергают переход к формализованному и индивидуализированному восприятию земли. Однако в будущем, скорее всего, доступ к земле и контроль над ней будут все чаще оспариваться в ходе расширения горнодобывающей деятельности, и *пунан мурунгам*, возможно, придется подчиниться и оформить права собственности на землю.

Луангган, которых изучала И. Херманс, тоже даяки, живущие примерно в тех же местах – в горных районах юго-восточной части Калимантана, в пограничной зоне между провинциями Восточный и Центральный Калимантан, в небольших земледельческих поселениях, разбросанных по обширной территории в верховьях рек, в отдалении от административных центров. Несмотря на то что их численность превышает 100 тыс. человек, они политически неактивны и малоизвестны. Будучи разделенными на множество подгрупп, они также слабо интегрированы внутренне и мало мобилизованы этнически.

До недавнего времени до большей части мест обитания луангган можно было добраться только пешком или по лесовозным дорогам, так как местные реки мелководны и несудоходны большую часть года. Удаленность и сохранение архаичных традиций снискали жителям репутацию «неразвитых» и «изолированных» и сделали их объектом различных государственных схем развития, включая организацию компактных поселений и переселение. А с началом эры *реформаси* и допущением большего плюрализма мнений они стали объектом усилий протестантских миссионеров, которые в ситуации кризиса традиционного мировоззрения стали предлагать альтернативный «анимистическому» взгляд, который к тому же был вполне практичным в индонезийских условиях: гражданин обязан был «приписан» к одной из мировых конфессий.

Сегодня около половины луангган стали христианами. В перспективе это открывает путь к получению высшего образования – сильный шаг по сравнению с традиционным бытом. Большинство из них до недавнего времени существовали за счет выращивания риса и других продовольственных культур, дополняемых охотой, рыбной ловлей и сбором лесных продуктов, а также выращиванием ротанга для продажи. В прошлом они жили рассеянно в лесу, меняя места жительства, располагаясь как в многосемейных, так и в односемейных фермерских домах, возведенных на заболоченных полях, где они выращивали рис.

Когда компании по производству пальмового масла появились в этом районе в 2009 г. с проектом плантаций масличных пальм, многие люди сначала держались и не хотели продавать землю компаний, но в конце концов большинство луангган поняли, что у них нет выбора и землю придется продать. Если бы они это-

го не сделали, то заработало бы другое право – право того, кто зафиксировал расчистку лесного участка первым. Понятно, что в плане документации компания имела преимущества перед переложными земледельцами, которые придерживались устной традиции и не могли гарантировать эффективный контроль над теми своими земельными владениями, которые находились «под парамом».

Сильнейшим ударом по старому укладу стало строительство компаниями дорог, которые в настоящее время связывают большинство лесных луанганских деревень друг с другом, а также с центрами внутри страны и прибрежными поселениями. Ряд поселков вскоре почти опустел, так как люди начали строить новые дома вдоль дорог отчасти для того, чтобы защитить оставшийся лес от захвата посторонними или от местных жителей, стремящихся продать его, но и, как они сказали, просто для того, чтобы быть там, где что-то происходит.

Дороги не только облегчили передвижение жителей, но и открыли местность для посторонних, в том числе путешествующих торговцев, миссионеров, бандитов и разного рода заготовителей лесных ресурсов. В то время как раньше люди проходили большие расстояния до своих полей или соседних деревень по извилистым лесным тропинкам, часто заросшим колючими ротанговыми лозами, пересекали реки и ручьи, останавливались, чтобы собрать немного фруктов по пути или идти по следам дикого кабана или оленя, сегодня они редко уходят далеко в лес. Вместо этого они в основном путешествуют на мотоциклах по грунтовым дорогам, часто обсаженных с обеих сторон бесконечными рядами молодых масличных пальм.

С началом выращивания масличных пальм изменились не только контуры и большая часть феноменологии природного ландшафта, но и социальная экономика луангана. По мнению местных жителей, всего за несколько лет обмен и солидарность между родственниками и соседями резко сократились. Например, до недавнего времени дично широко делились в сообществах и минимально с соседями и близкими родственниками, но сегодня практически все мясо, добытое на охоте, продается даже близким членам семьи. Хотя луанган имеют долгую историю продажи лесных товаров (особенно ротанга и смол), сельские жители считают,

что выращивание масличных пальм вызвало то, что можно описать как переход от состояния «рынок как возможность улучшить свою привычную жизнь» к состоянию «рыночного принуждения», заставив людей перейти от работы на себя исходя из «подножных ресурсов», на работу на себя исходя из посолов рыночной экономики.

Открытое для понимания окружающего мира анимистическое мировоззрение *луангган*, как правило, всегдаправлялось с объяснением явлений природы и процессов в обществе, но перестало справляться с осмыслением новых явлений, не может «определить, классифицировать или поместить их в осмысленный порядок». Непонятно, как реагировать на новые возможности хотя бы заработка, открывающиеся в связи с тем, что несет «прогресс» (*кемаджуан*, главное ключевое слово в национальном индонезийском дискурсе) – новые дороги и плантации масличных пальм. Но дороги помогают не только сбыть свой товар – по ним в жизнь *луангган* лезут чужаки; урожаи масличных пальм, с которых *луангган* получают 20% долю в соответствии с участием проданной ими земли, иногда терпят неудачу, а иногда их вообще невозможно собрать из-за неувязок с транспортом; да и устроиться работать на плантации трудно, там предпочитают рабочих-мигрантов «местным жителям», потому что мигрантами легче управлять.

Жизнь даяков-луангган и раньше была несладкой, но когда реальность стала соблазнять их возможностью облегчить существование, а потом отбирать уже розданные плоды искушения, ввергая порой в отчаяние, понятным стало особо трепетное их обращение к священным рощам (*симпунг*), которые были спасены от подсечного земледелия и сегодняшних плантаций масличных пальм. Эти небольшие участки исконного тропического леса, обычно площадью от одного до нескольких гектаров, являются убежищем для духов и животных, заповедником для эндемических растений – предмета собирательства для еды или используемых в ритуальных целях. Продавая землю компаниям, производящим масличные пальмы, *луангган* обычно делают исключение для этих лесных массивов, рощ точно так же, как они ранее воздерживались от расчистки их под посевы.

И все же это не вся правда. В то время как анимистические ритуалы остались на удивление живыми и неизменными во многих

деревнях луангган, в последние годы также наблюдается всплеск обращения в христианство. Отчасти это является результатом увеличения мобильности, поскольку деревни стали соединяться дорогами, что привело в этот район больше миссионеров, часто с довольно фундаменталистскими наклонностями. В сочетании с увеличением доходов от продажи земли новая инфраструктура все чаще позволяет родителям отправлять своих детей в среднюю школу в столице округа, вынуждая последних, по крайней мере名义上, переходить в официально признанную религию, в основном христианство. Некоторым даякам-луангган кажется, что «христианство предоставило им концептуальные и ритуальные средства для того, чтобы отделяться от своей земли, и это сыграло решающую роль в том, чтобы довести их до точки, в которой они могут представить себя способными обменять свою территорию на обещание другой жизни» [2, с. 781]. Наряду с христианством они приобретают делокализованное, т.е. непривязанное к местности мировоззрение, способствующее переходу к более отстраненному и инструментальному отношению к ландшафту и его «лесной экологии». Впрочем, для этих новоиспеченных христиан в некоторой степени – а для какой-то части населения и полностью – актуальными остались ритуалы предков, способные не только реконструировать прошлое (будь то ландшафт, традиция или отношения с духами), но и благодаря их способности включать в свою структуру неопределенность и неожиданное, которыми столь богата действительность, формировать будущее. Луангган тяжело переживают этот переходный период, сетя на бездуховность соплеменников (и здесь они правы, ибо духовности в ее истинном, анимистическом понимании становится меньше), и цепляются за остатки исчезающей человечности. Эклектически используя формы прошлого и настоящего, ритуалы луангган формируют виртуальное пространство непрерывного становления.

На примере двух даякских племен можно видеть, как железный поток прогресса вторгается в места традиционного обитания охотников-собирателей и переложных земледельцев и сметает их, увлекая за собой соблазнами облегчить привычную жизнь и ничего в ней по существу не менять или послуями более определенных, предсказуемых контактов с окружающим миром в случае отказа от «нерационального» отношения к действительности, в случае пере-

хода в одну из мировых конфессий и к рациональному в бухгалтерском понимании земледелию, в разряд крестьян. Наверное, так крестьянами-христианами стали и многочисленные язычники вдоль пути *из варяг в греки*, когда громадные массы товара потребовали единого кодекса хозяйственного поведения, освященного единой идеологией. Видно, мать-история не транжира и для своих любимых детей – даяков или славян – написала один закон.

Список литературы

1. Grossmann K. «We Have Been Awake for Years» : Conflicting Ecologies in an Indigenous Land Management Scheme in Indonesia // Journal of the Royal Anthropological Institute. – London, 2020. – Vol. 26, N 4. – P. 733–750.
2. Herrmans I. Spirits out of Place : Relational Landscapes and Environmental Change in East Kalimantan, Indonesia // Journal of the Royal Anthropological Institute. – London, 2020. – Vol. 26, N 4. – P. 766–785.

П.М. МОЗИАС*. КИТАЙСКИЙ РЫНОК НЕДВИЖИМОСТИ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ. (Обзор).

Аннотация. Развитие коммерческого сектора недвижимости – это необходимая составляющая рыночных реформ в переходной экономике. Однако сфера недвижимости склонна к циклическим колебаниям, волатильности цен, их спекулятивному росту. Среди специалистов нет единого мнения о том, сформировался ли за 2000–2010-е годы на китайском рынке недвижимости ценовой «пузырь». Но большинство из них сходится во мнении, что бум на рынке недвижимости привел к определенному угнетению предпринимательской активности и инноваций в обрабатывающей промышленности, избыточному перетоку трудовых ресурсов из промышленных отраслей в строительство.

Ключевые слова: Китай; рынок недвижимости; цены; «права пользования землей»; инвестиции.

P.M. MOZIAS. China's Real Estate Market: Its Dynamics and Macroeconomic Role. (Review).

Abstract. Commercialization of a real estate sector is an essential part of pro-market reforms in economies in transition. However, real estate market is prone to cyclical fluctuations with large-scale speculation and price volatility. Experts differ in their judgments whether a bubble unfolded or not at China's real estate market in 2000s – 2010s. But the most of them agree that enormous boom of the market to some extent suppressed an entrepreneurship and innovation in other

* Мозиас Петр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ и кафедры теории регионоведения МГЛУ.

sectors of the economy, and paved the way for an excessive outflow of labour from manufacturing to construction.

Keywords: China; real estate market; prices; land-use rights; investment.

Для цитирования: Мозиас П.М. Китайский рынок недвижимости : динамика развития и макроэкономическая роль. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 2. – С. 107–146.
DOI: 10.31249/RVA/2022.02.07

Одна из главных трудностей перехода от командной экономики к рыночной заключается в том, что формирующиеся новые институты не только порождают заведомо противоречивые тенденции (в экономике вообще обычно не бывает ничего однозначного), но они и просто очень непривычны для сложившегося масового сознания. Как следствие, даже очевидные позитивные результаты реформ могут не ощущаться обществом адекватно, а отторгаться им или по крайней мере восприниматься с недоверием.

Это касается и такого важного и нужного института, как рынок недвижимости. По сути он заново создается в ходе реформ. Польза от его существования, казалось бы, очевидна. Благодаря материальным стимулам к наращиванию объемов строительства предложение жилой и прочей недвижимости постоянно увеличивается. Миллионы людей могут улучшить свои жилищные условия и имеют при этом возможность выбора. Растущий строительный сектор вносит непосредственный вклад в увеличение национального ВВП, обеспечивает большое количество рабочих мест и налоговых поступлений в бюджеты разных уровней. Зарабатывать деньги на операциях с недвижимостью могут не только хозяева риелторских компаний, но и работники, которых они нанимают.

Однако многим людям, привыкшим к бесплатной раздаче жилья государством, такой порядок вещей кажется ненормальным и несправедливым. Извлечение прибыли частными лицами из операций с недвижимостью кажется носителям подобного сознания неправедным обогащением. Криминализация части сделок рассматривается ими как подтверждение того, что существование этого рынка по определению предполагает обман и воровство. Цены на недвижимость временами быстро растут и делают ее для

многих недоступной, а временами резко падают, обрекая людей на финансовые потери, – все это тоже воспринимается как следствие козней неких закулисных манипуляторов.

Впрочем, сводить причины таких настроений только к экономической безграмотности и склонности к конспирологии тоже было бы упрощением. Рынок недвижимости действительно предрасположен к спекулятивным бумагам, к возникновению ценовых «мыльных пузырей» (правда, одно дело рассуждать о них с ужасом, а другое – правильно их диагностировать). Когда цены резко падают, то страдают от этого не только отдельные собственники недвижимости, но и экономика в целом, особенно ее финансовый сектор. Кроме того, даже если резких макроэкономических колебаний конъюнктура рынка недвижимости и не порождает, то спекулятивная «горячка» на нем все равно может угнетающим образом сказываться на других секторах хозяйства, вызывать межотраслевые диспропорции.

Так что развитие рынка недвижимости действительно за ключает в себе как возможности, так и вызовы. Их уже много лет активно обсуждают специалисты, исследующие положение дел на рынке недвижимости Китая.

Шэн Юэ и Лю Хунььюй (НИИ недвижимости университета Цинхуа, Пекин) [1] проанализировали динамику цен на китайском рынке недвижимости в первые два десятилетия рыночных реформ. За 1986–2002 гг. цены на жилье выросли в целом по КНР в реальном отношении (т.е. с поправкой на общие темпы инфляции) в 3,2 раза. За то же время национальный ВВП увеличился в четыре раза, а располагаемые доходы жителей городов и поселков – в 2,8 раза. Таким образом, в среднем по стране рост цен на недвижимость вроде бы был сбалансирован с изменением фундаментальных макроэкономических показателей [1, с. 78].

Шэн Юэ и Лю Хунььюй протестирували эти данные официальной статистики, проведя регрессионный анализ взаимовлияния между состоянием рынка недвижимости в 14 городах Китая (динамикой цен на жилую недвижимость, общим объемом жилищного фонда, площадью неиспользуемого коммерческого жилья, средними издержками строительства коммерческой жилой недвижимости) и фундаментальными макропоказателями этих городов (общей численностью населения города, изменениями индекса по-

потребительских цен и уровня безработицы в городе, подушевыми располагаемыми доходами городского населения). Авторы исходили из того, что численность населения, величины располагаемых доходов и безработицы непосредственно влияют на спрос на недвижимость, а объем неиспользуемых площадей и издержки строительства – на ее предложение [1, с. 79–81].

Во всех 14 городах в 1995–2002 гг. наблюдались одни и те же тенденции изменения цен на жилую недвижимость по U-образной траектории, т.е. сначала было несколько лет снижения цен, а затем их рост. Но исследование подтвердило, что между ценами на жилье и фундаментальными показателями поддерживалось определенное равновесие. Тем не менее к концу рассмотренного периода появились признаки изменения ситуации: рост цен ускорился, а связь его с макроэкономическими индикаторами ослабла. Шэн Юэ и Лю Хуньйоу объяснили это сделанными в 1998 г. новыми шагами жилищной реформы: тогда в КНР были упразднены еще остававшиеся механизмы бесплатного распределения квартир государством¹. Улучшить жилищные условия стало возможно только через покупку недвижимости, но одновременно стало быстро развиваться ипотечное кредитование [1, с. 85].

Юань Чжиган и Фань Сяоюань (экономический факультет Фуданьского университета, Шанхай) [2] были одними из первых, кто поставил вопрос о том, что быстрая коммерциализация китайского сектора недвижимости может привести к образованию на этом рынке ценового «пузыря» (bubble). Они определили «мыльный пузырь» как ситуацию, когда цены на некий актив или группу активов быстро растут, это формирует у людей ожидания дальнейшего их роста и желание совершать новые покупки таких активов. В конечном счете цены резко падают, и это чревато финансовым кризисом в стране [2, с. 34].

О. Бланшар и С. Фишер, авторы получившего всемирную известность учебника по макроэкономике², предложили классифи-

¹ Они были частично возрождены в 2010-е годы, когда стала практиковаться сдача государственного жилья в аренду семьям с низкими доходами. – Прим. реф.

² Юань Чжиган и Фань Сяоюань сослались на китайское издание этого учебника, вышедшее в Пекине в 1998 г. – Прим. реф.

кацию видов активов, в случаях с которыми формирование «пузырей» невозможно, это:

1) активы с неограниченной эластичностью предложения или активы, по которым могут быть легко найдены заменители (субституты);

2) активы, в отношении цен на которые в определенный момент времени с большой вероятностью будет действовать сдерживающий фактор;

3) активы с хорошо предсказуемой динамикой ценообразования (например, «голубые фишki» – наиболее ликвидные, популярные акции из тех, что обращаются на фондовом рынке).

Недвижимость не относится ни к одному из этих типов: эластичность ее предложения ограничена; не существует субститутов; нет и объективных сдерживающих факторов, и предсказуемости в ценообразовании. Поэтому вероятность возникновения «пузырей» на рынке недвижимости сравнительно высокая.

Эмпирические исследования показывают, что из 16 финансовых кризисов, произошедших в разных странах в 1980–2000 гг., 12 кризисов сопровождались прорывом «пузыря» на рынке недвижимости. Причем таким ситуациям была свойственна аномальная волатильность цен. Но примечательно, что нет прецедентов возникновения «пузырей» в условиях высокой инфляции, т.е. в периоды, когда быстро изменяется общий уровень цен [2, с. 35].

Образованию «пузыря» могут способствовать безответственная, экспансионистская фискальная и монетарная политика властей и соответствующий чрезмерный рост денежной массы. Что же касается китайской переходной экономики, то тут есть специфические факторы риска на уровне регионов. Местные правительства заинтересованы в «подстегивании» экономического роста и инвестиционного процесса на подведомственных территориях, им это нужно для создания дополнительных рабочих мест и расширения доходной базы местных бюджетов. К тому же выше-стоящие инстанции судят о деятельности местных руководителей прежде всего по числу реализуемых теми строительных проектов. Чем их больше, тем выше вероятность повышения чиновников по службе.

Для реализации этих интересов сфера недвижимости подходит как нельзя лучше, поэтому местные власти склонны поддер-

живать ее и прямыми финансовыми вливаниями, и косвенно – представлением налоговых льгот, выделением дефицитных земельных участков и т.п. Отсюда высокая вероятность «перегрева» рынка недвижимости и формирования на нем «пузырей» [2, с. 39–40].

Большинство исследователей начало действительно быстро-го роста цен на недвижимость относят к 2003 г., когда китайская экономика вышла из продолжавшейся несколько лет дефляции и ее ВВП снова стал увеличиваться очень высоким темпом. Но когда Юй Хуай (факультет государственного управления Народного университета Китая, Пекин) [3] подводил итоги развития китайского рынка жилой недвижимости в 2000-е годы, он был подчеркнуто осторожен в использовании термина «мыльный пузырь» для характеристики тогдашних процессов.

По мнению Юй Хуай, важно четко определиться с понятиями. В строгом смысле слова «пузырь» имеет место тогда, когда цены на активы превосходят их стоимость, определяемую фундаментальными показателями, по причине того, что владельцы этих активов считают возможным перепродать их по еще более высоким ценам [3, р. 57].

Однако в литературе о китайском рынке недвижимости в понятие «пузырь» часто вкладывают дополнительные смыслы. Например, просто указывают на быстрый рост цен на этом рынке, на избыточные инвестиции в недвижимость, на большое количество пустующих квартир, на разрыв между ценами на недвижимость и доходами населения. Исходя из этих показателей, строятся даже синтетические индексы, призванные предупредить публику о наличии «пузырей». Но без адекватных методик оценки фундаментальных показателей, влияющих на цены, такие индексы заведомо односторонние, для их расчетов не хватает объективных стандартов обработки информации. Кроме того, в таких эмпирических исследованиях обычно не учитываются наработки экономической теории, уже давно подразделившей «пузыри» на «рациональные» и «нерациональные».

Обычно считается, что «пузыри» на рынках активов рациональны, если отрыв цен от фундаментальных значений происходит при сохранении субъектами рынка рациональной мотивации поведения. Предполагается, что участие их в процессе арбитража (т.е.

игры на разнице цен в разных сегментах рынка) в конце концов вернет рынок к равновесному состоянию.

Правда, в публикациях 1990–2000-х годов стала все настойчивее проводиться мысль о том, что рациональность поведения большинства инвесторов заведомо ограничена, а у некоторых из них она отсутствует вовсе. Да и арбитражный механизм несовершен ввиду асимметрии информационного обмена и наличия транзакционных издержек, а потому он не может полностью устранить последствия иррационального поведения части «игроков»¹.

Те экономисты, которые объясняют возникновение «пузырей» иррациональными ожиданиями инвесторов, обычно утверждают, что в основе поведения «игроков» лежит «стадное чувство»: трейдеры покупают активы, когда они дорожают, и продают их, когда те дешевеют. Поднимаемый такими инвесторами «шум» (noise) вносит искажения в функционирование арбитражного механизма, способность того гасить ценовые девиации слабеет, что и приводит к формированию «пузырей». Причем поднятая нерациональными инвесторами «волна» захватывает и «игроков» с рациональной мотивацией: те тоже стремятся извлечь выгоду из происходящего на их глазах повышения цен, а от этого «пузыря» становится еще больше².

Но разница между рациональными и нерациональными «пузырями» все же существенна. В литературе показано, что рациональный «пузырь» может способствовать улучшению макроэкономической ситуации в стране, возвращению экономики к динамической эффективности, т.е. к состоянию, когда реальные процентные ставки выше, чем темпы экономического роста (при обратном соотношении имеет место избыточное накопление капитала)³. Такие «пузыри» могут выступать и как механизмы перераспределения капитала от регионов с неэффективной экономикой

¹ Shleifer A., Vishny R. The Limits of Arbitrage // Journal of Finance. – 1997. – Vol. 52, N 1. – P. 35–55.

² Noise Trader Risk in Financial Markets / DeLong B., Shleifer A., Summers L., Waldmann R. // Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98, N 4. – P. 703–738.

³ Tirole J. Asset Bubbles and Overlapping Generations // Econometrica. – 1985. – Vol. 53, N 6. – P. 1499–1528.

в пользу более динамично развивающихся регионов, что способствует оптимизации использования ресурсов¹. Напротив, нерациональные «пузыри» чреваты серьезным ущербом для экономики. Так что нужно не только установить, есть ли на китайском рынке недвижимости «пузыри» и насколько они велики, но и выяснить, какие они – рациональные или нерациональные.

Однако имеющиеся для этого инструменты измерения весьма несовершенны. Статистические методики выявления рациональных «пузырей» способны отследить их на стадии перехода от роста к «схлопыванию», но оценить размеры «пузырей» они не могут. Тем более что когда рациональные «пузыри» лопаются, то цены обычно все равно не возвращаются к фундаментальным показателям, те или иные отклонения все равно сохраняются. А статистических методов диагностики нерациональных «пузырей» пока не придумано. Эконометрические же методы измерения «пузырей» обычно предполагают построение регрессий, выявляющих корреляцию между ценами на недвижимость и фундаментальными показателями. Сначала оценивается общая величина «пузыря», а затем в нем выявляются рациональная и нерациональная составляющие [3, р. 58–60].

Разработанная Юй Хуай собственная модель измерения «пузырей» на рынке жилой недвижимости исходит из того, что цены на жилье определяются ожиданиями по поводу дисконтированных значений располагаемых доходов домохозяйств. В расчетах по модели использованы данные о ценах на недвижимость и располагаемых доходах в 35 крупных городах Китая за период с первого квартала 1999 г. по второй квартал 2010 г. [3, р. 60–62].

Исследование показало, что «мыльные пузыри» действительно существовали в 2000-е годы только в некоторых городах, в основном это были мегаполисы в наиболее развитых восточных регионах страны: Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Нинбо, Чанша и Шэньчжэнь. Причем отчасти высокий уровень цен на квартиры там можно объяснить притоком мигрантов, в том числе иностранцев, приезжавших работать в Китай на долгие сроки.

¹ Ventura J. Bubbles and Capital Flows // Journal of Economic Theory. – 2012. – Vol. 147, N 2. – P. 738–758.

Но в большинстве городов тенденции динамики цен были однотипными, и они определялись прежде всего изменениями экономической политики властей. До того как в 1998 г. была упразднена бесплатная раздача государственного жилья, покупки коммерческой недвижимости совершили преимущественно представители высокодоходных групп, связанных с частным сектором. А когда улучшить жилищные условия стало возможно только путем покупки квартиры, то в первое время (до 2003 г.) цены на коммерческое жилье все еще устанавливались, исходя из стереотипов, сложившихся в рамках прежней системы. К тому же земельные участки под строительство были тогда относительно доступны. Соответственно, у людей были достаточно спокойные ожидания по поводу будущих цен на недвижимость.

Однако с 2003 г. центральное правительство стало энергично поддерживать коммерческих застройщиков. А земельные участки стали выделяться только посредством торгов или аукционов. Рынок охватила спекулятивная «горячка», ожидания изменились в сторону быстрого роста цен, что и способствовало надуванию «пузырей».

Правда, в 2008 – начале 2009 гг. цены несколько снизились сначала под влиянием ограничительной политики властей, а затем и из-за мирового финансового кризиса. Но антикризисная политика китайского правительства включала в себя и меры по стимулированию покупок жилья. Как следствие, «пузыри» снова стали надуваться, в том числе и в городах, где их раньше не было (например, в Ланьчжоу) [3, р. 64–67].

Следующий шаг исследования – это разграничение рациональной и нерациональной составляющих в китайских «пузырях». Вообще говоря, силы арбитража могут устранить избыточную, спекулятивную прибыль из цен на активы только при совершенстве информационного обмена. Но это трудновыполнимое условие применительно к рынку недвижимости, так как его части отделены друг от друга географически: уже просто большие расстояния между городами порождают асимметрию информации и высокие транзакционные издержки.

Ну а если арбитражный механизм работает со сбоями и раскачивание спекулятивных ценовых «наростов» затягивается – значит возможно существование нерациональных «пузырей». А имен-

но: если цены устойчиво растут, то инвесторы наращивают вложения в подорожавшую недвижимость, ожидая дальнейшего роста цен. И из-за территориальной сегментации рынка и отсутствия на нем «умных денег» (у институциональных инвесторов) такая ситуация может существовать долго: на рынке растут «пузыри», и арбитраж не устраниет их автоматически.

«Пузырь» можно считать рациональным, если отклонение цен на жилье от фундаментальных показателей связано с отклонением текущего уровня располагаемых доходов домохозяйств от долгосрочного тренда. Но исследование Юй Хуай показало, что в большинстве китайских городов существенной позитивной корреляции между ростом цен на недвижимость и динамикой доходов населения в 2000-е годы не наблюдалось. Иными словами, рациональная компонента в «пузырях» была очень небольшой, их образование определялось по преимуществу спекулятивной, иррациональной составляющей.

Спекулятивная активность на китайском рынке недвижимости приобрела большой размах вследствие специфической мотивации инвесторов, сложившейся из-за постоянного вмешательства государства в функционирование этого рынка. Предугадать, как конкретно будут действовать власти, инвесторам трудно, ожидания их нестабильны, а потому и нерациональны. Иными словами, участники рынка формируют свои ожидания не столько на рациональной основе, т.е. исходя из фундаментальных показателей, сколько ориентируясь на поведение центрального и местных правительств.

Причем такой механизм формирования ожиданий может порождать не только «пузыри», но и прямо противоположные девиации: в ряде городов в глубинных, континентальных провинциях Китая цены на недвижимость в 2000-е годы были в течение длительного времени заниженными по сравнению с их значениями, определяемыми фундаментальными показателями [3, р. 67–71].

Помимо всего прочего это свидетельствует, что китайскому рынку недвижимости не хватает стабилизирующей силы в лице институциональных инвесторов и высококлассных брокеров. Китайские брокеры обычно просто дают клиентам советы, исходя из текущей динамики цен, а это только увеличивает амплитуду ценовых колебаний на рынке. К тому же действие арбитражного меха-

низма затруднено из-за высоких издержек на мониторинг рынка, на подготовку контрактов и их инфурсмент, а также из-за высоких налогов. Это тоже причины, по которым арбитраж не может достаточно быстро устранить спекулятивную составляющую из цен на жилье, т.е. минимизировать нерациональную компоненту «пузырей», резюмировал Юй Хуаи [3, р. 72].

Не спешат констатировать наличие «пузыря» и Э. Глэйзер, Хуан Вэй, Ма Юэжань и А. Шлейфер (экономический факультет Гарвардского университета, США) [4], которые проанализировали динамику китайского рынка недвижимости в первые полтора десятилетия XXI в. По их мнению, характерные черты китайского рынка имеет смысл выделять, сопоставляя его с американским аналогом. Хотя по идеи китайскую экономику более естественно сравнивать с экономикой другой крупной развивающейся страны (например, Бразилии), но американский рынок недвижимости хорошо изучен, в том числе с использованием эконометрических методов. Оттолкнувшись от этой исходной точки, проще выявить, в чем именно состоит специфика соответствующего рынка в КНР [4, р. 95].

В 1990–2000-е годы американский рынок жилой недвижимости прошел полный цикл – от застоя к подъему и затем к спаду. Цены на жилые дома росли среднегодовым темпом в 5% в 1996–2006 гг., но они падали в среднем на 6,4% в год в течение 2007–2012 гг. Если в 2005 и 2006 гг. ежегодно строилось более 1,9 млн новых домов, то в 2009–2013 гг. соответствующий показатель составлял в среднем только 688 тыс. домов в год. Прорыв ценового «пузыря» на американском рынке недвижимости стал непосредственной причиной мирового финансового кризиса 2007–2009 гг.

Но то, что происходило на американском рынке в 2000-е годы, выглядит скучным и размеренным на фоне бума на китайском рынке недвижимости в тот же период. В крупнейших городах КНР цены на недвижимость росли в среднем на 13,1% в реальном исчислении в 2003–2013 гг. А цены на земельные участки в 35 крупных и средних городах увеличились за 2004–2015 гг. почти в пять раз.

Ценовому буму соответствовал строительный бум столь же эпических масштабов. В 2003–2014 гг. количество вновь сданных в эксплуатацию квартир составляло в среднем 5,5 млн в год. В 2013 г. на строительство приходилось 6,9% китайского ВВП, в

этом секторе в 2014 г. были заняты 29 млн человек (16% всех работавших в народном хозяйстве). Для сравнения, в США и Испании на пиках их недавних бумов на рынках жилой недвижимости в строительстве были заняты, соответственно, 8 и 13% всех работавших в народном хозяйстве [4, р. 94–95].

В публикуемых в КНР аналитических материалах китайские города обычно подразделяются на несколько групп («уровней») по показателям их экономического развития. К числу городов «первого уровня» относят всего четыре мегаполиса: Пекин, Шанхай, Гуанчжоу и Шэнъчжэнь. В этих городах спрос на жилье самый сильный, и здесь ввиду перенаселенности наиболее вероятно введение ограничений на новое строительство.

Группа городов «второго уровня» включает в себя большую часть провинциальных центров и некоторые, наиболее развитые уездные центры. Это обычно крупные города с диверсифицированной промышленной базой. Города «третьего уровня» – это уездные административные центры с высокими или средними по общенациональным меркам показателями подушевых доходов. Что касается численности населения, то в Китае эти города считаются небольшими, а по западным стандартам они вполне себе крупные. «Четвертый уровень» образуют города менее развитые и менее населенные, чем в предыдущих группах. Но людей там обычно живет гораздо больше, чем в среднестатистических городах в западных странах. Цены на недвижимость в городах «второго уровня» примерно в два раза ниже, а в городах «третьего уровня» – в четыре раза ниже, чем в городах «первого уровня», и такая разница в целом соответствует различиям в подушевых доходах между этими группами городов [4, р. 95].

Ради содержательного сопоставления Э. Глэйзер и его соавторы выделили и четыре группы американских городов, положив в основу классификации уровень подушевых доходов в городах в 1990 г., т.е. еще до начала многолетнего бума на рынке недвижимости. Авторы проследили также, чтобы на каждую группу американских городов приходились такие же доли совокупного населения, как и на их китайские аналоги.

Сравнение показало, что в Китае в 2003–2013 гг. цены на жилую недвижимость росли быстрее, чем в США в 1996–2006 гг., причем даже в американских городах «первого уровня» динамика

цен была слабее, чем в китайских городах «третьего уровня». В результате цены на недвижимость в главных китайских мегаполисах приблизились к ценам в американских городах «первого уровня», и это происходило на фоне сохранявшейся и в середине 2010-х годов многократной разницы в подушевых доходах между американскими и китайскими городами.

При этом и в Китае, и в США объемы жилищного строительства быстрее всего росли в городах двух нижних «уровней». Очевидно, что в обеих странах власти в регионах с относительно слаборазвитой экономикой всячески поощряют новое строительство, тогда как местные правительства в наиболее богатых городах, наоборот, сдерживают застройку [4, р. 96–98].

Между китайским и американским бумами на рынках недвижимости есть не только количественные, но и качественные различия. Отличительная черта китайского рынка – это гораздо более высокая, чем в США, доля пустующих жилых помещений, включая как те, что построены, но не проданы девелоперами, так и реализованные, но фактически не используемые квартиры.

В 2007 г. непосредственным импульсом к снижению цен на недвижимость в США послужило то, что девелоперы сразу выставили на рынок слишком много домов и квартир в Лас-Вегасе. Они хотели побыстрее избавиться от накопленных запасов пустующей недвижимости, а вместо этого столкнули рынок по всей стране в состояние кризиса.

Но в Китае объектов недвижимости, не проданных девелоперами и купленных, но не используемых домохозяйствами, гораздо больше, чем было в США на пике бума 2000-х годов. Тогда в Америке таких объектов было 573 тыс. Доля пустовавших среди всех проданных собственникам домов составляла в 2008 г. 3%. На общем фоне 130 млн домов, принадлежавших американским домохозяйствам, эти цифры не выглядели большими.

В Китае же общая площадь нераспроданной жилой недвижимости увеличилась с 4 млрд кв. футов в 2011 г. до более 10 млрд кв. футов в 2015 г.¹ Причем такие нереализованные запасы в менее развитых регионах росли гораздо быстрее, чем в регионах преуспевших. В городах «первого уровня» они увеличились с

¹ 1 кв. фут = 0,0929 кв. м. – *Прим. реф.*

310 млн кв. футов в 2011 г. до 390 млн кв. футов в 2014 г., а в городах «третьего уровня» – с 940 млн кв. футов в 2011 г. до 3,9 млрд кв. футов в 2015 г.

Что же касается доли неиспользуемых среди всех квартир и домов, принадлежащих домохозяйствам, то она в 2012 г. достигала 20% в городах «первого уровня», а в городах всех остальных трех групп этот показатель был близок к 13%. В расчете на душу городского населения площадь непроданной девелоперами или неиспользуемой хозяевами недвижимости составляла в 2014 г. в китайских городах «первого уровня» 15,4 кв. футов, а в городах «второго уровня» – 37,0 кв. футов. Для сравнения, в США в 2006 г. соответствующий показатель в среднем по всем городам составлял 4,5 кв. футов. Так что для современных китайских городов типично сочетание перенаселенности, с одной стороны, и избытка предложения на рынке недвижимости – с другой [4, р. 99–102].

Другая особенность китайского сектора недвижимости – это большая, чем в США, вовлеченность госструктур в его функционирование. Американское законодательство защищает права частной собственности на землю. Правда, на уровне штатов рост предложения недвижимости сдерживается целой паутиной регулятивных мер в области землепользования. В свою очередь федеральные власти стимулируют спрос на недвижимость посредством представления домохозяйствам вычетов потраченных на ее покупку сумм из базы обложения подоходным налогом, а также предоставлением им льготных кредитов государственных ипотечных агентств. Но все же динамику рынка недвижимости в США определяет не государство, оно лишь несколько ее модифицирует.

В китайских же городах все земельные участки являются государственной собственностью. Физические и юридические лица могут покупать и продавать только «права пользования землей» (ППЗ), т.е. права долгосрочной (на период до 70 лет) аренды земельных участков, фактически контролируемых местными правительствами. Причем до сих пор четко не определено, как будут поступать местные власти с такими участками после истечения сроков аренды. Ст. 70 Закона КНР о правах собственности (2007) гарантирует защиту прав на постройки на земле, но не на саму землю. Ст. 149 устанавливает, что ППЗ будут продлеваться авто-

матически, но из текста статьи не ясно, потребует ли это от инвесторов дополнительных выплат в пользу местных бюджетов.

Позиции госсектора сильны и в строительном процессе, и в сфере ценообразования. По состоянию на 2000 г. 70% площадей жилой недвижимости возводились государственными предприятиями и жилищными кооперативами. К 2013 г. их доля сократилась до 13%. Но деятельность частных застройщиков плотно контролируется и центральным, и местными правительствами.

Руководители на местах заинтересованы в увеличении числа строительных объектов, так как это позволяет им отчитываться перед «верхами» и получать повышение по службе. К тому же реализация ППЗ девелоперам является важным источником пополнения местных бюджетов: на нее приходится до 40% совокупных доходных поступлений.

Однако с конца 2000-х годов центральное правительство стало требовать от местных властей не столько высокой динамики строительства, сколько стабильности цен на рынке недвижимости. В рамках этого нового курса на местах стали вводиться количественные ограничения на продажи объектов недвижимости в одни и те же руки и ужесточаться нормы ипотечного кредитования.

Государственный контроль так или иначе ощущают на себе все субъекты рынка. Местные администрации устанавливают лимиты на выделение земельных площадей девелоперам, на строительство теми определенных видов жилья (например, премиум-класса), на общую площадь возводимых той или иной компанией объектов. Для покупателей недвижимости власти устанавливают достаточно высокие первоначальные взносы и проценты по ипотеке, ограничивают покупки второго и третьего жилья для одной и той же семьи.

Кредитование девелоперов находится под контролем властей уже просто потому, что банки в большинстве своем принадлежат государству. Но при этом на практике власти скорее оказывают давление на банки в пользу выделения кредитов застройщикам, а не сдерживают финансирование. Как следствие, многие строительные компании сильно закредитованы, но при этом они могут аккумулировать выгоды от реализации инвестиционных проектов, а убытки перекладывать на государственные банки.

Иными словами, многие застройщики существуют в среде «мягких бюджетных ограничений». А вот кредитной поддержки собственников квартир власти от банков по преимуществу не требуют: проценты по ипотечным кредитам в 2010-е годы устанавливались обычно так, чтобы ограничивать, а не стимулировать спрос на жилье.

Таким образом, в США государство старается сделать более доступными ипотечные кредиты, но ограничивает масштабы нового строительства. В Китае, наоборот, государственные интервенции в функционирование рынка недвижимости способствуют росту оборотов строительной отрасли, но ограничивают доступность ипотеки. При таких вводных неудивительно, что в Китае жилья строится гораздо больше, чем в Америке.

Парадоксально другое: рост цен на недвижимость в Китае гораздо более внушительный, чем в США, несмотря на сдерживающие ипотечного финансирования и поощрение нового строительства. Дело тут, очевидно, в особенностях поведения китайских домохозяйств, которые наполняют рынок своими сбережениями и предъявляют повышенный спрос на недвижимость даже при жестких ограничениях на заемное финансирование [4, р. 102–104].

Можно ли утверждать, что в результате многолетнего роста цен на китайском рынке недвижимости надулся «пузырь» и это чревато макроэкономическими потрясениями? Э. Глэйзер и его коллеги ищут ответ и на стороне спроса (исследуя поведение покупателей и их финансовые возможности), и на стороне предложения (сопоставляя цены на жилье и издержки его возведения).

В США в годы бума 2000-х годов многие покупки домов совершились людьми молодыми, не имевшими семьи и при этом набиравшими много ипотечных кредитов. В 2005–2007 гг. 67% новых домов и 40% всех домов были куплены людьми в возрасте до 35 лет. Более четверти всех покупателей жилья тогда вообще не вносили собственных денег, а полагались на многократное перекредитование. В 2006 г. почти 60% заявок на ипотечные кредиты было подано домохозяйствами, состоявшими из одного человека.

Напротив, в Китае наиболее распространенный тип покупателей – это супруги среднего возраста, которые копили деньги на старость или свадьбу своего отпрыска. Такие сбережения и могут быть перенаправлены на покупку квартиры в целях их сохранения

и преумножения. Иначе говоря, приобретение недвижимости выглядит как выгодная альтернатива помещению денег на банковские депозиты и вложению их в акции. Да и в традиционной китайской культуре владение собственным домом всегда считалось признаком преуспевания.

Сейчас же среди молодых китайских мужчин наличие собственного жилья воспринимается как необходимое условие для женитьбы. В 2013 г. среди китайских домохозяйств, состоявших из супружеских или одиноких людей в возрасте до 35 лет, владельцами жилой недвижимости были 55%, а в США соответствующий показатель составлял только 37%. Но деньги молодые китайцы получают в большей степени от родителей, чем от банков. А у обеспеченных семей, где есть неженатые взрослые дети, часто бывает в собственности несколько квартир, хотя они нередко пустуют [4, р. 105].

В целом, на жилую недвижимость приходится, по разным оценкам, от 70 до 85% стоимости совокупных активов китайских городских домохозяйств. Вообще говоря, люди вкладывают сбережения в недвижимость, если они ожидают дальнейшего роста цен на нее. У американских инвесторов в недвижимость эпохи бума 1990–2000-х годов по существу единственным реальным обоснованием такого оптимизма был происходивший тогда рост цен как таковой. А у китайских покупателей квартир ситуация другая: их психология формировалась «экономическим чудом», имевшим место на протяжении нескольких десятилетий, у них были фундаментальные причины для позитивных ожиданий, хотя это не означает, что такие ожидания всегда правильные. Но как бы то ни было, если цены на недвижимость резко упадут, это скажется на благосостоянии китайского среднего класса очень сильно.

Оценить, насколько спекулятивен (и избыточен) спрос на недвижимость, можно, сопоставив цены на активы и доходы, которые эти активы могут принести. Если между ценами и доходами наблюдается примерный баланс, то все нормально. А вот если цены сильно завышены по сравнению с доходами, то это признак существования «пузыря». Но поскольку в Китае аренда жилья распространена сравнительно мало, то для сопоставления цен на жилье и ренты от его использования нет достаточного массива дан-

ных. Поэтому авторы просто сравнили цены на недвижимость с располагаемыми доходами домохозяйств.

Еще в начале 2010-х годов соотношение цен и доходов (price-to-income ratio) было в диапазоне 6–10, но в 2016 г. цены на квартиры площадью в 90 кв. м в Пекине и Шанхае были уже в среднем в 25 раз выше доходов домохозяйств. Однако это само по себе еще не означает наличие «пузыря», утверждают Э. Глэйзер и его коллеги. Рост цен может быть рациональным в условиях общего экономического подъема, когда одновременно высокими темпами растут и доходы, а значит, цены на жилье вовсе не обязательно должны в конце концов рухнуть [4, р. 94, 106].

К тому же в Китае для приезжих, особенно – мигрантов из деревни, покупка жилья в городе – это шаг к получению городской прописки и, соответственно, доступа к медицинским и образовательным услугам, которые предоставляются только обладателям городской регистрации. Так что высокие цены на жилье, очевидно, включают в себя надбавку, отражающую наличие таких возможностей «в пакете» с покупаемой городской квартирой.

Но в целом оценить перспективы спроса на недвижимость трудно из-за неопределенности по поводу дальнейшей динамики экономического роста в Китае. Поэтому, чтобы судить о рациональности ценообразования, нужно проанализировать ситуацию и со стороны предложения.

Себестоимость строительства в Китае сравнительно низкая, и она примерно одинаковая в разных городах. В 2014 г. она находилась возле отметки в 26 долл. в расчете на 1 кв. фут – это в разы меньше, чем в США. Но если издержки строительства можно оценить более или менее точно, то цены на землю малопредсказуемы из-за институциональных особенностей рынка земли («рынка ППЗ»). На деле невысокие издержки строительства отнюдь не гарантируют девелоперам большие прибыли: земельные участки продаются им задорого, а налоги на их доходы велики. Высокие издержки на покупку ППЗ как раз и толкают цены на недвижимость вверх со стороны предложения.

Себестоимость строительства в городах «первого уровня» не превышает 15%, а в городах «второго и третьего уровней» – 30% цены реализации недвижимости. Иными словами, чисто спекулятивная составляющая в ценах очень большая. К тому же, если вы-

нести за скобки регулятивные ограничения, то надо признать, что дефицита земли в Китае не наблюдается, особенно в глубинных, континентальных провинциях, и дороговизну земельных участков нельзя объяснить физическим недостатком их предложения. Об эластичности предложения (т.е. его способности удовлетворять спрос без ценовых скачков) говорят и быстрые темпы строительства, и большое количество пустующих жилых помещений [4, р. 94, 108–109].

Все это побуждает сделать вывод о том, что цены на жилую недвижимость в Китае действительно слишком высокие. Но, по мнению Э. Глэйзера и его соавторов, из этого еще не следует, что крах рынка недвижимости в Китае неизбежен. Многое будет зависеть от действий властей. Спекулятивный спрос на жилую недвижимость заведомо неустойчив в долгосрочной перспективе, рано или поздно цены стабилизируются, перестанут быстро расти. Они останутся высокими только, если государство будет специально удерживать их от снижения, ограничивая объемы нового строительства. Оно может прибегнуть к таким действиям, дабы не допустить неплатежеспособность девелоперов и ее возможные шоковые последствия для финансовой сферы.

Однако такие меры чреваты негативными социальными последствиями. Возникнут сложности с удовлетворением спроса на жилье в наиболее динамично развивающихся городах, а это будет угнетать рост производства и занятости во всей экономике. Особенно резко сократится число рабочих мест собственно в строительстве. Местные правительства потеряют значительную часть своих доходов от продаж ППЗ.

Но нужно учитывать и другое. Китайские девелоперы сильно закредитованы, но благодаря связям с государственными банками они всегда могут реструктурировать задолженность. Даже если банки заберут у девелоперов недвижимость в качестве компенсации за невозвращенные кредиты, они вряд ли одномоментно выбросят эти активы на рынок и обрушат тем самым цены. Так что в механизме китайского рынка недвижимости встроена определен-

ная инерция, и этим он отличается от весьма волатильного китайского рынка акций¹ [4, р. 95, 114].

Тем не менее длительный спекулятивный бум на рынке недвижимости может приводить к избыточному перетоку туда капиталов из других сфер хозяйства и искажениям в распределении ресурсов (капитальных, трудовых, предпринимательских, технологических) в экономике в целом. У Сяоюй (НИИ государственных финансов и политики Центрального финансово-экономического университета, Пекин), Ван Минь и Ли Лисин (Институт государственного развития Пекинского университета) [5] исследуют, как рост цен на рынке недвижимости оказывается на склонности людей к открытию собственного дела.

Выбор индивида в пользу занятий предпринимательством по определению, связан с более высокими рисками, чем устройство на работу по найму. К тому же для бизнеса нужен начальный капитал. Привлечь внешнее финансирование начинающим бизнесменам обычно затруднительно, и они полагаются главным образом на использование собственных активов своих домохозяйств. Экономическая теория утверждает, что накопление таких активов смягчает бюджетные (финансовые) ограничения и способствует предпринимательской активности, это является одним из проявлений «эффекта богатства». Многочисленные исследования, выполненные на американских и европейских материалах, установили, что рост цен на недвижимость как разновидность активов домохозяйств позитивно коррелирует с динамикой развития предпринимательства в стране [5, с. 121].

Но действует ли эта закономерность в современной китайской экономике? Уже поверхностное знание фактов побуждает усомниться в этом. В 2000–2010 годы цены на квартиры росли в Китае среднегодовым темпом в 9,44%, тогда как среднегодовая доходность предпринимательских инвестиций составляла тогда только 5,59%. Покупки недвижимости выглядели безопасным вложением капитала, и по идее они должны были вытеснить про-

¹ Нечто подобное утверждал и Юй Хуай. Он отмечал, что риски инвестиций в недвижимость воспринимаются агентами рынка как менее существенные, чем приложения в акции. С этим связано то, что циклы «подъем – спад» на китайском рынке жилой недвижимости более длительные и менее волатильные, чем на рынке акций [3, р. 62–63]. – *Прим. реф.*

изводительные инвестиции. Показательно, что в Шэньчжэне – городе, который еще с 1979 г. имел статус «специальной экономической зоны», а в 2000-е годы отличался особенно высокими темпами роста цен на недвижимость, – доля занимающихся бизнесом среди городских жителей уменьшилась с 11,5% в 2004 г. до 4,8% в 2009 г. [5, с. 121–122].

Важно и то, что в современном Китае у молодых людей наличие собственной квартиры считается условием вступления в брак, это само по себе ограничивает практику использования недвижимости в предпринимательских целях (в том числе в качестве залога) и увеличивает ту ее долю, которая используется в целях потребительских.

У Сяоюй и его соавторы полагают: чтобы составить сбалансированное представление о взаимосвязи между динамикой цен на недвижимость и склонностью к предпринимательству, надо учесть, что рост цен помимо «эффекта богатства» порождает еще два эффекта:

1) «эффект кредитования», который связан с тем, что недвижимость может выступать в качестве залога при получении банковских кредитов и рост цен на нее делает заемное финансирование более доступным;

2) «эффект замещения», проистекающий из того, что недвижимость можно использовать как в инвестиционных, так и в потребительских целях. Этот эффект особенно сильно проявляется как раз в периоды быстрого роста цен на землю и недвижимость, когда у предпринимателей – собственников активов появляются возможности извлекать рентные доходы и поэтому они уделяют относительно меньше внимания эффективности менеджмента и внедрению инноваций в своих компаниях.

Надо учесть еще и то, что рост цен по-разному влияет на выбор людей, являющихся собственниками недвижимости, и тех, кто таковой не имеет. Авторы предполагают, что те, у кого недвижимость уже есть, в условиях быстрого роста цен могут получить кредит под ее залог и открыть собственное дело. Но для таких людей недвижимость уже является инвестиционным вложением, чреватым «эффектом замещения» предполагаемого нового бизнеса. Так что воздействие роста цен на выбор таких людей неопределенное. Если «эффект богатства» и «эффект кредитования» в сово-

купности перевешивают «эффект замещения», то влияние на создание бизнеса позитивное. А если перевешивает «эффект замещения», то это угнетает тягу к предпринимательству. Если же у людей недвижимости нет, то рост цен не может принести им ни «эффекта богатства», ни «эффекта кредитования», а «эффект замещения» отбывает у них охоту заниматься предпринимательством.

Для проверки этих предположений У Сяоюй, Ван Минь и Ли Лисин задействовали данные выборочной переписи населения, проводившейся в 2005 г. Она охватывала 1% населения КНР, в ходе нее задавались в том числе и вопросы о величине доходов, занятости и наличии собственной недвижимости у респондентов. Авторами были использованы только ответы жителей в возрасте 15–50 лет 35 крупных и средних городов. Доля занимавшихся предпринимательством среди респондентов составляла в 2005 г. 13,1%, своим жильем владели 51,8% респондентов [5, с. 127].

Были также использованы данные панельных обследований китайских домохозяйств, которые проводят специалисты из Пекинского университета и Академии общественных наук КНР (China Family Panel Studies). В ходе их собирается, в частности, информация о структуре активов домохозяйств и их задолженности по кредитам (в том числе ипотечным). В 2008 и 2009 гг. такие обследования проводились в Пекине, Шанхае и провинции Гуандун, а в 2010 г. – в 25 провинциях Китая. Доля занимавшихся предпринимательством среди респондентов в 2008–2009 гг. составила 7,4%, а в 2010 г. – 8,3%, доли обладателей недвижимости – 68,8 и 76,9%, соответственно [5, с. 128].

Уже простая группировка данных по провинциям показывает, что чем выше уровень цен на недвижимость в регионе, тем меньше в структуре населения доля занимающихся предпринимательством. Более детально характер этой взаимосвязи авторы изучают с помощью регрессионной модели, в которой в качестве объясняемой переменной выступает склонность к предпринимательству, а объясняющих – инфляция на рынке недвижимости, обеспеченность респондентов обследований жильем, совокупные величины их располагаемых активов и задолженности по кредитам, возраст, пол, уровень образования, семейное положение респондентов.

Расчеты по выборке 2005 г. выявили, что рост цен на недвижимость действительно оказывает угнетающее воздействие на склон-

ность к предпринимательству: рост цены за 1 кв. м на 1000 юаней приводит к снижению среди рееспондентов доли занимающихся бизнесом на 2 п.п. А расчеты по более поздним данным показали, что ускорение годовой инфляции на рынке недвижимости на 5 п.п. приводит к снижению доли предпринимателей на 0,9 п.п. [5, с. 130]. Тем самым подтвердилось, что вызванный ростом цен «эффект замещения» намного перевешивает сумму «эффекта богатства» и «эффекта кредитования» и угнетающим образом отражается на предпринимательстве. Иначе говоря, чем выше доходы домохозяйств, полученные благодаря росту цен на недвижимость, тем меньше вероятность того, что члены этих семей будут заниматься бизнесом.

Учет фактора наличия / отсутствия собственного жилья у рееспондентов позволил уточнить, что обладание собственностью еще более усиливает «эффект замещения» и ослабляет склонность к предпринимательству. Но есть и контратенденция: в условиях быстрого роста цен сильнее проявляется «эффект богатства», и от этого у владельцев недвижимости чаще просыпается желание открыть деловое предприятие. В то же время чем больше выплаты по ипотечным кредитам, которые должны совершать домохозяйства, тем меньше их склонность к предпринимательству. Расчеты по панельным данным показали, что отсутствие у людей своего жилья однозначно негативно отражается на желании заниматься предпринимательством и усиливает «эффект замещения»: люди думают о приобретении жилья, а не строят бизнес-планы [5, с. 131–132].

Итак, базовые гипотезы У Сяоюя, Ван Миня и Ли Лисина подтвердились. Рост цен на жилье порождает «эффект богатства» и «эффект кредитования» для владельцев недвижимости и тем самым усиливает их желание заниматься бизнесом. Но одновременно рост цен провоцирует и проявления «эффекта замещения»: вложения в недвижимость становятся альтернативой предпринимательству. Так что в целом для социальной группы собственников квартир влияние роста цен на предпринимательство – неопределенное. Те же, у кого своего жилья нет, не могут ощутить на себе ни «эффекта богатства», ни «эффекта кредитования», зато «эффект замещения» налицо: такие люди предпочитают покупать жилье, а не инвестировать в бизнес.

Подводя баланс «плюсов» и «минусов», У Сяоюй и его коллеги констатируют, что рост цен на жилую недвижимость порождает в Китае «эффект вытеснения» предпринимательства, т.е. ситуация выглядит иначе, нежели в США и других западных странах. Возможно, дело тут в особенностях психологии современной китайской молодежи, а также в несовершенствах системы ипотечного кредитования в Китае: вообще-то говоря, обладание активами и в Китае способствует занятиям бизнесом, но этот эффект отчасти нивелируется слишком тяжелым для многих бременем выплат по ипотеке [5, с. 133].

Чжан Цзэ, Ян Лянъсин и Синь Фу (экономический факультет Народного университета Китая, Пекин) [6] выясняют, насколько справедливо распространенное мнение о том, что рост цен на рынке недвижимости подавляет инновационную деятельность в других секторах экономики, в том числе в промышленности. Анализ ведется ими в региональном разрезе: использованы панельные данные по китайским провинциям за 1996–2013 гг.

Авторы отмечают, что в китайской экономической литературе уже достаточно подробно описаны передаточные механизмы такого негативного влияния. Во-первых, когда надувается «пузырь» на рынке недвижимости, то промышленные компании предпочитают вкладывать деньги в спекулятивную деятельность на этом рынке, а не в собственное долгосрочное технологическое развитие в рамках основной специализации. При этом экспансия сферы недвижимости не порождает существенных технологических экстерналий, т.е. заметного оживления инноваций в смежных с ней отраслях. Бум инвестиций в нее скорее просто отвлекает ресурсы от возможных вложений в инновации в других отраслях.

Во-вторых, доходность инвестиций в сфере недвижимости выше, а риски ниже, чем в других отраслях, поэтому банки предпочитают кредитовать эту сферу. А предприятия обрабатывающей промышленности, которым нужны «длинные», долгосрочные кредиты для финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), банковского финансирования в необходимых объемах не получают, и это ограничивает масштабы их инновационной деятельности.

В-третьих, при образовании «мыльного пузыря» на рынке недвижимости искажения вносятся и в структуру потребительско-

го спроса в стране. Сбережения домохозяйств тратятся на покупку квартир и домов, тем самым стимулируется рост выпуска продукции в отраслях, мало склонных к прорывным инновациям, таких как цементная промышленность и черная металлургия. Деньги домохозяйств отвлекаются от покупок высокотехнологичных товаров, растет их задолженность по ипотеке. Спрос на инновации в экономике от всего этого слабеет [6, с. 283–284].

Действительно, в Китае в 1996–2013 гг. средняя чистая рентабельность в секторе недвижимости держалась на уровне выше 30%, тогда как в промышленности этот показатель достигал всего 7%, причем у 500 крупнейших промышленных предприятий он составлял лишь 2,3%. В таких условиях вполне закономерен был перелив капитала из промышленности в сферу недвижимости. Отсюда *первая гипотеза* авторов: в тех провинциях КНР, где инвестиции на рынке недвижимости быстро растут и есть признаки формирования «пузыря», эти процессы выступают препятствиями для инновационной деятельности, особенно это касается инноваций в промышленных отраслях [6, с. 285].

В литературе также активно обсуждается вопрос о том, какая финансовая система (банкоцентрическая или опирающаяся на рынок ценных бумаг) создает лучшие условия для течения инновационных процессов в экономике. Во многих развивающихся странах выбор между ними осложняется наличием «финансовых репрессий»: присутствие государства в финансовом секторе там избыточно, вход в эту отрасль частных «игроков» сдерживается, процентные ставки подвержены административному регулированию, развитию рынков ценных бумаг тоже мешает всепроникающее государственное регулирование.

КНР не является в этом плане исключением: рынки акций и облигаций в Китае относительно неразвиты, главным источником внешнего финансирования инновационной деятельности является банковский кредит, причем банковский сектор фактически представляет собой государственную монополию. Такое положение дел воспроизводится в том числе и потому, что в Китае, как и в других развивающихся странах, инновации в значительной мере осуществляются путем заимствования или имитации зарубежных технологий. Риски такого рода инновационной деятельности относительно небольшие, и хотя банки обычно очень неохотно кредити-

туют инноваторов, но такие «импортируемые» инновации они все же склонны финансировать.

Теоретически инновационные проекты с их высокими рисками и низкой доходностью могли бы лучше, чем банки, снабжать финансовыми ресурсами рынок ценных бумаг. Но для того фактического состояния дел с инновациями, которое существует на микроуровне китайской экономики, вполне подходит и банкоцентричная финансовая система. А тогда получается, что динамика инновационных процессов в экономике во многом определяется линией поведения банков, в частности тем, как они структурируют свои кредитные портфели по срокам.

В условиях, когда в китайской экономике существуют государственная монополия в банковском секторе и бум на рынке недвижимости, распределение финансовых ресурсов заведомо не свободно от искажений. Банки склонны кредитовать прежде всего высокорентабельный сектор недвижимости, от чего рост инвестиций в нем получает дополнительное ускорение. Выходит, что долгосрочные кредиты предоставляются в первую очередь компаниям-девелоперам, а «голод» на такие кредиты, испытываемый инноваторами из реального сектора экономики, не утоляется.

В 1997–2013 гг. доля банковского кредитования в финансировании инвестиционного процесса в китайском секторе недвижимости колебалась в диапазоне 40–50%. Причем до 2004 г. она достигала 50–60%, а затем была частично перераспределена в пользу компаний доверительного управления активами и иностранных инвестиционных фондов, вкладывающих свои средства в недвижимость. Удельный вес сферы недвижимости среди отраслей – получателей банковского кредитования на средние и длительные сроки после 2003 г. превышал 30% [6, с. 287–288].

Отсюда *вторая гипотеза*: рост инвестиций в сектор недвижимости в китайских провинциях оказывает сдерживающее влияние на инновационную деятельность через воздействие на сроки предоставления банковских кредитов. При финансировании банками компаний сферы недвижимости существует тенденция к удлинению сроков, а инновационные компании в промышленности долгосрочные кредиты получают в недостаточных объемах, такой перекос в пользу кредитования девелоперов и оказывает

угнетающее воздействие на инновации в промышленности [6, с. 289].

Гипотезы проверяются с помощью регрессионной модели, в которой объясняемой переменной является синтетический индекс инновационной активности в провинции. Он калькулируется из двух компонентов: 1) годового прироста расходов на НИОКР в провинции; 2) годового прироста числа полученных хозяйственными агентами в данной провинции патентов на изобретения [6, с. 290].

В качестве главной объясняющей переменной выступает годовой прирост инвестиций в сферу недвижимости в провинции. В модель включены также следующие контрольные переменные:

1) темпы прироста подушевого реального валового регионального продукта в провинции;

2) накопленный в провинции человеческий капитал, который измеряется среднедушевым числом лет обучения у ее жителей;

3) удельный вес государственных предприятий (ГП) в экономике провинции, который измеряется соотношением совокупных продаж ГП и валового регионального продукта (ВРП) провинции. Этот показатель важен, так как в Китае именно ГП легче получить субсидии, которые выделяет государство для стимулирования инноваций, и обычно бывает так, что чем больше ГП в провинции, тем активнее там идут инновационные процессы;

4) степень «открытости» экономики провинции, которая измеряется долями экспорта и импорта в ее ВРП;

5) отраслевая структура экономики провинции. Как правило, чем выше удельный вес «вторичного» сектора (обрабатывающей промышленности и строительства) в региональной экономике, тем активнее там инновационная деятельность, хотя, безусловно, на ее динамику влияет и развитость сферы услуг производственного назначения и финансового сектора;

6) удельный вес налоговых поступлений в ВРП провинции. Этот показатель оценивает возможности государственного стимулирования НИОКР [6, с. 290–293].

Но нужно было учесть в модели и возможные обратные связи. В более развитых провинциях, где уровень инновационной деятельности достаточно высокий, как раз устойчивое увеличение доходов предприятий и домохозяйств и может приводить к росту

спроса на недвижимость и инвестиций в эту сферу. Кроме того, в провинциях разных уровней развития могут применяться различные варианты экономической политики, и это может влиять на направленность инвестиционных решений, принимаемых агентами экономики, в том числе и по поводу инвестиций в недвижимость. Отсюда необходимость включения в модель более инструментального, свободного от эндогенности показателя, характеризующего прирост капиталовложений в сферу недвижимости.

На роль такого индикатора Чжан Цзэ и его коллеги определили среднедушевую величину земельных площадей, выделенных под застройку в году, предшествующем отчетному, путем продаж ППЗ. Данный показатель характеризует возможности для инвестиций в сферу недвижимости, существующие в провинции, со стороны предложения. В то же время он напрямую влияет на цены на земельные участки, а значит, и на цены возводимых на них объектов недвижимости, и тем самым влияет на инвестиции в эту сферу и со стороны спроса.

Подоплека тут следующая. Административные ограничения на величину предлагаемых инвесторам земельных площадей, которые заложены в общенациональных и провинциальных планах использования государственных земель, как раз и вызывают рост цен на ППЗ (из-за превышения спроса над предложением). Вслед за удорожанием земли растет в цене и недвижимость, что делает ее еще более привлекательной для капиталовложений. Иначе говоря, искусственное ограничение предложения земельных участков властями само по себе выступает как одна из причин гипертрофированного бума на рынке недвижимости [6, с. 293–295].

Расчеты по модели выявили отчетливое негативное влияние прироста инвестиций в сферу недвижимости на число патентов на изобретения, выданных жителям соответствующей провинции или действующим там предприятиям. Негативная корреляция обнаружена и между приростом инвестиций в сектор недвижимости и приростом расходов предприятий на НИОКР. Первая гипотеза нашла, таким образом, подтверждение [6, с. 296–297].

Авторы решили специально уточнить, на каких предприятиях в промышленности в большей степени оказывается это негативное влияние. Но при этом они вынесли за скобки своего анализа малые и микропредприятия. Аргументировали они это тем, что в

Китае в отличие от США и других западных стран главными субъектами инноваций выступают крупные и средние компании, а не малый бизнес. Но расчеты не выявили какой-либо существенной разницы: выяснилось, что негативное воздействие экспансии рынка недвижимости на расходы на НИОКР и число полученных патентов ощущается и на крупных, и на средних промышленных предприятиях [6, с. 298–299].

Для проверки второй гипотезы авторы включили в регрессию в качестве объясняющей переменной еще один параметр – вариацию выдаваемых в провинции кредитов по срокам возврата (ее характеризует соотношение долго- и краткосрочных кредитов в общем объеме заемного финансирования). Расчеты показали, что в провинциях, где инвестиции в сферу недвижимости растут особенно быстро, удельный вес долгосрочных кредитов в общем объеме такого финансирования тоже очень большой. Тем самым подтвердилось, что банковская система предпочитает кредитовать на длительные сроки именно «игроков» рынка недвижимости, а из-за этого возникает «эффект вытеснения» инвестиций в промышленности, что тормозит там технологические инновации. Реалистичной, таким образом, оказалась и вторая гипотеза [6, с. 301–305].

Итак, цепочка причинно-следственных связей выглядит следующим образом. Рост цен на рынке недвижимости приводит к формированию неблагоприятной для промышленности структуры банковского кредитования по срокам, и это в конечном счете угнетающим образом отражается на инновационной деятельности промышленных предприятий. «Финансовые репрессии» и массированные капиталовложения в сферу недвижимости дополняют друг друга, на этой основе складывается симбиоз групповых интересов девелоперов и менеджеров государственных банков.

Преодолеть действие этого механизма подавления инноваций в промышленности невозможно только нормированием покупок квартир и другими административными ограничениями, призванными сдержать спекулятивную активность на рынке недвижимости. Надо не просто бороться с «перегревами» и «пузырями» этого рынка, а устраниТЬ их глубинные причины, а для этого проводить системные реформы земельного и финансового рынков, резюмируют Чжан Цзэ, Ян Ляньсин и Синь Фу [6, с. 281, 319].

Тун Цзядун (факультет международной экономики и торговли Нанькайского университета, Тяньцзинь) и Лю Чжуцин (факультет международной экономики и торговли Тяньцзиньского педагогического университета) [7] утверждают, что бум на рынке недвижимости способствует перераспределению не только капитала, но и трудовых ресурсов внутри «вторичного» сектора экономики: занятость уменьшается в обрабатывающей промышленности и увеличивается в строительстве.

Они констатируют, что в 2000–2010-е годы в Китае быстро росли не только цены на земельные участки и объекты недвижимости, но и издержки предприятий на оплату труда. И то и другое было связано с обострением ресурсных ограничений. Отчасти под влиянием дефицита земельных ресурсов цены на коммерческую недвижимость росли в 2004–2016 гг. среднегодовым темпом в 10%. Но почасовая оплата труда в обрабатывающей промышленности увеличивалась еще быстрее: в среднем на 22,5% в год в 2006–2011 гг., а к 2016 г. Китай приблизился по этому показателю к России и странам Центральной и Восточной Европы [7, с. 59].

Китай стал превращаться из трудоизбыточной в трудодефицитную страну. В промышленных центрах Южного Китая (Гуанчжоу, Шэньчжэнь и др.) нехватка трудовых ресурсов привела к возникновению феномена их «сманивания» с одного предприятия на другое.

В экономической литературе по поводу этой новой ситуации на китайском рынке труда есть разные точки зрения. Один подход фокусируется на абсолютные размерах предложения трудовых ресурсов – в духе концепции «дуальной экономики» У.А. Льюиса. Последняя, как известно, утверждает, что быстрый рост зарплат в развивающейся стране начинается после того как она проходит «поворотный пункт», т.е. исчерпывается излишком трудовых ресурсов в традиционном, аграрном секторе. В частности, известный китайский экономист Цай Фан утверждает, что примерно с 2005 г. предложение рабочей силы в аграрном секторе китайской экономики перестало быть неограниченным, избытка трудовых ресурсов там больше нет.

«Поворотный пункт» уже пройден, это и нашло отражение в росте зарплат, в том числе заработков сельских мигрантов (СМ) – крестьян, переехавших в поиске работы в города и поселки. Дефи-

цит рабочей силы поначалу стал ощущаться в наиболее развитых восточных провинциях страны, но чем дальше, тем больше эта проблема будет актуальной и для центральных и западных регионов¹.

Однако не все исследователи, разделяющие парадигму «дудальной экономики», согласны с оценками Цай Фана. Многие экономисты считают, что излишek трудовых ресурсов, не перераспределенный из традиционного, сельскохозяйственного в современный, городской сектор экономики, в Китае все еще существует. Его масштабы оцениваются разными специалистами по-разному: в диапазоне 50–200 млн человек [7, с. 61].

Другой подход заключается в сопоставлении спроса на рабочую силу в обрабатывающей промышленности с ее предложением, изучении их структурных несоответствий. Придерживающиеся его специалисты обычно утверждают, что настоящего дефицита трудовых ресурсов в Китае еще нет. Наоборот, ситуация с занятостью остается напряженной, что объясняется не только продолжающимся притоком СМ в города, но и выходом на рынок труда все большего числа выпускников вузов. При этом, с одной стороны, существует дефицит квалифицированных рабочих кадров, а с другой – недавние студенты часто не могут найти работу по специальности.

Но среди китайских экономистов практически нет таких, которые исследовали бы эти проблемы рынка труда в увязке с тенденциями на рынке недвижимости. Между тем в англоязычной литературе влияние со стороны роста цен на недвижимость на занятость в промышленности изучено уже достаточно подробно. В частности, было показано, что побочными следствиями ценового подъема на американском рынке недвижимости в 1980-е годы явились сокращение занятости в обрабатывающей промышленности и ее рост в строительной отрасли. А тот скачок безработицы, который произошел в США в 2008–2011 гг. в результате ипотечного кризиса, был более чем на треть обеспечен высвобождением работников, ранее перешедших из промышленности в строительство.

Отталкиваясь от этих наработок зарубежных коллег, Тун Цзядун и Лю Чжуцин формулируют свою *первую гипотезу*: рост

¹ Cai Fang. Approaching a Triumphal Span : How Far Is China Towards its Lewisian Turning Point? – (UNU-WIDER Research Paper ; N 2008/2009). – URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/rp2008-09.pdf>

цен на недвижимость ослабляет привлекательность обрабатывающей промышленности для ищущих работу по сравнению со строительством и стимулирует переток трудовых ресурсов в строительную отрасль. Пропорции распределения рабочей силы между промышленностью и строительством меняются, что усугубляет уже имеющиеся в промышленности кадровые дефициты.

Однако такое влияние ценовой конъюнктуры на занятость проявляется дифференцированно в пространстве и во времени. В восточных провинциях Китая сложилась экспортно-ориентированная экономика. Туда в трудоемкие отрасли промышленности было привлечено множество СМ из менее развитых внутриматериковых провинций. Ограниченност земельных ресурсов в восточных регионах чувствуется сильнее, чем на остальной территории страны, поэтому и рост цен на недвижимость происходит там быстрее, чем в среднем по всему Китаю. Соответственно, и тенденция перехода низкоквалифицированных работников из промышленности в строительство в условиях бума на рынке недвижимости на Востоке должна проявляться особенно заметно.

К тому же принятый в 2008 г. на пике мирового финансового кризиса стимулирующий «пакет на 4 трлн юаней» во многом способствовал экспансии строительства и росту цен на недвижимость. В этом смысле он оказал дополнительное шоковое воздействие на занятость в обрабатывающей промышленности.

Отсюда *вторая гипотеза* авторов: рост цен на недвижимость именно в восточных, приморских регионах КНР вызывает заметное перераспределение трудовых ресурсов от обрабатывающей промышленности к строительству, и этот эффект с особой силой проявился в результате мирового финансового кризиса конца 2000-х годов.

На микроэкономическом уровне влияние роста цен на недвижимость на занятость тоже по идеи должно сказываться неодинаково в разных группах предприятий. Строительство – это классическая трудоемкая отрасль, поэтому бум на рынке недвижимости приводит к перетоку в строительную отрасль низкоквалифицированных, малообразованных работников преимущественно из трудоемких отраслей промышленности. Но на предприятиях различных форм собственности практики управления трудовыми ресурсами сильно отличаются друг от друга, а потому рост цен на

недвижимость может повлиять на управлеченческие решения на отдельных предприятиях очень специфично.

Отсюда вытекает *третья гипотеза*: характер влияния роста цен на недвижимость на решения, принимаемые менеджерами в промышленности и строительном секторе, зависит от структуры собственности на предприятии и от набора имеющихся в его распоряжении ресурсов. Но в целом строительная отрасль склонна привлекать работников с невысоким уровнем образования [7, с. 61–62].

На мысли о наличии корреляции между ростом цен на недвижимость и сдвигами в структуре занятости наводят уже просто временные совпадения. Цены стали особенно быстро расти, начиная с 2003 г., и как раз тогда в крупнейших городах на Юго-Востоке страны впервые обозначился дефицит рабочей силы. Параллельно действительно происходило перераспределение долей занятости внутри «вторичного» сектора: если в 2004 г. в обрабатывающей промышленности было занято в 3,63 раза больше работников, чем в строительстве, то в 2014 г. разрыв составил только 1,79 раза [7, с. 63].

Более основательную проверку выдвинутых гипотез авторы осуществляют с помощью регрессионной модели. В качестве объясняемой переменной в ней выступает соотношение занятости трудовых ресурсов в определенном городе в обрабатывающей промышленности, с одной стороны, и в строительстве – с другой. Объясняющими переменными являются:

- динамика цен на коммерческую недвижимость в данном городе в течение рассматриваемого периода;
- численность населения города;
- производительность труда в городской экономике, рассчитанная как частное от деления городского ВРП на численность населения;
- удельный вес капиталовложений в основные фонды в городском ВРП;
- уровень технологий в городской экономике, который оценивается по подушевому показателю библиотечных фондов в городе (этот показатель свидетельствует о том, в какой мере работники заинтересованы в доступе к знаниям);

- «открытость» городской экономики, измеряемая долей экспорта в ВРП;
- темп прироста ВРП;
- отраслевая структура городской экономики (соотношение долей «третичного» (т.е. сферы услуг) и «вторичного» секторов в ВРП);
- контрольная переменная, указывающая на специфику временного периода (до или после кризиса 2008 г.).

В расчетах по модели использованы панельные данные по 286 китайским городам за 2004–2013 гг., имеющиеся в общенациональных статистических ежегодниках. Для изучения ситуации на микроуровне были задействованы результаты Второй всекитайской экономической переписи, которая прошла в 2008 г. Она охватила всех юридических лиц во «вторичном» и «третичном» секторах, включая индивидуальные предприятия. Однако подробную отчетность о своих финансовых показателях в ходе переписи предоставили только промышленные предприятия с объемами реализации продукции свыше 20 млн юаней в год, поэтому в расчетах были использованы данные только по таким предприятиям. А из строительных компаний в выборку были включены только такие, для которых строительный бизнес является профильным, это, как правило, самые крупные и представительные предприятия данной отрасли [7, с. 63–64].

Авторы учили, что связь между ростом цен на недвижимость и распределением трудовых ресурсов внутри «вторичного» сектора может быть как прямой, так и обратной. С одной стороны, рост цен провоцирует переток рабочей силы из промышленности в строительство, а с другой – под влиянием оттока кадров предприятия промышленных отраслей повышают зарплату сотрудникам, это ведет к раскручиванию инфляции издержек в целом по экономике, что дополнительно способствует росту цен на недвижимость.

Для того чтобы решить эту проблему эндогенности, Тун Цзядун и Лю Чжуцин используют ту же инструментальную переменную, что и Чжан Цзэ, Ян Ляньсин и Синь Фу, – площадь земельных участков, выделенных под застройку путем продажи ППЗ, в расчете на душу населения. Тун Цзядун и Лю Чжуцин отмечают, что этот параметр, во-первых, зависит от решений мест-

ных властей и уже поэтому он не подвержен эндогенности, а во-вторых, он надежен как индикатор ценовых изменений (чем меньше в городе земельные площади, ППЗ на которые были проданы властями девелоперам, тем выше цены на недвижимость) [7, с. 64].

Расчеты по модели показали, что между ростом цен на недвижимость и занятостью в обрабатывающей промышленности действительно существует негативная корреляция. Удорожание недвижимости ведет к сокращению занятости на промышленных предприятиях и увеличению ее в строительстве, т.е. первая гипотеза нашла подтверждение.

Причем этот эффект проявлялся относительно автономно от кризисного шока 2008 г., который привел к сокращению китайского промышленного экспорта, высвобождению занятых из промышленности и активизации капитального строительства в результате осуществления антикризисных мер правительством. Иначе говоря, если бы мирового кризиса не случилось, то бум на рынке недвижимости все равно способствовал бы росту притягательности строительного сектора для работников и переливу туда рабочей силы из обрабатывающей индустрии. Но кризисная заминка в росте китайского экспорта и возобновившийся после выхода из острой фазы кризиса рост цен на китайском рынке недвижимости привели к тому, что и ранее наблюдавшаяся тенденция стала более акцентированной. Тем самым частично подтверждается и вторая гипотеза.

Надо сказать, что эти результаты подтвердились и когда авторы в расчетах вместо данных о ценах на коммерческую недвижимость в целом (т.е. с учетом жилой, офисной, торговой и прочей коммерческой недвижимости) и о выделенных для ее возведения земельных площадях задействовали данные только по жилой недвижимости [7, с. 64–67].

Для того чтобы учесть региональные различия, авторы поделили города, включенные в выборку, на относящиеся к восточно-му региону (причем в отдельную подгруппу они определили 14 крупных городов, имеющих с 1984 г. статус «открытых портов»), расположенные в Центральном Китае и в западных провинциях страны. Выяснилось, что «эффект вытеснения» трудовых ресурсов из обрабатывающей промышленности в строительство под воздействием роста цен на недвижимость так или иначе свойствен-

нен всем меридиональным поясам Китая. Нет даже особой разницы в его интенсивности между востоком в целом, с одной стороны, и центром и западом – с другой.

Но этот эффект весьма заметно проявляется в 14 «открытых портах» восточного побережья. А поскольку это наиболее крупные, развитые города приморских провинций, то можно сказать, что они как раз наглядно выражают общую тенденцию. Так что вторую гипотезу можно считать подтвержденной полностью: механизм воздействия ценовой конъюнктуры рынка недвижимости на распределение занятых во «вторичном» секторе работает на востоке с большей мощностью, чем в центре и на западе [7, с. 67–68].

Процессы принятия решений о найме рабочей силы на микроуровне, т.е. на строительных и промышленных предприятиях, Тун Цзядун и Лю Чжуцин исследуют с помощью отдельной регрессии. Здесь-то и пригодились данные Второй всеобщей экономической переписи. В этой модели в качестве объясняемой переменной выступает численность занятых на предприятии, а в качестве объясняющих: уровень цен на недвижимость в городе, где находится предприятие; те же характеристики городской экономики, которые были отражены в предыдущей модели; характеристики собственно предприятия (его доходы от реализации продукции; рентабельность; капиталовооруженность работников, т.е. величина основных фондов в расчете на одного работника; форма собственности, а именно: относится ли предприятие к категории «народных», т.е. по сути частных). В качестве инструментальной переменной, характеризующей уровень цен на недвижимость в городе, и в этой модели используется площадь земельных участков, выделенных в городе под строительство.

Расчеты и в данном случае показали, что рост цен на недвижимость ведет к сокращению промышленной занятости, т.е. этот эффект выявлен и на уровне отдельных предприятий. Однако в разбивке по формам собственности подобная негативная корреляция была обнаружена только на частных предприятиях (ЧП) и предприятиях с иностранными инвестициями (ПСИИ), а применительно к ГП выявилась позитивная корреляция, хотя и слабая.

Объяснить такую дифференциацию можно тем, что на промышленных ГП работники не испытывают больших нагрузок, им там предоставляются многочисленные социальные льготы, а по-

тому перспектива перейти в строительную компанию и получать там более высокую зарплату их не слишком привлекает. К тому же трудовые отношения в госсекторе более формализованы, чем в частном; работники подписывают с ГП долгосрочные трудовые контракты. Все это как раз и делается для того, чтобы госсектор выполнял функцию социального стабилизатора, гаранта от рисков безработицы.

Напротив, ЧП и ПСИИ сталкиваются с острой конкуренцией на внутреннем и внешнем рынках. Они традиционно нанимают много СМ с тем, чтобы экономить на издержках оплаты труда. На таких предприятиях обычно используются краткосрочные трудовые договоры или же они не заключаются вовсе. Разные работники в этих секторах экономики обычно получают очень разную оплату за одинаковый труд. В результате текучесть кадров на промышленных ЧП и ПСИИ очень высокая. Работники очень чувствительны к уровню зарплат, и если им предлагаются вакансии в строительстве с более высокими заработками, то они склонны менять место работы.

Для более полной проверки третьей гипотезы авторы разделили весь массив промышленных предприятий, охваченных выборкой, на три группы (трудо-, капитало- и техноемких предприятий) и осуществили расчеты по модели для каждой из этих групп по отдельности. Оказалось, что «эффект вытеснения» занятых из промышленности в строительство под воздействием роста цен на недвижимость ощутим применительно к трудо- и капиталоемким промышленным предприятиям. А в высокотехнологичном секторе промышленности число занятых под влиянием бума на рынке недвижимости, наоборот, увеличивается.

Все логично. Поскольку строительство предъявляет спрос прежде всего на работников, выполняющих стандартизованные операции, то увеличение объемов строительства из-за роста цен на недвижимость приводит к перетоку туда работников в первую очередь из трудоемких отраслей промышленности. Впрочем, в Китае и в капиталоемких промышленных отраслях есть немало предприятий с невысоким уровнем технологий, они тоже часто становятся источниками перераспределения рабочей силы в пользу строительства [7, с. 69–70].

Обследование выборки строительных предприятий с помощью регрессионной модели показало, что рост цен на недвижимость приводит к заметному росту занятости на государственных и частных строительных предприятиях, а применительно к строительным компаниям с иностранным участием этот эффект выражен слабо. Объяснить это можно тем, что строительных ПСИИ немного, масштабы их деятельности невелики, а потому и прирост занятости под влиянием роста цен на недвижимость там едва заметен.

Отдельно авторы отследили воздействие роста цен на предпочтения строительных компаний по поводу найма работников разных уровней образования. Выяснилось, что бум на рынке недвижимости приводит к росту спроса в строительстве только на работников, окончивших средние школы первой и второй ступени или ПТУ, а новых вакансий для людей с высшим образованием возникает немного. Подтвердилась, таким образом, и последняя составляющая третьей гипотезы [7, с. 71–72].

Оценили авторы и влияние роста цен на недвижимость на уровень зарплат внутри «вторичного» сектора экономики. Выяснилось, что под воздействием инфляции на рынке недвижимости растут зарплаты и в обрабатывающей промышленности, и в строительстве, но в строительной отрасли увеличение заработков гораздо более существенно, чем на промышленных предприятиях. Механизм, очевидно, работает следующим образом. Удорожание недвижимости приводит к росту рентабельности в строительстве, застройщики начинают новые проекты и в поиске дополнительных работников повышают зарплаты. Вслед за этим промышленные предприятия, чтобы удержать занятых, тоже поневоле увеличивают вознаграждение за труд. Но в строительстве зарплаты растут все равно быстрее, и эта отрасль становится «магнитом», притягивающим часть работников из промышленности.

Иными словами, еще одним негативным следствием быстрого роста цен на недвижимость является увеличение издержек у китайских промышленных предприятий. Тем самым усугубляются их проблемы с поддержанием ценовой конкурентоспособности на внешних рынках, возникшие из-за многолетней ревальвации юаня, удорожания сырья и комплектующих и целого ряда других причин. И это нельзя назвать естественным процессом смены сравни-

тельного преимущества по мере экономического развития страны, считают Тун Цзядун и Лю Чжуцин. Скорее это отклонение от объективно сложившегося сравнительного преимущества, спровоцированное «перегревом» рынка недвижимости.

Ситуацию можно даже уподобить «голландской болезни», возникающей, как известно, из-за того, что сырьевой экспортный сектор оттягивает на себя производственные ресурсы из других отраслей, а вызванный притоком экспортных валютных доходов ревальвация делает неконкурентоспособной национальную обрабатывающую промышленность. В данном же случае тенденции угнетения конкурентоспособности воспроизводятся потому, что местные правительства в Китае получают весомую часть своих фискальных доходов благодаря продажам ППЗ девелоперам. Местные власти, таким образом, непосредственно заинтересованы в росте цен на коммерческую недвижимость [7, с. 60].

При этом существуют риски резкого высвобождения многих работников из строительной отрасли в случае изменения ценовой конъюнктуры рынка недвижимости. Безработными могут в первую очередь оказаться малообразованные работники, которым будет трудно устроиться куда-либо, кроме как на низкотехнологичные предприятия промышленности или сферы услуг. Для решения этих проблем властям нужно, с одной стороны, вести работу по преодолению избыточной зависимости местных бюджетов от конъюнктуры рынков земли и недвижимости, а с другой – развивать системы дополнительного образования и переквалификации для людей рабочих профессий, заключают Тун Цзядун и Лю Чжуцин [7, с. 73].

Список литературы

1. Шэн Юэ, Лю Хуньюй. Цены на квартиры и фундаментальные экономические показатели : эмпирическое исследование по 14 городам Китая за период 1995–2002 гг. = Чжучжай цзягэ юй цзинцзи цибэньмянь : 1995–2002 нянь Чжунго 14 чэнши дэ шичжэн яньцю // Цзинцзи яньцю. – Пекин, 2004. – № 6. – С. 78–86. – Кит. яз.
2. Юань Чжиган, Фань Сяоюань. Анализ рациональных «пузырей» на рынке недвижимости = Фандичань шичан лисин паомо фэнси // Цзинцзи яньцю. – Пекин, 2003. – № 3. – С. 34–43. – Кит. яз.

3. Yu Huayi. Size and Characteristic of Housing Bubbles in China's Major Cities : 1999–2010 // China & World Economy. – Beijing, 2011. – Vol. 19, N 6. – P. 56–75.
4. A Real Estate Boom with Chinese Characteristics / Glaeser E., Huang Wei, Ma Yueran, Shleifer A. // Journal of Economic Perspectives. – Nashville, 2017. – Vol. 31, N 1. – P. 93–116.
5. У Сяоюй, Ван Минь, Ли Лисин. Ограничивают ли высокие цены на недвижимость развитие предпринимательства в Китае? = Чжунго дэ гао фанцзя шифоу цзуайлэ чуанье // Цзинцзи яньцю. – Пекин, 2014. – № 9. – С. 121–134. – Кит. яз.
6. Чжан Цзз, Ян Лянъсин, Синь Фу. Препятствует ли функционирование рынка недвижимости инновационным процессам в Китае? Объяснение с точки зрения структуры эмитируемых финансовой системой кредитов по срокам = Фандинчань цзуайлэ Чжунго чуансинь ма? – Цзинь цзинъжун тиси дайкуань цисянь цзетоу дэ цэши // Ян Жуйлун, Чжоу Еань чжубянь. Цзинцзи синь чантай ся дэ Чжунго цзинцзи цзэнчжан : луцзин юй цзичжи. – Пекин : Чжунго жэньминь чубаньшэ, 2019. – С. 280–323. – Кит. яз.
7. Тун Цзядун, Лю Чжуцин. Рост цен на недвижимость, строительный бум и проблема занятости в китайской обрабатывающей промышленности = Фанцзя шанчжан, цзяньчжусе куочжан юй Чжунго чжицзаое дэ юнгун вэнти // Цзинцзи яньцю. – Пекин, 2018. – № 7. – С. 59–74. – Кит. яз.

В.Г. САМСОНОВА*. РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ В БОРЬБЕ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19.

Аннотация. Республика Корея, одной из первых оказавшись в эпицентре пандемии COVID-19, сумела благодаря продуманной политике успешно сдерживать ее первые волны. Потерпев значительные убытки в 2020 г. из-за пандемии в виде резкого падения экспортных показателей, роста безработицы и государственного долга, РК в 2021 г. удалось выйти на докризисный уровень и добиться роста ВВП. Однако ни значительный уровень вакцинированных, ни продуманная политика по отслеживанию, тестированию и лечению не остановили распространение COVID-19 в стране. В статье анализируются основные меры, принятые РК в целях сдерживания пандемии COVID-19, выявлены вызовы, с которыми придется бороться новой администрации РК после президентских выборов в марте 2022 г.

Ключевые слова: Республика Корея; вакцинация; COVID-19; ИТ; экспорт; инфляция потребительских цен.

V.G. SAMSONOVA. Republic of Korea in the Fight Against the COVID-19 Pandemic.

Abstract. The Republic of Korea, which was among the first to get into the epicenter of the COVID-19 pandemic, thanks to the smart policy was able to blunt successfully its first attacks. Having suffered significant losses in 2020 due to the pandemic in the form of a sharp drop in export indicators, an increase in unemployment and public debt,

* Самсонова Виктория Георгиевна – кандидат экономических наук; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН.

South Korea has managed to reach the pre-crisis level in 2021 and achieved GDP growth.

However, neither a significant number of vaccinated people, nor a smart policy through tracking, testing and treatment measures have not stopped the spread of COVID-19 in the country. The article analyzes the main measures taken by the Republic of Korea in order to stop the COVID-19 pandemic, identifies the challenges which the new administration of the Republic of Korea will have to solve after the presidential elections in March 2022.

Keywords: the Republic of Korea; vaccination; COVID-19; IT; export; consumer price inflation.

Для цитирования: Самсонова В.Г. Республика Корея в борьбе с пандемией COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 2. – С. 147–158. DOI: 10.31249/RVA/2022.02.08

Вот уже более двух лет весь мир находится под гнетом пандемии COVID-19, и Республика Корея, к сожалению, не исключение. Географическая близость и тесные экономические связи с Китаем повлияли на то, что уже примерно через два месяца после КНР в РК были зафиксированы первые случаи заражения.

Молниеносные меры, предпринятые правительством РК, помогли сдерживать первые волны пандемии в 2020–2021 гг., и, по нашему мнению, ключевыми моментами оперативной борьбы с COVID-19 стали:

- 1) мгновенное реагирование на распространение вируса;
- 2) подготовленная цифровая база для отслеживания цепочек заражений и введение системы штрафов для нарушителей;
- 3) широкомасштабная финансовая помощь государства;
- 4) оперативная вакцинация и доверие населения к процессу вакцинации.

Мгновенное реагирование на распространение вируса

В начале пандемии правительством РК были введены первые карантинные меры и обязательный скрининг для прибывающих из г. Ухань (январь 2020 г.). В феврале 2020 г. введен красный уровень (самый высокий) готовности и запрещен въезд для иностранных граждан из провинции Хубэй, усилен контроль за при-

бывшими из Китая и Японии и др. С марта 2020 г. это правило распространялось на всех въезжающих.

Мгновенное реагирование на распространение вируса было осуществлено во многом благодаря опыту борьбы с вирусом ближневосточного респираторного синдрома Middle East respiratory syndrome (MERS) в 2015 г. Накопленный опыт позволил РК оперативно отреагировать на новую угрозу и использовать выработанные пять лет назад алгоритмы, такие, как метод трех Т (trace / отслеживание, test / тестирование, treat / лечение) [9, с. 207].

По данному методу были оперативно организованы скрининговые центры «на ходу», экстенсивное тестирование, быстрая диагностика, а также использование информационных и коммуникационных технологий для информирования населения и отслеживания подтвержденных случаев.

Путем лицензирования частных компаний и клиник на проведение тестов на ранних этапах эпидемии возможности тестирования были быстро расширены с 3000 в день (по данным на 7 февраля 2020 г.) до 15 000–20 000 в день со сроком выполнения 6–24 часов к концу марта 2020 г. По состоянию на 25 марта 2020 г. функционировало 118 учреждений, способных проводить тесты на COVID-19, включая Корейское агентство по контролю и профилактике заболеваний (KCDC), четыре национальные карантинные станции, 18 научно-исследовательских институтов общественного здравоохранения и окружающей среды (RIPHE) и 95 частных медицинских лабораторий и больниц [11].

Подготовленная цифровая база для отслеживания цепочек заражений и введение системы штрафов для нарушителей

В РК широко используются такие меры, как: мгновенное отслеживание цепочек распространения вируса, самоизоляция для всех прибывающих из-за границы, система штрафов и распространенная практика доносов на нарушителей.

Отслеживание информации ведется по всем доступным каналам, включая медицинские записи, мобильный GPS, записи с камер видеонаблюдения, записи кредитных карт и т.д. Ужесточен контроль в местах массового скопления населения (рынки), например, до конца 2021 г. работала система «звонков безопасности»

– автоматизированная система регистрации посетителей, при которой продавцы и покупатели при входе на рынок совершают звонок на специально выделенный номер. Рядом с рынками открыто 40 мобильных центров тестирования на COVID-19.

Отслеживаются пассажиры, прибывающие в страну из-за границы: они обязаны установить либо «Приложение для защиты безопасности самокарантина», либо «Приложение для самодиагностики» на своих телефонах, чтобы отслеживать, проявляются ли у них симптомы, указывающие на заражение COVID-19, в течение 15 дней, начиная со дня прибытия. Кроме того, список прибывающих путешественников предоставляется каждому местному органу власти (городу или провинции) для проведения мониторинга [15].

Система штрафов распространяется как на физических, так и на юридических лиц. В частности, в целях предотвращения дефицита масок и санитайзеров в начале пандемии были введены штрафы для предпринимателей, создающих искусственный дефицит для получения сверхприбыли. Нарушение масочного режима и правил учета посетителей общественных мест наказывается штрафом до 3 млн вон (2700 долл. США) для владельцев бизнеса и до 100 тыс. вон (90 долл. США) для физических лиц [4].

При этом введение обязательного ношения масок не встретило негативных откликов со стороны населения (ношение масок и до пандемии у корейцев было обычным явлением).

Широкомасштабная финансовая помощь государства

Первый пакет мер по поддержке малого бизнеса был принят уже 4 марта 2020 г. и составил 2,1 млрд долл. США. Второй пакет мер принят 19 марта 2020 г.: выделено 39 млрд долл. Третий пакет мер: выделено 29 млрд долл. США – 29 мая 2020 г.

Согласно принятому второму дополнительному бюджету в 2021 г. на борьбу с последствиями пандемии было выделено более 29 млрд долл., из которых 14,6 млрд – на финансовую поддержку бизнеса и населения (4,5 млрд – на компенсацию потерь малого бизнеса, остальное на поддержку уязвимых слоев населения и на стимулирование потребления), 4,2 млрд – на борьбу с пандемией (1,9 млрд – на поддержку вакцинации и тестирования

и 2,3 млрд – на другие меры по контролю пандемии), 2 млрд – на поддержку занятости и др.

Оперативная вакцинация и доверие населения к процессу вакцинации

В феврале 2021 г. РК начала массовую вакцинацию своих граждан, и по данным на начало 2022 г. было привито уже 86,4% всего населения (получившие одну вакцину) и 83,7% всего населения (получившие две вакцины) [6].

Вакцинация является всеобщей, бесплатной и добровольной, и право на бесплатную вакцину от COVID-19 получили не только граждане Республики Корея, но и все находящиеся в стране иностранцы [2].

Осенью 2021 г. правительство РК, основываясь на том, что в стране достигнут высокий процент вакцинированных граждан, приняло решение о введении облегченного режима, получившего название «жизнь с COVID-19» (life with COVID-19). Имеется в виду этап, когда большинство населения (70%) будет вакцинировано двумя препаратами (используются вакцины компаний AstraZeneca, Pfizer, Janssen и Moderna) и начнет вырабатываться массовый иммунитет.

Начавшийся в ноябре облегченный режим дал возможность кафе и ресторанам работать 24 часа в сутки, а число людей, которым можно встречаться одновременно, увеличилось до 10–12 человек [1]. Была упрощена работа фитнес-центров, развлекательных заведений, стало возможным проведение спортивных состязаний и концертов. Также была облегчена и процедура въезда на территорию РК: в настоящее время в РК признается факт получения следующих прививок от COVID-19, сделанных за рубежом: Pfizer, Janssen, Moderna, AstraZeneca, Sinopharm и Sinovac.

Все вышеперечисленные меры сыграли свою позитивную роль, и ко второй половине 2021 г. экономика Республики Корея, существенно пострадавшая от пандемии COVID-19, не только восстановила докризисные показатели, но и продолжила набирать обороты. По данным МВФ, рост экономики РК в 2021 г. достиг 4% во многом благодаря эффективной борьбе страны с пандемией, росту экспорта, улучшению инвестиций в бизнес и поддержке со

стороны государства. Ожидается, что рост продолжится и в 2022 и 2023 гг., составляя в среднем около 3% [12].

Являясь седьмым по величине экспорта в мире государством, в 2021 г. стране удалось экспорттировать на сумму более чем 640 млрд долл. США (табл. 1.) [13].

Таблица 1

Экономические показатели РК в 2021–2022 гг. (прогноз)

	2021 г.	2022 г.
Рост ВВП (%)	4,0	3,1
Рост занятости (число новых рабочих мест (тыс.)	350	280
Уровень занятости (%, население в возрасте от 15 до 64 лет)	66,5	66,9
Инфляция потребительских цен (%)	2,4	2,2
Экспорт (млрд долл США)	643,0	656,0
Импорт (млрд долл США)	612,5	628,0

Источник: Ministry of Economy and Finance of the ROK Press release: Korea Economic Policies 2022. – 2021. – 21.12. – URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=5273> (дата обращения: 07.01.2022).

Экспорт полупроводников составил 115,2 млрд долл США за первые 11 месяцев 2021 г., что составляет 19,7% от общего объема зарубежных продаж страны, что почти вдвое больше, чем 62,2 млрд долл. в 2016 г. Экспорт автомобилей составил 32,7 млрд долл США в период с января по сентябрь, что дало Южной Корее возможность оставаться на пятом месте в мире по экспорту автомобилей. Южная Корея доминировала на мировом рынке органических светодиодов (OLED) с долей рынка 83,1% за первые девять месяцев 2021 г. Экспорт биоматериалов, аккумуляторов, косметики, а также продукции сельского хозяйства и рыболовства увеличился на 12,3 млрд долл. США до рекордных 40 млрд долл. США. Поставки биопродуктов достигли 14,3 млрд долл. США США в январе-ноябре 2021 г. Экспорт аккумуляторов вырос на 20% до 7,9 млрд долл. США (2-е место в мире после Китая). Страна стала пятым по величине экспортёром косметики в мире, а зарубежные продажи выросли на 46,2% до 8,5 млрд долл США за первые 11 месяцев 2021 г. по сравнению с тем же периодом 2018 г. [14].

В пандемию РК удалось диверсифицировать свои экспортные поставки и расширить поставки за рубеж медицинских това-

ров в том числе таких, как тесты для COVID-19 и медицинские маски. По данным Таможенной службы РК, экспорт тест-систем вырос с 3000 долл. США в январе 2020 г. до почти 132 млн долл. США в апреле. А экспорт масок в феврале 2020 г. вырос на 2195% в сравнении с февралем 2019 г. и составил 157,13 млн долл. США [7, с. 88].

Однако, несмотря на столь радужные прогнозы, 2022 г. будет сложным для РК, и специалисты отмечают, что ключевыми задачами в экономическом плане на будущий 2022 г. будут:

- противостояние пандемии COVID – 19 (в том числе против новых штаммов);
- смягчение негативных последствий пандемии, которые в той или иной степени затронули практически все сферы деятельности в РК;
- поиск новых драйверов роста.

Более того, новой администрации, которая начнет свою работу после выборов в марте 2022 г., придется оперативно решать как новые, так и застаревшие вызовы, которые правительство Мун Чжэ Ина по сути не смогло побороть. Такие, как существенная сумма долга как государственного, корпоративного, так и долга самих граждан, рост неравенства между богатыми и бедными, значительное число самоубийств среди стариков. Не утихают и внешние вызовы, а именно: рост инфляции из-за резкого повышения цен на сырье, сбои в глобальных цепочках поставок и конфликт между США и Китаем, которые также негативно влияют на экономику РК.

Крупномасштабная финансовая помощь предприятиям и населению в период пандемии вылилась в рост государственного долга, который в 2020 г. достиг 750 млрд долл. США, что почти на 110 млрд больше, чем в 2019 г. [3]. Негативная ситуация сохраняется и в демографическом плане, социальной сфере, а также на рынке труда, в котором из-за пандемии произошло увеличение количества безработных.

Потребительские настроения в РК в конце 2021 г. также показали негативный тренд: по данным Статистического управления РК, национальный индекс розничных продаж в ноябре 2021 г. составил 119,1, что на 1,9% меньше, чем месяцем ранее. Это стало самым высоким падением с тех пор, как индекс упал на 6,1% в

июле 2020 г., когда пандемия нанесла серьезный удар по экономике. В разбивке по статьям розничные продажи упали на: бытовую технику, мобильные компьютеры, одежду, спортивные товары, автомобильное топливо, продукты питания и напитки. Крупные дисконтные сети, на долю которых приходится большая часть потребления домохозяйств, зафиксировали заметный спад на 10,4% [10].

Мы также вынуждены констатировать, что приход 2022 г. ознаменовался для РК новой волной заболеваний и, к сожалению, правительству РК пришлось свернуть смягчение режима роста из-за заразившихся и появления нового штамма вируса омикрон.

Остается серьезным вызовом и значительная доля престарелого населения, уровень смертности в которой от пандемии COVID-19 высок. Несмотря на то что среди заразившихся доля населения старшего поколения незначительна и составила всего 3,21%, среди умерших процент стариков существен и составил практически 50% (табл. 2). Усугубляет положение заболевших стариков и их тяжелое финансовое состояние: РК имеет самый высокий показатель граждан в возрасте 65 лет и старше, живущих в бедности, среди всех стран ОЭСР. Бедность стариков во многом обусловлена ограниченной пенсиею из-за неразвитой пенсионной системы и низким заработком тех, кто продолжил работать [16, р. 11]. С целью снижения заболевших среди престарелого населения правительство РК предложило сократить интервал между вакцинацией и ревакцинацией для граждан старше 50 лет с 6 до 5 месяцев, для граждан старше 60 лет – до 4 месяцев.

Осознавая глубину социально-демографической проблемы, президент РК Мун Чжэ Ин 4 января 2022 г. объявил о введении мер поддержки семей с детьми, в частности, впервые в 2022 г. планируется выдать ваучеры на покупку детских товаров и детские пособия, а право на получение детских пособий будет распространено на детей до восьми лет. Стандартный средний доход будет повышен до рекордно высокого уровня, что значительно повысит уровень покрытия семи основных льгот. Круг тех, кто имеет право на страхование занятости, также будет расширен за счет включения в него работников службы доставки и оплачиваемых назначенных водителей. Субсидирование расходов на жилье и образование для молодежи будет увеличено предоставлением ежеме-

сЯчной поддержки расходов на аренду жилья в размере 200 000 вон и покрытия половины стоимости обучения для студентов из семей со средним уровнем дохода [18].

Таблица 2

Количество заболевших и смертельных случаев по возрастным группам (по данным на 06.01.22)

Возраст	Подтвержденные случаи заболевания (%)	Смертность (%)
80 лет и старше	21 018 (3,21)	2 935 (49,86)
70–79	39 283 (6,01)	1 610 (27,35)
60–69	92 411 (14,13)	923 (15,68)
50–59	94 469 (14,45)	284 (4,82)
40–49	95 799 (14,65)	81 (1,38)
30–39	95 262 (14,57)	38 (0,65)
20–29	97 431 (14,90)	13 (0,22)
10–19	65 794 (10,06)	0 (0,00)
0–9	52 325 (8,00)	3 (0,05)

Источник: 국내 발생 현황. 확진자 연령별 현황(1.6 00시 기준) (на кор. яз.)

(Текущее состояние с заболевшими данные с разбивкой возрасту (на 06.01.22) (дата обращения: 02.01.2022). – URL:http://ncov.mohw.go.kr/bdBoardList_Real.do?brdId=1&brdGubun=11&ncvContSeq=&contSeq=&board_id=&gubun=

В 2022 г. в РК наблюдается рост заболевших COVID-19 (табл. 3). Понятно, что в сравнении с мировыми показателями заражений данное количество считается небольшим и РК занимает 58-е место в мире [8] по количеству заболевших (равному 660 тыс. с общим количеством смертей 5986 человек), но темпы роста вызывают опасения [6].

Вызывает тревогу и состояние медицинского фонда РК, который пока справляется с наплывом больных, но, по нашему мнению, при резком его увеличении может возникнуть нехватка медперсонала и больничных коек. Поэтому виду роста количества заболевших правительство решило создать дополнительно 10 тыс. больничных коек для пациентов с COVID-19 в тяжелом состоянии. Таким образом, их число будет доведено до 25 тыс. При этом ряд крупных больниц будет перепрофилировано на лечение исключительно пациентов с коронавирусом. В частности, не менее 300 коек для таких пациентов будет обеспечено в больницах при универ-

ситетах, в том числе при Сеульском государственном университете [5].

Таблица 3

Количество заболевших в РК с 31.12.21 по 06.01.22

Кол-во заразившихся	31.12	01.01	02.01	03.01	04.01	05.01	06.01	Среднее по неделе
Чел. в день	4874	4415	3831	3125	3023	4443	4126	3976
На 100 тыс. человек	9,44	8,55	7,42	6,05	5,85	8,6	7,99	7,7

Источник: 국내 발생 현황. 확진 현황 (10.06. 00시 기준) = Текущее состояние с заболевшими в РК на 06.01.22. – На кор. яз. – URL: http://ncov.mohw.go.kr/bdBoardList_Real.do?brdId=1&brdGubun=11&ncvContSeq=&contSeq=&board_id=&gubun=

Усугубляет ситуацию в стране и введение вакцинальных пропусков, которые, начиная с 3 января 2022 г., обязательны для входа в общественные здания, включая предприятия торговли и общественного питания. Введение таких пропусков вызвало ожесточенную реакцию общественности, что вылилось в подачу многочисленных судебных исков против министра здравоохранения и социального обеспечения и главы KCDC [17].

В заключение отметим, что в настоящее время в РК сложилась непростая как экономическая, так и социальная ситуация. Высокая степень неопределенности, связанная с непрекращающейся пандемией и появлением ее новых опасных штаммов, заставляющая правительство РК вновь вернуться к жестким мерам, вызывает негативную реакцию со стороны граждан, уставших от бесконечных ограничений. В унисон с гражданами звучат и протесты представителей малого и среднего бизнеса, которые не смогли полностью перестроиться на дистанционные рельсы и терпят убытки. На наш взгляд, после выборов в марте 2022 г. новой администрации РК придется оперативно искать пути выхода из сложившейся ситуации.

Список литературы

1. Кирьянов О. В Южной Корее с 1 ноября смягчаются антикоронавирусные правила // Российская газета. – 2021. – 31.10. – URL: <https://rg.ru/2021/10/31/v-pravila.html>

- iuzhnoj-koree-s-1-noiabria-smiagchaiutsia-antikoronavirusnye-pravila.html (дата обращения: 01.01.2022).
2. Кирьянов О. В Южной Корее стартует всеобщая вакцинация // Российская газета. – 2021. – 25.02. – URL: <https://rg.ru/2021/02/25/v-iuzhnoj-koree-startuet-vseobshchaia-vakcinacii.html> (дата обращения: 01.01.2022).
 3. В 2020 году в РК отмечен рекордный рост государственного долга // KBS World Russian. – 2021. – 06.04. – URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Ec&Seq_Code=65418 (дата обращения: 08.02.2022).
 4. Для нарушителей правил карантина введены штрафные санкции // KBS World Russian. – 2021. – 05.04. – URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Dm&Seq_Code=65407 (дата обращения: 01.01.2022).
 5. Для пациентов COVID-19 будут созданы дополнительные больничные койки // KBS World Russian. – 2021. – 22.12. – URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view_sp.htm?lang=r&Seq_Code=68450&board_code=99&page=4&board_code=99&kubun=n&special_id=covid (дата обращения: 03.01.2022).
 6. Корея: текущее состояние с заболевшими в РК на 06.01.22 // 코로나바이러스감염증-19 (COVID-19). – 2022. – 08.01. – На кор. яз. – URL: http://ncov.mohw.go.kr/bdBoardList_Real.do?brdId=1&brdGubun=11&ncvContSeq=&contSeq=&board_id=&gubun=
 7. Семина Л.И. Опыт Республики Корея по борьбе с эпидемией COVID-19: первые итоги // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2020. – № 2. – С. 77–94.
 8. Статистика по коронавирусу // Коронавирус сегодня. – URL: <https://koronavirus-rus-today.ru> (дата обращения: 03.01.2022).
 9. Федоровский А.Н. Вызовы пандемии COVID-19 и приоритеты экономического развития Республики Корея // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 204–218.
 10. Kim Yon-se. Consumption Falls Steepest in 16 Months // The Korea Herald. – 2021. – 30.12. – URL: https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20211230000657&ACE_SEARCH=1 (дата обращения: 08.01.2022).
 11. Response to COVID-19 in South Korea and Implications for Lifting Stringent Interventions / Dighe A., Cattarino L., Cuomo-Dannenburg G. et al. // BMC Medicine. – 2020. – N 18 (321). – URL: <https://bmcmedicine.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12916-020-01791-8> (дата обращения: 08.01.2022).
 12. Korea Economic Forecast // OECD. – 2021. – December. – URL: <https://www.oecd.org/economy/korea-economic-snapshot/> (дата обращения: 08.01.2022).
 13. Korea Economic Policies 2022 // Ministry of Economy and Finance. – 2021. – 20.12. – URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=5273> (дата обращения: 07.01.2022).
 14. Ji-Hoon Lee, Sin-Young Park, Eu-Jin Jeong. Korea Exports Hit Record to Top \$640 bn in 2021 // The Korea Economic Daily. – 2021. – 14.12. – URL: <https://www.kedglobal.com/newsView/ked202112130016?lan=> (дата обращения: 03.01.2022).

15. Korean Government’s Response System // Coronavirus (COVID-19), Republic of Korea. – URL: http://ncov.mohw.go.kr/en/baroView.do?brdId=11&brdGubun=111&dataGubun=&ncvContSeq=&contSeq=&board_id (дата обращения: 03.01.2022).
16. OECD Economic Surveys Korea // OECD. – 2020. – Р. 11. – URL: <https://www.oecd.org/economy/korea-economic-snapshot/> (дата обращения: 03.01.2022).
17. Lee Hyo-jin. Ongoing Vaccine Pass Confusion May Hamper Booster Shot Rollout // The Korea Times. – 2022. – 07.01. – URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/01/119_321873.html (дата обращения: 08.01.2022).
18. Opening Remarks by President Moon Jae-in at 1 st Cabinet Meeting // English1.President.Go.kr. – 2022. – 04.01. – URL: <https://english1.president.go.kr/Briefingspeeches/Speeches/1131> (дата обращения: 07.01.2022).

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

2022 № 2

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнейдерман
Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор С.Е. Шелимова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 14.08.1999 г.

Подписано к печати 10.03.2022

Формат 60×84/16
Печать офсетная
Усл. печ. л. 10,0
Тираж 300 экз.
(1–100 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1
Цена свободная
Уч.-изд. л. 8,3
Заказ № 6

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117481
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@ion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литер У

